Жорж БЕРНАНОС

Биография диктатора

Появление сильного человека
вызывает всеобщую тоску
Мы признаёмся
Противоречивый Политический Гений

Сохранять достоинство

Жорж Бернанос

Аннотация
Жорж Бернанос. Сохранять достоинство
ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ К ИСТИНЕ
Большие кладбища под луной
Мы, французы
I
II
III
Статьи военных лет
Цинизм силы и лицемерие права
Монсеньор Сюар и Жанна д'Арк
Славные имена и пустые головы
Самоубийство Стефана Цвейга
Наследие Чемберлена
Не толкайте Францию к отчаянию!
Что такое «фашист»
Франция не должна больше погружаться в сон
Дарлан
Генерал Жиро — американский сценарист
Позвольте Франции изъясняться по-французски
Фарисеи-миротворцы

Ненасытные паразиты
Дядя Сэм и Макиавелли
Преподобный Понтий Пилат
Как спасать Германию
Все зачеркнуть и все начать сначала
Сохранять достоинство

Аннотация

Крупный французский писатель-реалист XX века Жорж Бернанос представлен сборнике социальным романом «Дневник сельского священника», политическим эссе «Большие кладбища под луной», разоблачающим фашистскую агрессию против испанского народа, памфлетом «Мы, французы», повествующим о событиях, приведших к мюнхенскому сговору, статьями времен второй мировой войны. Бернаноса художника и публициста отличает темперамент, сила сатирического обличения фашизма и клерикальных кругов.

Издается к 50-летию начала второй мировой войны и 100-летию со дня рождения писателя.

(Из сборника исключен роман «Дневник сельского священника» — А.П.)

Жорж Бернанос
Сохранять достоинство

ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ К ИСТИНЕ

(предисловие *В. А. Никитина*)

Даже в плеяде тех ярких и оригинальных личностей, которыми оказалась столь богата французская литература XX века, Жорж Бернанос выделяется каким-то особым своеобразием. В художественном творчестве печать его своеобразия заметна меньше, в публицистике она резко бросается в глаза. Однако когда уже потом, после чтения статей и книг-памфлетов, возвращаешься вновь к романам, обнаруживаешь его признаки и там. Истоки этого своеобразия — в той драме, которая на протяжении многих лет разыгрывалась в сознании и в самой жизни писателя и запечатлелась на страницах его произведений. Читатели этой книги смогут наблюдать перипетии этой драмы.

Когда мы издаем шедевры зарубежной публицистики, нам, естественно, бывает приятно услышать мнения, совпадающие с нашими собственными. Хорошо, если писатель оказывается нашим другом, разделяет наши убеждения, читает наши мысли, помогает нам лучше их

сформулировать, иногда указывает нам путь. Когда мы знакомимся с лучшими образцами зарубежной публицистической прозы, наша цель не сводится только к тому, чтобы солидаризироваться с высказанными в ней мыслями, сделать их своими, превратить в лозунги. Найти союзника, единомышленника — это, конечно, важно. Но, пожалуй, не менее важно обнаружить новый интересный документ, а за ним увидеть личность с неординарным мышлением, познакомиться еще с одной яркой и неповторимой человеческой судьбой, например такой, как у Жоржа Бернаноса.

С ним почти нет шансов, что он поведет нас за собой. Большинство из его аргументов вызовут у нас скорее неприятие, чем солидарность. Он не был нашим другом, он шел от иных, чем мы, горизонтов и в ином, чем мы, направлении. Однако в самый решающий момент истории XX века, когда в борьбе против фашизма решались судьбы мира, он стал, преодолев тяготение идеологических и политических предрассудков, нашим союзником. Кроме того, он был выдающимся публицистом, может быть, самым талантливым и ярким французским публицистом XX века. И он был не просто писателем, а и — французы очень

любят это слово — свидетелем, очевидцем истории. Собственно его свидетельские показания и составляют главную силу его публицистики. Бывают в истории такие моменты, когда все люди доброй воли, презрев разделяющие их распри, объединяют свои усилия в борьбе против зла, угрожающего всем. Так случилось в годы второй мировой войны, когда речь шла о жизни или смерти цивилизации. Сейчас речь идет о жизни и смерти человечества, и опыт Бернаноса, рассказавшего о той исторической битве, не утратил своей актуальности. Бернанос велик тем, что без устали боролся против всего, что унижает, уменьшает, калечит, угнетает человека. Бесценен его опыт, опыт человека, который понимал, что, живя в капиталистическом обществе, нельзя быть свободным от него, но наперекор обстоятельствам все же стремился сохранить свою внутреннюю свободу, и порой это ему удавалось.

В этом году Жоржу Бернаносу исполнилось бы сто лет. Родился он в Париже 20 февраля 1888 года, в семье ремесленника-обойщика. Среднее образование получил в нескольких католических коллежах столицы и провинции, которые был вынужден менять то из-за невозможности найти общий язык с преподававшими там отцами-

иезуитами, то из-за переездов семьи, во многом предвосхитивших его будущий стиль жизни, его хроническую неприкаянность, скитания и странствия. Впоследствии ему было суждено сменить много мест, но к одному уголку Франции — старинной провинции Артуа, где в деревне Фрессен в принадлежавшем их семье доме прошли первые годы его сознательной жизни и где он потом регулярно проводил летние каникулы, — у него сохранилась особая привязанность. По его словам, всякий раз, когда он садился за письменный стол, перед глазами его возникал неброский равнинный пейзаж северной Франции и становился естественным обрамлением, а порой и активным участником развертывавшихся в романе перипетий.

Бернанос всегда немало гордился своим демократическим происхождением, что, впрочем, не мешало ему одновременно заботливо культивировать основанное на иностранном звучании фамилии предание о благородном происхождении семьи от испанских дворян, переселившихся во Францию предположительно в XVII веке.

Мать Жоржа, в девичестве Эрманс Моро, была женщиной весьма набожной, правда, без видимых признаков ханжества — в доме нередко

звучали суровые суждения о церкви и о священниках. Именно от нее унаследовал будущий писатель глубокую религиозность. Что касается отца, то тот сумел передать сыну, помимо благотворной любви к Бальзаку, еще и любовь к публицистике реакционных журналистов того времени. Таким образом, с самого начала своего жизненного пути Бернанос оказался в такой обстановке — мелкобуржуазное семейное окружение, церковь, антидемократическая атмосфера привилегированных учебных заведений, — которая формировала его как ревностного католика, человека консервативных взглядов, монархиста. Все это привело его в лагерь реакции, в националистическую организацию «Аксьон Франсез», руководимую реакционным писателем и политическим деятелем Шарлем Моррасом. Впоследствии Бернанос вспоминал о вступлении в «Аксьон Франсез» как об ошибке, совершенной по молодости лет, в том возрасте, «когда абстрактная идея в сочетании с чувством образуют взрывчатую смесь». Юношеский максимализм и горячий, вспыльчивый характер, несомненно, сыграли свою роль, но главные причины как этого, так и многих других его поступков лежали гораздо глубже и не могут быть поняты без

анализа тех идеологических процессов, которые начали развиваться в последней трети XIX века.

Дело в том, что мировоззрение Бернаноса формировалось под непосредственным влиянием так называемого «католического возрождения». Начиная с Возрождения в литературе и искусстве, ранее тесно связанных с религией и церковью, все больше и больше обнаруживала себя тенденция к «эмансипации». Прогрессирующая дехристианизация литературы соответствовала периоду подъема буржуазии как класса и достигла своего апогея в XVIII веке, в эпоху Просвещения. Буржуазная идеология, которая до поры до времени пряталась под маской различных протестантских ересей, получила тогда возможность назвать свое истинное имя. Религией поднимающейся буржуазии, отмечал Ф. Энгельс, стал рационализм. «Насильственные меры Людовика XIV, писал он, — только облегчили французской буржуазии возможность осуществить свою революцию в нерелигиозной, исключительно политической форме, которая одна лишь и соответствовала развитому состоянию буржуазии» {1}. Подобный идеологический климат, естественно, не способ-

{1} Примечания: 2.1

К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения в 3-х тт. М.: Изд-во полит. лит-ры. 1979, т. 3, с. 413.

ствовал распространению религиозных идей в среде литераторов.

Заметное изменение духовной атмосферы наступило лишь в последней трети XIX века. Его симптомом в литературной жизни как раз и стало «католическое возрождение», внешним выражением которого явилось «обращение» в католическую веру ряда литераторов, ранее весьма равнодушно относившихся к вопросам религии. В начале 60-х годов католицизмом заинтересовался Барбе д'Оревилли, а потом началась настоящая цепная реакция. Наступила очередь Леона Блуа, Поля Бурже, Жориса Карла Гюисманса. Не остались в стороне от странной моды и поэты. Католической стала вдруг муза Поля Верлена. Верлен в свою очередь проложил путь Франсису Жамму и Жермену Нуво. Блуа указал путь Шарлю Пеги. Пришло «откровение» и к Полю Клоделю. Веяние затронуло не только литераторов. Католиком стал художник Жорж Руо. Философ Жак Маритен и его жена Раиса Маритен «обратились» из протестантизма в католицизм. Волна «обращений» не останавливалась до первой мировой войны. После войны она несколько стихла в самой Франции, но зато перекинулась на другие страны.

Изначально главным источником идеологии «католического возрождения», стал, конечно же, тот самый страх, который находится у основания любой религии. Только в данном случае это был не страх перед грозными и непонятными силами природы, способствовавший зарождению религиозного чувства в древние времена, а тот «страх перед слепой силой капитализма», о котором говорил В. И. Ленин. Существует немало документов, подтверждающих это. Например, один из ведущих католических публицистов Эдуард Род писал: «После 1870 года в обстановке ненависти и недоверия, обусловленной бедствиями войны с внешним врагом и войны гражданской, в обстановке тоски из-за множества открытых вопросов, решение которых не предвидится, в потрясенной до основания Западной Европе сгустилась тяжелая и нездоровая атмосфера, чрезвычайно благоприятная для расцвета философии отчаяния»{2}.

Затяжной кризис, поразивший Францию после военного краха и разгрома Коммуны, ощущался в политике и философии, распространялся на самые различные сферы жизни, затронул искус-

---

{2} Примечания: 2.2

Цит. по.: R. Bessede. La crise de la conscience catholique dans la litterature et la pensee francaise a la fin du XIX sciecle. P., Klincksieck, 1975, p. 32.

ство и литературу, науку и мораль, не миновал сферу религии. Возрождение религии было жестом отчаяния и представляло собой особую форму бунта против буржуазного конформизма, против интеллектуальной сухости позитивизма, против парламентской демократии, против политического либерализма, сбросившего свою маску во время расправы над коммунарами. Если либеральным католикам импонировала политика «республиканца» Тьера как истинного защитника имущих классов, то многие из католиков-неофитов в знак протеста написали на своих знаменах монархические лозунги. Ватикан и буржуазия были тогда заинтересованы в придании католицизму новой, более современной, даже несколько наукообразной формы. А раз так, то этой тенденции представители «католического возрождения» противопоставили намеренно примитивную религию. Этим же объясняется и пристрастие неофитов к мистицизму, к провоцирующе нелепым суевериям. Религия новообращенных литераторов апеллировала не к логике, не к «скомпрометированному» разуму, а к «откровению» и догме. Литературное «католическое возрождение» возникло на гребне духовного протеста, объединившего на время

некоторые группы населения, на гребне чувств, на гребне настроения.

Именно эти бунтарские тенденции, проявившиеся в общественной психологии того времени, оказались созвучными юному Бернаносу, которому к тому же даже и не нужно было «обращаться» в веру, поскольку он с младенчества воспитывался в католицизме.

Рискуя представить в несколько огрубленном и упрощенном виде реальную картину формирования мировоззрения Бернаноса, можно сказать, что оно складывалось в первую очередь под воздействием радикальной анархо-религиозной идеологии. На актуальные вопросы современности он искал ответы поочередно в Евангелии и в сочинениях Прудона. Оказала на него определенное влияние и традиция феодального социализма, сложившаяся во Франции после революции 1830 года, когда распад прежнего союза буржуазии и рабочего класса породил иллюзию возможности создания антикапиталистического союза дворянства и трудящихся. Нашлось в его сознании место и для некоторых идей христианского социализма, предлагавшего для лечения болезней общества программу нравственного совершенствования.

С 1906 и вплоть до самого 1913 года Жорж Бернанос учился в Сорбонне и парижском Католическом институте, а потом, получив дипломы филолога и юриста, в течение нескольких месяцев перед войной руководил в городе Руане небольшим монархическим еженедельником, носившем звучное название «Авангард Нормандии». На фронт он пошел добровольцем, невзирая на то что по состоянию здоровья от службы в армии был освобожден. Не то чтобы он слишком поверил трескучим лозунгам урапатриотической, к тому же ненавистной ему буржуазной пропаганды. Просто он, исповедуя аристократический культ чести, полагал, что обязан выполнить свой долг защитника отечества, как выполняли его рыцари былых времен.

На войне он в полной мере хлебнул лиха, доставшегося на долю поколения, которое окрестили «потерянным». Четыре года, проведенные в окопах, обострили социальное зрение, внесли некоторые существенные коррективы в его мировосприятие. Во всяком случае, вернувшись в 1919 году домой, он вышел из «Аксьон Франсез». Война запечатлелась в его сознании как символ предательства народа буржуазией, фронта — тылом, молодежи — стариками. Эта последняя

антитеза навсегда стала одним из главных ориентиров его мировоззрения, а потом и творчества. Старость, считал он, — это дух компромисса, благоразумного конформизма, а юность и детство — дух вечного горения, протеста. Отвечая на одну из анкет, он в графе «ваше кредо» написал: «Остаться верным великим страстям отрочества либо погибнуть. Стареть — значит отказываться от себя».

В «Авангард Нормандии» Бернанос уже не вернулся. Подыскав себе в одном страховом агентстве должность инспектора, позволявшую ему относительно свободно распоряжаться своим временем, он приступил к реализации давней заветной мечты о литературном творчестве. Еще в 1917 году во время одного из отпусков он женился. Его биографы, как правило, не забывают упомянуть, что родословная его жены, Жанны Гальбер д'Арк, восходит по прямой линии к брату Жанны д'Арк. Жизнь страхового агента была связана с бесконечными поездками. Поэтому первый свой роман он писал в поездах, гостиницах, привокзальных кафе и в других столь же неподходящих для служения музам местах.

Эстетические взгляды Бернаноса складывались в процессе интенсивного и беспорядочного чте-

ния Бальзака и Флобера, Диккенса и Теккерея, Вальтера Скотта и Гюго, Золя, Франса, Расина, немецких романтиков, английских просветителей, французских энциклопедистов, Барбе д'Оревилли, Вилье де Лиль-Адана, Леона Блуа. Главным своим учителем он называл Бальзака, все произведения которого прочитал уже в четырнадцатилетнем возрасте. В определенной мере французские классики XIX века помогли писателю восполнить недостающий жизненный опыт, способствовали формированию более трезвого отношения к социальным и политическим реалиям. «Чтобы знать, что мы думаем о французской буржуазии, — вспоминал он много лет спустя, — достаточно прочитать то, что о ней когда-то писали Бальзак и Флобер...» {3} Выбор, сделанный в пользу реалистической эстетики, еще больше укрепился после знакомства с произведениями русских писателей: Толстого, Достоевского, Горького.

Обращает на себя внимание одно обстоятельство. Если судить по высказываниям писателя, придававшего первостепенное значение проблемам творческого метода, все его симпатии

{3} Примечания: 2.3

G. Bernanos. Essais et ecrits de combat. P., Gallimard, 1971, p. 663.

были на стороне реализма. Однако когда в 1926 году Бернанос издал свой первый роман «Под солнцем Сатаны», то оказалось, что по своему типу он принадлежит скорее романтизму, чем реализму. Бросить в бой «эскадрон образов» — так понимал свою задачу начинающий писатель. Ориентация на яркий образ, а не на характер предопределила многие черты творческого метода начинающего писателя. Выбирая образ в качестве основной строительной детали своих романов, Бернанос апеллировал не столько к традиции художественной прозы XIX века, сколько к опыту публицистической прозы писателей «католического возрождения». Впоследствии образ как исходный принцип организации материала явился тем связующим звеном, которое слило в единое целое его романы и публицистические произведения.

На долю первого романа Бернаноса выпал исключительный успех. Книга мгновенно разошлась стотысячным тиражом, что по меркам французской издательской практики тех времен было событием почти невероятным. Критика единодушно отметила талант, оригинальную манеру письма и публицистическую тональность произведения. Роман окрестили «политической

комедией», что очень польстило Бернаносу. Эта оценка указывала одновременно и на его причастность к бальзаковской традиции, и на сатирический пафос его произведения. Писатель в своем романе ставил целью осудить бездуховность буржуазного общества, которому он противопоставил «святого», человека, пытающегося в одиночку бороться против сил зла.

Воспользовавшись гонораром, полученным за «Солнце Сатаны», Бернанос решил полностью посвятить себя творчеству и отказался от своей должности в страховой компании. В 1927 и 1929 годах он издал еще два романа, «Обман» и «Радость», разоблачающие нравы обуржуазившейся клерикальной интеллигенции. Они были выдержаны в том же романтическом ключе. Романтизм импонировал писателю большими возможностями эксперимента с глобальными структурами бытия, отсутствием строгости социального детерминизма, которая отличала творчество его любимого учителя Бальзака.

Еще в 1928 году Бернанос приступил к созданию публицистической книги «Великий страх благонамеренных», которая в завершенном виде стала развернутым очерком жизни французского общества в 1870–1900 годах, страстным

памфлетом, направленным против «благонамеренных», то есть французской буржуазии, как консервативной, так и либеральной, а также против католической церкви, способствовавшей укреплению власти палачей Коммуны. Писатель пытался внимательно взглянуть на недавнее прошлое, чтобы лучше понять настоящее. Обличая «современное общество, общество предательства, компромисса», лишенное идеалов и смысла, Бернанос в большинстве случаев продолжал оперировать прежними категориями, но время от времени в его речи начинали проскальзывать и новые интонации. Заслуживают внимания, в частности, его замечания об «удивительном русском опыте» как о единственной реальной силе, способной уничтожить несправедливый социальный порядок. Попытка осмыслить по возможности без предвзятости опыт Октябрьской революции возникла, по-видимому, в связи с усилившимся кризисом мировой капиталистической системы, который недвусмысленно заявил о себе в 1929 году. Все отчетливее проявлялась поляризация политических сил Франции — подъем рабочего движения и постепенная фашизация буржуазии, что еще острее, чем раньше, ставило перед писателями проблему выбора позиции

в жизни и в искусстве. Книга «Великий страх благонамеренных» была опубликована в 1931 году. Тогда же произошел окончательный разрыв писателя с «Аксьон Франсез».

Все бернаносовское творчество начала 30-х годов было отмечено поисками новых ориентиров. Он напряженно искал свой путь, одну за другой начинал новые книги, отбрасывал их, вновь возвращался к начатому. Между «Радостью» и изданным в 1935 году романом «Преступление» — интервал в целых шесть лет. В 1933 году Бернанос попал на мотоцикле в тяжелую дорожную катастрофу, которая надолго приковала его к постели и навсегда сделала инвалидом. Но причины долгого молчания заключались не только в этом. Он переживал глубокий кризис и испытывал потребность на время остановиться, оглядеться, чтобы потом возобновить работу с новыми силами. Три первых романа составили в творчестве Бернаноса период, и он сам подвел под ними черту. Какого обновления желал писатель и что под ним подразумевал, можно судить лишь на основании его последующих произведений. От несколько абстрактных первых романов Бернанос двигался в направлении к конкретной, современной действительности. Можно без ко-

лебаний утверждать, что кризис благотворно сказался на всем его творчестве. Не будь этого перелома, прервавшего движение по инерции, в истории французской литературы, конечно, остались бы несколько романов, подписанных именем Жорж Бернанос, но не было бы крупного явления, обозначаемого тем же именем. В конечном счете Бернанос вынужден был признать, что истинному писателю больше идут растерянность и изумление перед лицом неведомой реальности, вдруг открываемой ему его же собственным произведением, нежели горделивая уверенность в раз и навсегда данной непогрешимости своих жизненных, идеологических, эстетических постулатов. Наступил час, когда для него открылся наконец путь к подлинному реализму, к тому самому, которым он когда-то восторгался, читая «Человеческую комедию».

Ярче всего бернаносовский реализм проявился в изданном в 1936 году «Дневнике сельского священника». Создавался он уже не во Франции, а на Мальорке, самом большом острове принадлежащего Испании Балеарского архипелага. Писатель перебрался туда в 1934 году в надежде, что там ему будет легче прокормить свою огромную — у него было шесть детей — семью. Этот роман столь

же публицистичен, как и прежние романы Бернаноса, но только здесь публицистичность не так бросается в глаза и потому более убедительна. Герой его, амбрикурский кюре, — интересный, живой характер и, возможно, одна из самых удачных попыток создания образа священника. Таких попыток история литературы знает немало, но даже Бальзак оказался не в состоянии воссоздать образ священника, по своей художественной силе хотя бы отдаленно напоминающий других его персонажей, таких, как Растиньяк, Гобсек, Вотрен. Не случайно священник Бонне в его романе «Сельский священник» оказался периферийным наблюдателем практически не связанной с ним интриги. Яркий социальный портрет персонажа невозможен без прямого или опосредованного изображения сформировавшей его среды. Но церковь не возбуждала у автора «Человеческой комедии» того интереса, который он проявлял к другим общественным институтам. Бурные процессы, связанные с окончательным захватом буржуазией всех командных высот во французском обществе начала XIX века, в то время мало затронули внутренние структуры церкви. Поэтому «доктор социальных наук» Бальзак не располагал о церкви данными, которые позволи-

ли бы ему открыть новые, неизвестные до него закономерности.

В качестве наблюдателя перестройки структуры церкви Бернанос находился в более выгодном положении. Уже во второй половине XIX века, по мере того как разрасталась борьба пролетариата против буржуазии, превратившейся к этому времени в союзника и даже покровителя церкви, последняя стала маневрировать, чтобы не отпугнуть неимущих прихожан своей чрезмерно консервативной политикой. Либеральное крыло церковной верхушки прилагало робкие усилия по отмежеванию от буржуазии во имя своего влияния среди трудящихся масс.

Бернаноса всегда интересовало положение церкви в современном обществе; в котором наметились процессы дехристианизации, он уже давно наметил тему священника, бросающегося «в самую гущу социальных конфликтов с наивной надеждой разрешить их с помощью текстов» {4}. До поры до времени крестьянские парни, превратившиеся в священников, служили надежным оплотом клерикальной элиты. Однако затем, по мере того как бунтарские идеи

{4} Примечания: 2.4
G. Bernanos. Monsieur Ouine. P., Plon, 1963, p. 179.

все больше проникали в их среду, в лоне церкви отчетливо проявилось действие центробежных сил. Заслуга Бернаноса состоит в том, что в романе «Дневник сельского священника» он изобразил процесс пробуждения социального самосознания у низших чинов церковной иерархии. Герой романа постепенно обнаруживает, что в современном мире церковь, по существу, заодно с эксплуататорами и что она давно изменила заветам Христа. Сделавший это открытие амбрикурский кюре оказывается в состоянии почти открытой вражды со своим церковным начальством, причем конфликт здесь носит не только религиозную, но и социальную, даже идеологическую окраску.

Изображая процессы брожения и дезинтеграции церкви, Бернанос предвосхитил события 50-х, 60-х, 70-х годов, может быть, в какой-то мере даже повлиял на них. В современном мире значительно возросло число священников, особенно молодых, активно выступающих против консервативной позиции церкви в социальных и политических вопросах. Некоторые из них ставят под сомнение власть папы, а другие, например в странах Латинской Америки, активно поддерживают революционное движение.

Своеобразие «Дневника» как социального романа состоит в том, что общественная жизнь увидена героем-рассказчиком сквозь призму христианской религии. И главный герой, и его собеседники привыкли мыслить образами и понятиями, заимствованными из христианской мифологии. В одном месте в романе власть буржуазии сравнивается с властью дьявола, в другом проводится параллель между делами капиталистов и поступками Иуды. Просматривается аналогия между самим амбрикурским кюре и Христом. Однако часто подобные сопоставления выходят за рамки сугубо религиозных представлений и объясняются многовековым сосуществованием и взаимопроникновением образов искусства, этики и различных религий. Поэтому, например, отождествление капитализма с дьяволом уже давно стало своего рода устойчивой метафорой, которой с одинаковым успехом пользовались и Барбе д'Оревилли в «Дьявольских ликах», и Чехов в рассказе «Случай из практики».

Социальная проблематика поставлена писателем в самый центр романа, о ней заявлено сразу же в экспозиции, в диалоге героя с торсийским кюре. «Ужасающая власть денег, ее слепая сила, ее жестокость», человек, «раздавленный колос-

сальной социальной структурой», — суровые инвективы против института собственности, выражающие позицию автора, встречаются довольно часто. Только в отличие от первых романов Бернаноса, где публицистичность была порой слишком навязчива, риторична, здесь слова обличения исходят не прямо от автора, а от персонажей. Идеи, принадлежащие писателю, высказываются в романе и самим главным героем, и его другом, торсийским священником, и легионером Оливье, и даже атеистом доктором Дельбандом. Причем можно заметить, что, хотя именно амбрикурский кюре наделен в романе наибольшим количеством автобиографических черт, идеи, поборником которых выступает Бернанос в публицистике, здесь в романе принадлежат обычно не ему, а кому-то еще, чаще всего его другу из Торси.

Оба эти персонажа, конечно, объединены узами глубокого духовного родства, но как характеры они совершенно различны. Главные критические выпады, действительно, психологически более оправданны в устах профессионального оратора из Торси, нежели в устах застенчивого, не слишком уверенного в себе амбрикурского священника. И кроме того, помимо психологической

достоверности, распределение ролей имеет также и определенный внутренний глубокий смысл. Голос торсийского кюре созвучен голосу самого Бернаноса, но того Бернаноса, каким он был в недавнем прошлом, тогда как голос главного героя принадлежит будущему. Порой амбрикурский кюре высказывает такие мысли, с которыми сам писатель отнюдь не был готов соглашаться. Отсутствие догматизма, разомкнутость характера кюре, его открытость всему новому как бы сделали его проводником писателя в мире идей. Небезынтересны и тезисы Оливье — в них тоже можно распознать голос самого Бернаноса, не только молодого, еще не обладающего жизненным и политическим опытом, накопленным к моменту написания «Дневника».

Наиболее отчетливо эта роль персонажа обнаружилась в его споре с торсийским кюре о том, как нужно относиться к теориям построения социализма. Когда люди страдают, разве не могут они прибегнуть к восстанию? В конечном счете оппонент амбрикурского кюре оказывается вынужденным согласиться с его доводами о том, что следует морально принять коммунистов. Писатель стремится подчеркнуть, что тому согласие стоило невероятных душевных мук, что оно яви-

лось результатом разыгравшейся у него в душе тяжелой драмы. Бернанос убедительно показал, какая трудная дилемма возникла в тот момент перед католическим сознанием, в течение многих веков приучаемом к идее невозможности равенства и счастья на земле. Можно привести одно косвенное свидетельство того, насколько актуальны были в 30-е годы проблемы, поставленные в романе. Буквально в то самое время, когда Бернанос его писал, известная французская католическая поэтесса Мари Ноэль, комментируя чье-то поведение, сделала в своем дневнике запись: «...как все-таки могли эти христиане связать все свои социальные надежды с партией, которая, следуя Марксу, декретирует уничтожение самой идеи Бога? Непостижимо»{5}.

Можно предположить, что и реплика набожной поэтессы, и дилемма, сформулированная Бернаносом, были ответом на вполне реальные и конкретные события, ответом на одну из акций Французской коммунистической партии, провозгласившей в 1934 году политику «протянутой руки», смысл которой заключался в обращенном к католикам призыве крепить классовую соли-

{5} Примечания: 2.5
M. Noel. Notes intimes. P., Stock, 1959, p. 130.

дарность независимо от отношения к религии. Появившаяся в «Фигаро» 26 мая 1936 года статья Франсуа Мориака, тогда еще весьма далекого от того, чтобы пойти на какое бы то ни было сотрудничество с коммунистами, так и называлась: «Протянутая рука». В ней он писал, что коммунизм и христианство «взаимно исключают друг друга», что «первый создается на развалинах второго» и что, следовательно, сотрудничество с коммунистами хотя бы даже только в одной сфере социальной борьбы уже означает измену интересам христианства. Вокруг политики «протянутой руки» в рядах католиков разгорелись жаркие споры, их-то и вынес Бернанос на страницы своего романа.

Принципиальное отличие «Дневника» от всех написанных им ранее романов и состоит в его открытости, полифоническом разнообразии прозвучавших в нем мнений. Новое эстетическое решение проблемы голоса писателя в художественном произведении было тесно связано с эволюцией его политических взглядов и мировоззрения. Прежняя уверенность в правоте своих идеалов сменилась растерянностью и поисками новых путей, прежняя риторика всеведущего и всесильного автора уступила место принципу

многоголосия. С помощью этого романа писатель пытался найти ответы на многие мучившие его вопросы. В споре мнений были услышаны не только голоса единомышленников, но и суждения противников с их порой крамольной аргументацией вплоть до голоса того крестьянина, которому здравый смысл подсказал, что «когда умираешь, то все умирает». Понимание специфики эволюции художественного творчества Бернаноса имеет самое непосредственное значение для правильного восприятия его публицистики, даже если вдруг забыть о том, что оно обладает своей собственной публицистической ценностью. Возрастание художественности, обнаружившееся в «Дневнике сельского священника», происходило не за счет ослабления идеологического момента. Как раз напротив, возросшее писательское мастерство и аналитическое изображение действительности, с одной стороны, и большая зрелость политической мысли Бернаноса — с другой, взаимодополняли друг друга. В его творчестве невозможно провести резкую границу между художественными произведениями и публицистикой, потому что задачи, которые ставил перед собой писатель, были идентичные: познание мира и воздействие на

него. Однажды он, например, высказал мнение, что в Париже «невозможно осуществить никакое политическое действие, игнорируя литературу», что «политика, для того чтобы выразить себя, должна использовать все ресурсы искусства» {6}. Подобный, в немалой степени утилитаристский подход Бернаноса к литературе был не чужд ему на протяжении всего творческого пути. Будучи одарен талантом трибуна, Бернанос всегда стремился учить, воздействовать, направлять, вести за собой. В свете этих качеств наиболее отчетливо проявившихся в публицистике, и его художественное творчество предстает как насквозь политическое и идеологическое. Совсем не случайно первый его роман, а затем и последующие критики называли «политической комедией». Это свое политико-идеологическое содержание творчество Бернаноса не утрачивало ни на мгновение.

Следует обратить внимание на то, что именно в период работы над «Дневником сельского священника» Бернанос сумел воспользоваться уроками русской классической литературы. В романе звучат проникновенные слова о Горь-

{6} Примечания: 2.6
G. Bernanos. Correspondance, t. I P., Plon, 1971, p. 444.

ком. А еще один русский писатель, Достоевский, присутствует в книге незримо. Французские исследователи часто говорят о влиянии Достоевского на автора «Дневника», и не без основания. Бернанос, несомненно, у него учился. Не случайно в 1926 году в письме известной поэтессе Анне де Ноай он с резкостью неофита, только что открывшего для себя новый мир, написал: «Когда сравниваешь романы Гюго и Достоевского, то видишь, что разница здесь такая, как между комнатным мореплавателем и открывателем горизонтов» {7}. Очевидно, за то десятилетие, которое разделяет работу над «Дневником» и это высказывание, Бернанос имел возможность еще более основательно познакомиться с творчеством Достоевского. Но думается, что в данном случае нужно говорить не столько о влиянии, сколько об изначальном духовном сродстве двух писателей. Достоевский помог Бернаносу избавиться от чрезмерного пафоса, из-за чего его голос в художественных произведениях стал звучать более убедительно. Однако важнее то, что Бернанос еще до знакомства с произведениями Достоевского уже ориентировался на те идеалы,

{7} Примечания: 2.7
Ibid. p. 258.

среди которых первое место занимали дух детства и предрасположенность к бедности, отличающие любимых героев обоих писателей и делающие амбрикурского кюре близким родственником Макара Девушкина и князя Мышкина.

Гражданская война в Испании явилась причиной важных изменений в политических взглядах и творчестве Жоржа Бернаноса. Собственно, эти изменения намечались уже давно: в течение по крайней мере двадцати предшествующих лет его мировоззрение эволюционировало влево, шаг за шагом, от разрыва с Моррасом к осуждению попытки фашистского путча в 1934 году, от абстрактно-антибуржуазной публицистической книги «Большой страх благонамеренных» к сотрудничеству в печатных изданиях Народного фронта. Однако гражданская война в Испании значительно ускорила эту эволюцию, помогла понять смысл многих процессов, протекавших в общественной и политической жизни Франции, позволила провести более четкие параллели с драматическими событиями, имевшими место в других странах.

На Балеарах, где в момент фашистского мятежа оказался Бернанос, фалангистам удалось практически мгновенно захватить все ключевые

позиции. Попытка каталонских республиканцев высадить на острове десант окончилась неудачей. Начались репрессии против подозреваемых в симпатиях к Республике. Позиция Бернаноса поначалу была сложная. Ведь он всегда считал себя монархистом и заклятым врагом всех буржуазно-демократических форм правления, а испанская республика в его глазах мало чем отличалась от любой другой буржуазной республики. Поэтому в первые дни, до того как он узнал о творимых мятежниками зверствах, он скорее симпатизировал Франко с его монархическими лозунгами и фалангистам, которых он склонен был идеализировать как борцов против лицемерной буржуазной демократии, против плутократии, как рыцарей подлинной справедливости и свободы. В рядах фаланги оказался даже один из его сыновей. Не сразу удалось писателю за вывеской фалангистского движения распознать еще одну ипостась фашизма, внешне вроде бы не походившую ни на итальянский, ни на немецкий, ни на французский фашизм, которые ему уже случалось обличать. Понадобилось некоторое время, чтобы узнать факты, разобраться в ситуации, установить аналогии, понять. Но вот прошло несколько недель, и у Бернаноса на многое от-

крылись глаза: он узнал о массовых расстрелах ни в чем не повинных людей, увидел преступления, повсеместно творимые теми самыми фалангистами, которые прежде представлялись ему «рыцарями чести». Для Бернаноса наступило время свидетельских показаний и абсолютно частного анализа событий.

Как объяснить то обстоятельство, что монархист, человек глубоко религиозный вдруг оказался в одном лагере с прогрессивными силами Испании и Франции, стал разоблачать переворот Франко, благословленный испанской церковью и римским папой? В этой парадоксальной, казалось бы, ситуации была своя закономерность. Не случайно, очевидно, почти в то же самое время аналогичная метаморфоза произошла и с политической позицией Франсуа Мориака. В первые месяцы мятежа Мориак был склонен считать войну в Испании сугубо личным делом испанцев. При этом симпатии его тоже принадлежали фалангистам, которые, по его мнению, сформулированному и запечатленному 2 августа 1936 года на страницах «Фигаро», сражались и умирали «за Христа или за короля», против республиканцев, которые воевали «за Сталина». Поначалу он выступал против какой бы то ни

было помощи республиканцам, и только после варварской бомбардировки Герники немецкой авиацией его позиция постепенно становится антифранкистской. Антифашистом Мориак стал в немалой мере благодаря Бернаносу.

На формирование у Бернаноса нового отношения к участвовавшим в войне силам, очевидно, существенное влияние оказало его правило при любых обстоятельствах стараться быть честным по отношению к самому себе и к другим. Среди причин его энергичных разоблачительных выступлений нельзя забывать про чувство стыда за католическую церковь и за католиков вообще.

Высказывания Мориака, относящиеся к тому же периоду, свидетельствуют о его не менее критичном отношении к испанскому духовенству, но только был в его оценке происходящего один небольшой нюанс. Если в суждениях Берна-носа преобладали гнев и возмущение, обусловленные его личным нравственным ригоризмом, то Мориак оценивал тогда ситуацию прежде всего в перспективе идеологического соперничества католицизма с марксизмом и именно в этой перспективе квалифицировал как «страшное несчастье тот факт, что отныне для миллионов испанцев христианство и фашизм сливаются в

единое целое и что они не смогут больше ненавидеть одно, не ненавидя другое» {8}.

Не следует упрощать эволюцию политических взглядов Бернаноса и сглаживать противоречия его жизненного пути. В моррасизме он разочаровался еще в годы первой мировой войны и вышел из моррасовской организации в 1919 году. Однако тогда разногласия его с Моррасом касались в меньшей степени принципов, чем тактики, которую следует выбирать в борьбе за власть. Не столько реакционность взглядов отпугнула его тогда от вождя националистического движения, сколько готовность того принять парламентские методы борьбы, которая выразилась в преобразовании самого движения в заурядную правую буржуазную партию. Затем на протяжении 20-х годов мировоззрение Бернаноса совершило определенный сдвиг влево, хотя по-прежнему не настолько значительный, чтобы можно было говорить о серьезных расхождениях с националистами. Этот внутренний сдвиг влево сначала, очевидно, не осознавался даже им самим. Перед собой и своими друзьями он оправдывался, что по-прежнему остается объективным наблю-

{8} Примечания: 2.8
Цит. по: M. Kushnir. Mauriac journaliste. P., Minard, 1979, p. 69.

дателем, сохраняет нейтралитет и позволяет себе сотрудничать в либеральной и даже коммунистической прессе, чтобы расширить свою аудиторию, зная при этом, что уж его-то, Бернаноса, никто не заподозрит в левых взглядах. Важно, однако, что он гораздо меньше боялся, что кто-либо из бывших друзей сочтет его «последователем Кашена», чем предстать в глазах общественного мнения «служителем эгоизма, подогреваемого ненавистью и страхом». Очень важно и то, что в 1935 году Бернанос резко осудил агрессию итальянских фашистов против Эфиопии.

Тем не менее неизвестно, сколько могла бы продолжаться эта эволюция, если бы он не оказался непосредственным наблюдателем испанских событий. Правда, есть все основания предполагать, что тот переворот в его сознании, который произошел в 1936 году, неизбежно должен был произойти. И главным доводом в пользу этого предположения является «Дневник сельского священника», в котором все предвещало кардинальные перемены. Есть там и более конкретные обвинения в адрес фашизма и в адрес церкви, заключающей союз с фашизмом, которые предвещали будущие разоблачения «Больших кладбищ под луной». Например, один из персонажей

«Дневника» произносит целую обвинительную речь в адрес теологов, прощающих любые военные преступления и только успевающих подписывать индульгенции, отредактированные Министерством национальной совести. Все эти обвинения облачены в художественную форму, но их адресат указан довольно точно. В них речь идет о массовых убийствах, устраиваемых солдатами Муссолини в Эфиопии, о том, что церковь в лице самого папы римского заключила союз с Муссолини, получивший название конкордата, о том, что и фашисты, и церковники прекрасно чувствуют себя в мире капитала.

Свои свидетельские показания об испанской войне Бернанос изложил в книге «Большие кладбища под луной», которая стала шедевром французской публицистической прозы. Высоко оценивая это произведение, Жак Дюкло указал, что оно явилось яростным обвинением против правых политических деятелей, против реакционеров и их приспешников, против католической церкви, поддержавшей фашистский мятеж в Испании. Будучи написанной «пером большого художника», отмечал Дюкло, оно стало незаменимым документом о событиях той эпохи и помогло «лучше понять неистовство и героизм солдат

испанской республики». Он высказал даже мнение, что в книге «Большие кладбища под луной» события оказались изображенными с большей степенью объективности и соответствия исторической правде, чем в романе «По ком звонит колокол», написанном бывшим солдатом-республиканцем Эрнестом Хемингуэем. «В книге писателя-католика Жоржа Бернаноса, — читаем мы, — больше раскаленных углей, в то время как в романе Хемингуэя все уже покрыто пеплом» {9}.

Название книги представляет собой сложный художественный образ, в котором с помощью метафорической связи между мертвенным светом луны и блеском серебра подчеркивается обусловленность войн и массовых убийств таинственными и мистическими законами денежного обращения. Надо полагать, что образ был навеян писателю одной из глав публицистической книги «Толкование общих мест» Леона Блуа, одного из самых ярких журналистов «католического возрождения», где тоже речь идет о цвете денег, ассоциируемых с убийством, предательством, преступлением Иуды и с «буржуазной собственностью».

{9} Примечания: 2.9

Ж. Дюкло. Во что я верю. М. «Прогресс», 1980, с. 196.

«Большие кладбища под луной» — произведение чрезвычайно сложное, многоплановое, противоречивое, читать его очень непросто. За блестящим вступлением наступает некоторая заминка. Писатель как бы начинает медленно собираться с мыслями. Метания от темы к теме, лихорадочный тон повествования — все выдает гнев автора и его стремление не только рассказать читателям об увиденном, но уяснить самому себе смысл происходящего, связать разрозненные звенья-события в единую цепь-систему. Примечательно, однако, что и здесь художник остался верен себе, стилю своих романов. Ему приходится извиняться перед читателем, что его мысль не сразу обретает четкие контуры, а облекается в образы. Порой из-за этого он кажется излишне многословным. И еще одна, очень важная деталь, сближающая это произведение с его художественным творчеством, во всяком случае с «Дневником сельского священника». Оба они создавались в условиях, когда, столкнувшись с жестокой и ошеломляющей реальностью, Бернанос вынужден был отказаться от привычных стереотипов мышления и, честно анализируя факты, признать свои ошибки. В результате «Кладбища» стали для него еще одной важной

ступенью на пути к истине.

В первую очередь преступления фалангистов вызвали у Бернаноса аналогии со зверствами версальцев, потопивших в крови Парижскую Коммуну. Доскональное знание того эпизода истории, подробно описанного им в памфлете «Великий страх благонамеренных», помогло ему обнаружить сходство. Испанскую контрреволюцию вдохновлял тот же дух страха и мести, которыми руководствовались в своих действиях Тьер и его подручные. Жестокость испокон веков присуща защищающим свои интересы буржуа. Было бы неверно думать, констатирует писатель, что военные более свирепы, чем лавочники, солдаты, как и во времена генерала Галифе, являются лишь орудиями в руках буржуазии.

Не случайно также много места в книге уделено священникам, тем, которые, как писатель довольно скоро убедился, стали десницей франкистов, которые при помощи специальных анкет об исполнении религиозных обрядов помогали карателям выискивать «неблагонадежных», а потом, во время расстрела, в интервале между двумя залпами, «стоя в крови», отпускали грехи жертвам экзекуции. Союз католической церкви с фашистами, подчеркивал Бернанос, был ха-

рактерен не только для Испании. В Италии папа римский благословил империалистическую войну против христианской Эфиопии. А некоторое время спустя писатель узнал, что и в Германии тоже многие католические священники оказывали поддержку Гитлеру. Этот союз органически вписался в оправдывавшую себя на протяжении всей истории схему поведения церкви как института: поддержка сильного, обожествление власть имущего. Поэтому когда буржуазии в ряде стран пришлось вольно или невольно пойти на установление авторитарных форм правления, духовенство незамедлительно двинулось в том же направлении.

Когда читаешь «Большие кладбища под луной», бросается в глаза еще одно совпадение между строем мысли у Бернаноса и Достоевского. И в публицистической книге французского писателя — впрочем, и в «Дневнике» тоже, — и в фантастической поэме Ивана Карамазова «Великий инквизитор» церковники противостоят Христу. Бернанос, как и Достоевский, хочет показать разницу между евангельским образом Христа и теми клерикальными властителями, которые на протяжении веков утверждали свое господство над людьми, развращая их, заставляя бояться

свободы и отдавать ее в обмен на материальные блага, жертвовать своей совестью и человеческим достоинством во имя сытости и комфорта.

Описывая то, что произошло в Испании, писатель ни на миг не забывал о Франции. Бросалось в глаза сходство — расстановка сил в обеих странах была похожей, единомышленники тех, кто развязал войну на Пиренейском полуострове, были достаточно многочисленны и у него на родине. Они тоже лишь ждали удобного момента, чтобы предпринять переворот, аналогичный франкистскому. Накануне, в 1934 году, французская реакция уже попыталась прийти к власти. Однако тогда у них это не получилось: и потому что они встретили достойный отпор со стороны демократических сил, и потому что им не удалось создать значительной опоры в населении. Мелкая буржуазия и средние слои, которые обычно в первую очередь поддаются воздействию фашистской идеологии, не были во Франции в такой мере затронуты кризисом, как в Испании или же в Германии. Эффективная политика коммунистов, устойчивые демократические позиции, а также отталкивающий пример фашистских режимов в других странах — все эти факторы обусловили эволюцию влево большей части промежуточ-

ных слоев французского населения, к которым принадлежал и сам Бернанос. Отдавая дань его честности и личному мужеству, не забудем про это обстоятельство. При всем неповторимом своеобразии его как писателя, он был выразителем идеологии и психологии настроений огромных масс своей страны. Впрочем, пожалуй, отчасти именно этому он был обязан своей оригинальностью и непохожестью на собратьев по перу.

Над Европой тем временем сгущалась тяжелая, зловещая атмосфера. Ощущение надвигавшейся опасности, овладевшее многими, прекрасно передано Бернаносом, который и сам был на грани отчаяния. Писатель интуитивно чувствовал, что испанская трагедия является прелюдией к трагедии гораздо большего масштаба. Его переживания усугублялись еще и тем, что он стал непосредственным свидетелем утраты обществом нравственных ориентиров, свидетелем отказа от них во имя циничного реализма нечистоплотных политиков. А поскольку Бернанос не был ни философом, ни историком, а всего лишь писателем-свидетелем, причем свидетелем, находящимся во власти многочисленных политических, идеологических и религиозных предрассудков, от которых ему удавалось лишь

частично освобождаться на пути к истине, книга у него получилась противоречивой, полной повторов и отступлений, порой утомительной для восприятия.

Однако противоречиво в книге все было по образу и подобию личности автора, и недостатки ее очень трудно отделить от достоинств. «Большие кладбища под луной» показали, что жанр публицистики не был для Бернаноса разрывом с художественным творчеством и в стилевом плане. Если в его романах довольно сильно чувствуется риторический момент, то в свою очередь публицистике Бернаноса присущи подлинно художественная выразительность и образность. Он чрезвычайно широко применял в публицистике арсенал художественных изобразительных средств — сложные сравнения, метафоры, яркие эпитеты, — использовал все разнообразие своего художественного стиля, обладающего богатым регистром — от иронии и едкого сарказма до вдохновенной патетики проповедника. Речь автора «Больших кладбищ» очень эмоциональна, насыщена восклицаниями, риторическими вопросами, прямыми обращениями к читателю, призывами к действию. При этом сами события как бы отступают на задний план, а вперед вы-

двигается их морально-политическая оценка. Зачастую само действие памфлета превращается в романное действие, характеристики реальных политических деятелей становятся детализированными психологическими портретами персонажей, а размышления преобразовываются в повествование и диалог.

Значение появления «Больших кладбищ», изданных в 1938 году, было огромно. Книга раскрыла глаза многим читателям, лишенным до этого объективной информации о событиях в Испании. Особенно важную функцию она выполнила по отношению к рядовым католикам, раскрыв им глаза на сущность франкизма. Ведь большинство католических писателей поддержали испанских реакционеров. Поль Клодель, например, даже написал во славу Франко возмутившую Бернаноса поэму «Испанским мученикам». Не нужно, конечно, думать, что, прочитав книгу Бернаноса, все католики прозревали и становились убежденными антифашистами. И индивидуальное и общественное религиозное сознание, как и всякое иное изощренное в софистике идеологическое сознание, настолько привычно к компромиссам, что истина находит к нему путь с большим трудом. Однако книга Бернаноса стала

важным аргументом в большом споре за судьбы Европы и всего мира.

Начиная с «Больших кладбищ», вся публицистика Бернаноса развивалась под знаком антифашистской борьбы. В 1939 году он издал свое следующее произведение — памфлет «Мы, французы». В это время он жил уже в Бразилии, куда перебрался в 1938 году с надеждой, что там ему будет легче прокормить свою многочисленную семью. Этот переезд превратился в настоящую эмиграцию, которая продлилась до 1945 года. Памфлет был написан под непосредственным впечатлением мюнхенского сговора. Бернанос в своей книге старается подробно проанализировать причины, обусловившие проведение мюнхенской политики, которая, как он показывает, оказалась политикой предательства национальных интересов Франции. Он обвиняет оба правительства, виновные в сговоре, в том, что они, руководствуясь недальновидными, а по существу подлыми принципами политического реализма, поставили к позорному столбу собственные страны. «Нечего гордиться, что ты француз», — скандирует писатель и с его обостренным чувством чести раньше, чем многие другие, задолго до поражения 1940 года,

констатирует утрату нацией достоинства и с этого момента начинает свою долгую борьбу за возвращение этого достоинства.

Он вновь возвращается к недавней и более отдаленной истории, воссоздает цепь событий, приведших к Мюнхену, снова и снова перелистывает историю главного виновника — класса, на совести которого накопилось столько преступлений: от подавления Кавеньяком Лионского восстания, от изуверств Тьера и Галифе, расправившихся с коммунарами, до войны в Эфиопии. К наиболее зловещим преступлениям буржуазии он причисляет и мюнхенский сговор. Вновь возникают тема Испании, тема католической церкви, тема французского национализма. Стремясь освободиться от своих навязчивых мыслей, он вновь возвращается к фигуре своего бывшего учителя Шарля Морраса и на протяжении многих страниц рисует его портрет, который становится шедевром сатирической прозы. Французские националисты, доказывает Бернанос, исподволь вместе с нацистами тоже готовили мюнхенский сговор. Может быть, они в какой-то мере явились предтечами гитлеровцев. Задолго до возникновения расистской теории немецкого фашизма Моррас создавал свою антинемецкую мистиче-

скую теорию, представлявшую германскую расу как проклятую, недостойную прощения. Пришло время, и националистическая мистика обернулась против Франции.

Война застала Бернаноса за пределами Франции. Оставшись после инвалидом, воевать он, естественно, не мог. Это он поручил своим сыновьям. Однако, находясь вдали от родины, писатель приложил немало стараний, чтобы с первых же дней начать действовать, зная, что своим талантом публициста и авторитетом известного писателя сможет оказать большую поддержку антифашистам, борющимся за свободу Франции, а главное, сможет помочь принять правильное решение тем, кто еще не включился в борьбу. «Я Вас прошу, дорогой друг, — писал он одному из своих корреспондентов в Англии, — сделайте возможное и невозможное, чтобы через Би-би-си мои друзья узнали мое мнение о происходящем… Я прихожу в отчаяние от мысли, что там могут подумать, не сдаюсь ли я»[{10}]. Вскоре он получил возможность отправлять тексты радиопередач для оккупированной Франции. Первый текст был отправлен в Англию 19 июля

{10} Примечания: 2.10
G. Bernanos. Correspondance, t. II, P., Plon, 1971, p. 331–332.

1940 года, то есть буквально через несколько дней после поражения Франции. С тех пор тексты его передач регулярно передавались раз в две недели по Би-би-си и раз в неделю через французскую радиостанцию в Браззавиле.

За годы войны Бернанос написал множество заметок, статей, обращений, памфлетов. Большинство его статей было напечатано в рио-де-жанейрской газете «О Жорнал», некоторые в «Диарио де нотисиас» и в выходящей в Лондоне французской газете «Марсейез». Он старался показать несостоятельность фашистской идеологии, пытающейся воцариться на оккупированных территориях. В качестве основного аргумента писатель выдвигал исторические и религиозные традиции своей страны, несовместимые с культом «сверхчеловека». Он писал, что французы ненавидели сверхчеловеков и сверхчеловеческое, что между естественным и сверхъестественным нет места для сверхчеловеческого, что Христос пришел спасти человека, а не сверхчеловека. Бернанос хорошо знал свою аудиторию, и многим из тех католиков, которые впоследствии оказались в Сопротивлении рядом с коммунистами, нужны были именно эти слова. Он взывал к национальным чувствам, напоми-

ная о легендарной доблести галлов, о великой культуре Рабле, Корнеля, Паскаля. Очень часто в его призывах фигурирует образ Жанны д'Арк.

Особенно предостерегал писатель своих соотечественников против опасности стать жертвой проповедей церковников-коллаборационистов, не жалел сарказма, разоблачая фашистов в рясах. Предательской политика церковных институтов была вдвойне: по отношению к своей родине и по отношению к христианской морали. Бернанос отмечал, что сотрудничество с фашизмом не является частной инициативой отдельных священников, отдельных католиков, поскольку оно санкционируется из Ватикана самим папой. Писатель обращает внимание на существующую метаморфозу, которая произошла во взаимоотношениях папского престола и Мор-раса. Когда-то, в 20-е годы, моррасовское движение было осуждено специальным посланием главы римско-католической церкви. Однако к концу 30-х годов прежние распри оказались забытыми и былые враги сошлись во взглядах на почве сотрудничества с Гитлером и Муссолини.

Бернаносу при этом было обидно не столько из-за предательства церкви. Та на протяжении веков совершила немало предосудительных

поступков. Более неприятным оказалось то, что в борьбе со злом была прорвана та духовная «линия Мажино», которую пытались воздвигнуть христиане. Совместные усилия церкви и националистов привели к тому, что французские правящие круги еще до войны были настроены на поражение. Бернанос отнюдь не намерен им это прощать.

В годы войны бернаносовская критика капиталистического общества резко усилилась, стала более целенаправленной и конкретной. Главное обвинение, выдвигаемое им против капиталистической системы и сформулированное впервые в «Больших кладбищах», касалось того, что последняя явилась колыбелью фашизма. Это обвинение писатель развертывал потом во многих своих статьях и книгах. Поражение Франции, считает Бернанос, было подготовлено задолго до начала войны, уже тогда, когда агентам Геббельса удалось убедить французских буржуа, что «лучше Гитлер, чем социальные реформы», которые уменьшили бы их доходы. Он подчеркивал, что для буржуазии классовые интересы всегда стоят на первом месте, опережая национальные интересы. Особые претензии у писателя были к американской буржуазии, которая своими

долларовыми инъекциями помогла подняться на ноги военной промышленности Германии после первой мировой войны, вскормила немецкий фашизм. Мюнхен, считал Бернанос, не был простой глупостью, а стал лишь «развязкой одной постыдной спекуляции». Победа фашизма в Германии была бы невозможна без поддержки, оказанной ему мировой капиталистической системой. Не мог простить Бернанос английским и американским консерваторам и «саботажа союза с русскими», того, что по их вине в 30-е годы французское правительство отвернулось от Москвы. А во время войны он не прощал правительствам Англии и США их двойную игру, их нерешительность в поддержке патриотических сил Франции, их заигрывания с Петеном, Лавалем и другими прислужниками гитлеровцев. Будучи достаточно хорошо осведомленным о политике США в прошлом и настоящем, Бернанос сумел сделать довольно точный прогноз послевоенной политики этого государства. Его внимание привлекла появившаяся в прессе статья «Мы должны спасти Германию», принадлежавшая известной журналистке Дороти Томпсон, бывшей жене Синклера Льюиса. Бернаноса насторожил не только призыв к прощению нацистских преступ-

лений, содержащийся в статье, но и программа послевоенного устройства Европы. Разве можно с уверенностью утверждать, писал он, что определенная часть английских и американских политических деятелей из тех, что стремятся, «заручившись большими гарантиями, повторить фашистский эксперимент, не мечтает уже сейчас о создании экономически и политически контролируемого блока консервативных стран»{11}? По существу, за несколько лет до создания НАТО Бернанос предугадал развитие событий. Кстати, американская пресса реагировала на Бернаноса соответствующим образом. Активно печатая Андре Моруа и Жюля Ромена, его на свои полосы она допускала в исключительных случаях.

Бернанос никогда не терял уверенности в победе сил, борющихся против гитлеризма. Еще в 1941 году он писал: «Мощь Германии, ее способность подавления колоссальны, но силы сопротивления, которые образуются в Европе, понемногу уравновешивают это страшное давление. Раньше или позже они придут в движение» {12}. В начале 1942 года он предсказал гитлеровским армиям,

---

{11} Примечания: 2.11

G. Bernanos. Francais, si vous savez. P., Gallimard, 1961, pp. 154–155.

{12} Примечания: 2.12

G. Bernanos. Le chemin de Croix-des-Ames, P., 1948, p. 148.

напавшим на СССР, судьбу наполеоновских войск. Он сразу выступил в поддержку де Голля. Еще больше усилилась его уверенность в поражении гитлеровцев после Сталинградской битвы, после которой, констатировал он, «военный престиж русских не переставал расти». Он признавал, что в борьбе с фашизмом политика СССР и политика французских коммунистов является наиболее оправданной и с точки зрения нравственности, и с точки зрения эффективности. Не раз выражал он свое восхищение самоотверженной борьбой французских коммунистов в подполье и, естественно, радовался победам Красной Армии.

Что же касается реального вклада Бернаноса в борьбу против фашизма, то приведем, чтобы оценить его, следующее свидетельство французского католика Клода Бурде: «В 1940 году, когда… большинство из нас старались привести в порядок свои идеи, связаться со всеми старыми друзьями, я тоже, подобно многим другим, задал себе вопрос: „Где сейчас Бернанос? Что делает Бернанос?“ У меня не было больших опасений, именно из-за его жизнеспособности, его энергии и отсутствия конформизма. Он не мог быть на стороне зла… Я был уверен, что Бернанос, где бы он ни был, поступит правильно, распознает

в этой мешанине из клерикализма и фашизма, поданной под соусом „Старая Франция“, самое ненавистное ему блюдо. И было большой радостью узнать несколько месяцев спустя: Бернанос в Бразилии, он на стороне правого дела; не имея возможности по состоянию здоровья помогать „Свободной Франции“ с оружием в руках, пером он делал все, что было в его силах. Я считаю также, что многие молодые христиане, прочитавшие „Большие кладбища“, получили несколько уроков непочтительности, редкие оздоровляющие уроки для католиков новых времен, и черпали в них поддержку, когда после 1940 года им понадобилось научиться высмеивать и святой режим маршала Петена, и благие советы почти поголовного большинства святейших епископов» {13}.

И все эти годы медленно, но неуклонно продолжалась трансформация бернаносовского мировоззрения. Он не заявлял громко, во всеуслышание об отречении от своих монархистских идеалов. Однако все более явственно в его речи зазвучали новые интонации Шарля Пеги, поэта, убитого на фронте в начале первой мировой войны. Пеги тоже был католиком, одним из

{13} Примечания: 2.13

Цит. по кн.: G. Bernanos. Cahiers de l'Herne. № 54–56. P., Belfond, 1967, p. 52.

наиболее ярких представителей «католического возрождения», но только он-то поклонялся республиканским идеалам. Именно на его заповеди стал ориентироваться Бернанос в последний период своего творчества, воспевая «дух великого движения 1789 года».

В июле 1945 года писатель вместе с семьей вернулся на родину. Остановившись на короткий срок в Париже, он затем снова возобновил свои скитания по Франции: продолжал зарабатывать на жизнь журналистским трудом, без устали публикуя в различных газетах и журналах статьи, большинство из которых выражали разочарование тем, что победа в войне не стала окончательной победой над силами войны. В 1947 году он переехал в Тунис, где, продолжая заниматься публицистической деятельностью, на короткое время вернулся к художественному творчеству и написал пьесу «Диалог кармелиток» по роману немецкой писательницы Гертруды фон ле Форт. В это время писатель уже был тяжело болен. В мае 1948 года он срочно вернулся в Париж, где ему сделали операцию, но спасти его не удалось. Умер он месяц спустя, 5 июля.

Уроки нравственности и святые уроки непочтительности к власть имущим, которые преподал Бернанос, к счастью, не стали гласом вопиющего в пустыне, они живут и сейчас, в сознании его учеников и последователей, в сознании миллионов читателей. В истории французской литературы он оставил глубокий след и как автор замечательных художественных произведений, и как яркий публицист. На всем творчестве Жоржа Бернаноса лежит отпечаток его оригинальной и противоречивой личности. Будучи человеком настроения, вспыльчивым, склонным к опрометчивым поступкам и суждениям, он нередко становился жертвой заблуждений. И тем не менее благодаря своей бесконечной искренности и максимализму в поисках истины ему удалось внести огромный вклад в борьбу за спасение человеческой цивилизации. На протяжении всей своей жизни он бичевал торговцев в храме и старался пробудить ото сна праведных.

Валерий Никитин

Большие кладбища под луной[1]

Перевод В. Г. Исаковой

Если бы я ощущал вкус к делу, которое начинаю сегодня, мне, наверно, не хватило бы духу довести его до конца, потому что у меня не было бы в него веры. Я верю только в то, что мне трудно дается. Я не сделал ничего стоящего в этом мире, что не казалось бы мне поначалу бесполезным, бесполезным до смешного, бесполезным до отвращения. «Ради чего?» — вот демон, который движет моим сердцем.

Когда-то я верил в презрение. А это настолько школярское чувство, что оно быстро оборачивается краснобайством, подобно тому как кровь больного водянкой превращается в воду. Иллюзиями на этот счет я был обязан слишком

[1] Комментарии: 1.1

Памфлет «Большие кладбища под луной» был впервые опубликован в мае 1938 г. издательством «Плон». Фрагменты из него на русском языке публикуются впервые.

раннему прочтению Барреса[2]. К сожалению, барресовское презрение (по крайней мере секретирующий его орган), похоже, страдает от постоянной закупорки. Чтобы добраться до горечи, презирающему приходится слишком глубоко вводить зонд. В результате читатель безотчетно разделяет с автором не столько само это чувство, сколько боль, испытываемую при мочеиспускании. Ну да бог с ним, с Барресом, и его книгой «Их лица»! Тот Баррес, которого мы любим, вступил в царство смерти со взглядом гордого ребенка и со скупой судорожной улыбкой благородной, но бедной девы, которой никогда уже не найти себе мужа.

Почему вдруг имя Барреса в самом начале этой книги? И почему имя славного Туле[3] на первой странице «Под солнцем Сатаны»? Дело в том, что

---

[2] Комментарии: 1.2

Баррес Морис (1862–1923) — французский писатель и политический деятель. Один из родоначальников жанра политического романа, к которому принадлежит и упоминаемый здесь роман «Их лица» — широкая фреска жизни Франции в конце XIX в. В литературе сочетал романтизм с элементами критического реализма, в политике был носителем националистических и почвеннических идей. Оказал большое влияние на формирование поколения Бернаноса.

[3] Комментарии: 1.3

Туле Поль Жан (1867–1920) — французский писатель, небезуспешно пробовавший свои силы в самых различных жанрах. Известен прежде всего как поэт, обладающий особой склонностью к фантастическим образам. В прозе Туле отчетливо выражено также сатирическое начало.

сейчас я точно так же, как и тем сентябрьским вечером, «напоенным недвижным светом», не могу отважиться сделать первый шаг, первый шаг к вам, чьи лица скрыты от меня вуалью! Ибо знаю: сделай я этот первый шаг, я уже не остановлюсь и буду идти, чего бы это мне ни стоило, пока не добьюсь своей цели, сквозь дни и дни, так похожие друг на друга, что я потеряю им счет и они уже как бы выпадут из моей жизни. Так оно и есть на самом деле.

Я не писатель. Один вид листа белой бумаги вызывает в моей душе смятение. Та физическая сосредоточенность, которую предполагает писательский труд, настолько претит мне, что я избегаю ее, как только могу. Я пишу в кафе — с риском прослыть пьяницей, возможно, я и стал бы им, если бы могущественные республики не обложили безжалостными налогами утешительные крепкие напитки. За их отсутствием я весь год поглощаю сладковатый кофе со сливками, еще и с мухой в чашке. Я пишу за столиками кафе, потому что не могу долго обходиться без человеческих лиц, без голосов людей, о которых я, как мне кажется, старался говорить достойно. Вольно ж хитрецам утверждать, что я, как они говорят, «наблюдаю». Я вовсе не наблюдаю. Наблюдение

мало что дает. Г-н Бурже[4] всю жизнь наблюдал людей света и тем не менее остался верен тому самому первому представлению о них, которое сложилось у скромного репетитора, изголодавшегося по английскому шику. Его изрекающие сентенции герцоги смахивают на нотариусов, а когда он хочет придать им естественности, они выходят у него глупыми, как индюки.

Я пишу в залах кафе, подобно тому как раньше писал в вагонах поездов, чтобы не дать увлечь себя созданным моим воображением существам, чтобы, кинув взгляд на прохожего, вновь обрести истинную меру радости и скорби. Нет, я не писатель. Если бы я был им, я не стал бы ждать сорокалетия, чтобы опубликовать свою первую книгу, иначе я и в двадцать лет (вы, верно, думаете так же) мог бы не хуже других писать романы наподобие Пьера Фронде[5]. Впрочем, я не отвергаю писательского звания из какого-то снобизма наоборот. Я почитаю это ремесло, которому, по-

---

[4] Комментарии: 1.4

Бурже Поль (1852–1935) — французский писатель католического направления. Будучи противником культа науки и натуралистической эстетики, он апеллировал к традиционным нравственным ценностям. Свой критический метод Бурже строил на изощренном психологическом анализе.

[5] Комментарии: 1.5

Фронде Пьер (1884–1948) — французский писатель (наст. имя Рене Фроде), выпустивший много коммерческих скандальных романов.

сле господа бога, мои жена и ребятишки обязаны тем, что не умирают с голоду. Я даже смиренно сношу всю нелепость моего положения: ведь мне удалось лишь вымазать чернилами лицо несправедливости, непрестанное обличение которой является смыслом моей жизни. Всякое призвание представляет собою призыв — vocatus, а всякий призыв стремится быть услышанным. Тех, к кому я обращаюсь со своим призывом, конечно, немного. И они ничего не изменят в делах этого мира. Но для них, именно для них я был рожден.

О неведомые мои попутчики, старые братья, однажды мы все вместе придем к вратам царства божьего. Изнемогающее войско, изнуренное войско, белое от пыли наших дорог, дорогие суровые лица, с которых я не мог утереть пот, глаза, которые видели добро и зло, исполнили свою задачу, взяли на себя зрелище жизни и смерти, глаза, которые так и не сдались! Я вновь обрету вас, старые братья. Такими, какими вы виделись мне в моих детских мечтах. Ибо я отправился навстречу вам, я бежал к вам. Сбиться с пути мне не дали бы мерцающие огни ваших вечных бивуаков. Мое детство принадлежало лишь вам. И может, в какой-то день, в день, известный только мне одному, я был достоин встать во главе вашего

несгибаемого войска. Пусть богу угодно, чтобы я никогда больше не увидел тех дорог, где потерял ваши следы, потерял в тот час, когда юность простирает свои закатные тени, когда сок смерти, поднимаясь по венам, начинает подмешиваться к крови сердца! О дороги края Артуа глубокой осенью, дикие и пахучие, как животные, тропинки, гниющие под ноябрьским дождем, кавалькады туч, ропот неба, стоячие воды… Я приезжал, толкал калитку, подставлял огню свои порыжевшие от воды сапоги. Заря наступала задолго до того, как возвращались в безмолвие души, в ее глубокие извивы призрачные, едва оформившиеся персонажи, эмбрионы без конечностей Мушетта и Дониссан, Сенабр, Шанталь[6] и вы, вы, единственное из моих творений, лицо которого я, кажется, иногда различал, но кому не осмелился дать имени, — дорогой кюре из воображаемого Амбрикура. Были ли вы тогда моими учителями? Являетесь ли вы ими сегодня? О, я прекрасно понимаю, сколь тщетно это возвращение в прошлое. Разумеется, жизнь моя уже полна усопших. Но самым мертвым из мертвых является тот маленький мальчик, которым я был когда-то. И все

[6] Комментарии: 1.6

Мушетта и Дониссан, Сенабр, Шанталь — персонажи романов Бернаноса «Под солнцем Сатаны» (1926), «Обман» (1928), «Радость» (1929).

же, когда пробьет час, именно он займет место во главе моей прожитой жизни, соберет все до единого мои бедные годы и, как юный полководец со своими ветеранами, объединив беспорядочное войско, первым войдет в дом Отца нашего. Вообще-то я был бы вправе говорить от его имени. Только все дело в том, что нельзя говорить от имени детства, надо говорить его языком. И вот этот забытый язык, этот язык ищу я, глупец, от книги к книге, как будто его можно переложить на бумагу, как будто это кому-нибудь удавалось. Но ничего! Порой мне все же случается нащупать его тональность… Именно это и заставляет вас, друзья, разбросанные по всему свету, которых случай или скука побудили однажды раскрыть мою книгу, вчитаться. Странная идея — писать для тех, кто пренебрегает письмом. Горькая ирония — пытаться наставлять и убеждать, когда в глубине души уверен, что та часть мира, которой еще доступно искупление, принадлежит только детям, героям и мученикам.

Пальма, Мальорка, январь 1937 года

«Я поклялся взбудоражить вас, и не важно — чем, дружескими чувствами или чувством гнева!» Так я писал когда-то, во времена создания

«Великого страха»[7], семь долгих лет тому назад. Сейчас я не слишком забочусь о том, чтобы будоражить, во всяком случае — с помощью гнева. Гнев глупцов всегда вызывал у меня грусть, а сегодня он меня скорее всего ужаснул бы. Этим гневом оглашается весь мир. Что вы хотите? Они ничего не требовали, кроме права ничего не понимать, для этого они даже собирались в группы, ибо самое последнее для человека — это быть тупым и злым в одиночку, что является зловещим уделом лишь проклятых. Ничего не понимая, они собирались вместе, и не по каким-то склонностям, слишком слабым у них, а в соответствии с той скромной функцией, которая досталась им от рождения либо случайно и которая полностью поглощала их ничтожную жизнь. Ведь почти единственным поставщиком истинного глупца являются средние классы, поскольку высший класс присвоил себе монополию на особый тип совершенно ни к чему не пригодной глупости, глупости роскоши, а низшему хорошо удаются грубые и порой восхитительные образчики скотства.

Лишить глупцов их корней — непроститель-

[7] Комментарии: 1.7

«Великий страх благонамеренных» (1931) — антибуржуазный памфлет Бернаноса.

ное безумие, истину эту нам приоткрыл Морис Баррес. Так, колония глупцов, прочно прикрепившаяся к своей родной почве, подобно пласту мидий на подводной скале, может сойти за безвредную и даже способна поставлять государству, промышленности ценный материал. Глупец является прежде всего существом привычки и укоренившихся предрассудков. Будучи вырванным из своей среды, он сохраняет между двумя своими плотно закрытыми створками воду вскормившей его лагуны. Однако современная жизнь не только переносит глупцов с одного места на другое, но и яростно перемешивает их. Гигантская машина, работающая на всю мощь, засасывает их тысячами и с капризным произволом раскидывает по всему свету. Никакое другое общество, кроме нашего, не потребляло этих несчастных в таких огромных количествах. Оно поступает с ними так же, как Наполеон со своими «мари-луизами»[8] во время французской кампании: не давая им даже созреть, поглощает их, пока раковина еще не затвердела. Общество прекрасно знает, что с возрастом и некоторым

[8] Комментарии: 1.8

«Мари-луизы» — так по имени второй жены Наполеона императрицы Марии-Луизы прозвали молодых, необученных солдат, досрочно призванных в 1813–1814 гг.

доступным ему запасом опыта глупец обретает дурацкую мудрость, которая может сделать его неудобоваримым.

Приходится весьма сожалеть, что моя мысль сразу облекается в образы. Я всем сердцем хотел бы изложить свои размышления таким же простым, как они сами, языком. Но тогда бы они не были поняты. Чтобы чуть-чуть приоткрыть истину, очевидность которой приносит нам каждый новый день, нужно сделать усилие, на что нынче мало кто способен. Признайтесь, простота вас отталкивает, вы ее стыдитесь. А то, что вы называете ее именем, является как раз ее противоположностью. Вы простоваты, но не просты. А простоватые натуры оказываются одновременно и самыми сложными. Почему же с умами все должно обстоять иначе? На протяжении веков Учителя, Учителя рода человеческого, наши Учителя, прокладывали великие тракты духа, королевские дороги, идущие от одной достоверности к другой. Только какое вам дело до королевских дорог, коль скоро ваша мысль предпочитает окольные пути? Иногда случай выводит вас на эти дороги, но вы их уже не узнаете. Потому-то у нас тоской сжималось сердце, когда однажды ночью, выйдя из лабиринта траншей,

мы вдруг ощущали под ногами еще твердую почву одной из наших прежних дорог, едва заметной под цвелью травы, — дорогу, над которой царит тишина, мертвую дорогу, которая оглашалась некогда людскими шагами.

И впрямь, гневом глупцов полнится мир. Можете смеяться, если хотите, но он не пощадит ничего и никого, он не способен на прощение. Вполне очевидно, что профессиональные доктринеры правого и левого толка будут по-прежнему классифицировать глупцов, подразделяя их на виды и роды, давать определение каждой группе в зависимости от пристрастий и интересов составляющих ее индивидов, их склада ума. Для таких людей нет ничего проще. Однако все эти классификации столь мало соответствуют действительности, что практика безжалостно сокращает их число. Совершенно очевидно, что большое количество партий поначалу льстит тщеславию глупцов. Оно создает у них иллюзию выбора. Но спросите у любого служащего магазина, и он скажет вам, что соблазнившаяся выставленными для сезонной распродажи товарами публика, пресытившись торгом и доведя до белого каления персонал за прилавками, всякий раз дружно направляется к одной и той же кассе.

Мы были свидетелями зарождения и отмирания множества партий, поскольку для любой газеты с той или иной политической окраской они являются почти единственным средством удержания подписчиков. Тем не менее свойственная глупцам недоверчивость делает ненадежным этот метод дробления, и беспокойное стадо постоянно перестраивается. Едва какие-нибудь обстоятельства, в частности нужды избирательных кампаний, вызывают необходимость образования блоков, как эти несчастные мгновенно забывают обо всех различиях, которые, кстати, всегда давались им с большим трудом. Тут они сами собой разделяются на две группы, благодаря чему тяжелая умственная операция, которую им предлагают, упрощается до минимума, поскольку с этого момента речь идет только о том, чтобы думать наперекор противнику, а это позволяет использовать его программу, лишь помеченную знаком «минус». Именно поэтому, как мы видели, они столь неохотно принимали такие сложные названия, как, например, роялисты или республиканцы. Клерикалы и антиклерикалы — нравится больше, поскольку два эти слова не означают ничего другого, кроме как «за» и «против» священников. Следует добавить, что

префикс «анти» не считается чьей-то собственностью, и если левый может быть антиклерикалом, то правый — являться антимасоном, антидрейфусаром.

Дельцы от прессы, которые до дыр затерли все эти лозунги, захотят, конечно, вынудить меня признать, что я не делаю различий между идеологиями, что они в равной степени внушают мне отвращение. Увы! Зато мне лучше, чем кому бы то ни было, известно, что способен принести в жертву двадцатилетний юноша, какую субстанцию своей души отдать этим грубым порождениям продажности, которые так же похожи на подлинное общественное мнение, как морские полипы (одна присоска для всасывания, другая для выделений, рот и анальное отверстие у некоторых видов составляют даже одно целое) похожи на настоящих животных. Однако на кого только юность не расходует свою душу! Иногда она полными пригоршнями кидает ее в бордели. Подобно навозным мухам, блестящим, переливающимся перламутром и золотом, разукрашенным наряднее, чем молитвенники, первые любовные страсти летят на запах разложения.

Как хотите, я не верю даже в относительную благотворность коалиций невежества и пред-

взятости. Необходимым условием реального включения в действие является познание самого себя, отчетливое о самом себе представление. А эти люди собираются вместе лишь для того, чтобы соединить воедино несколько находящихся в их распоряжении доводов, позволяющих им считать себя лучше других. А раз так, то какое значение имеет дело, которому они якобы служат? Одному богу известна, например, цена, в какую обходится остальному миру жалкое поголовье святош, живущее за счет больших доходов от продажи специализированной литературы, распространяемой миллионными тиражами по всему земному шару (нельзя не признать, что она способствует укреплению в своих убеждениях искренне неверующих). Я совсем не желаю зла святошам, я только хотел бы, чтобы мне не твердили назойливо об их мнимом простодушии. Первый встречный священник, если он искренен, скажет вам, что никакая другая порода, как эта, так не далека от духа детства, от его сверхъестественной прозорливости, от его великодушия. Они являются дельцами от благочестия, а жирные литературные каноники, что питают этих личинок медом, собранным с букетов религиозности, тоже отнюдь не простодушны.

Гневом глупцов полнится мир. Ведь так легко понять, что Провидение, сделав оседлость их естественным состоянием, имело для этого все основания. Однако ваши скорые поезда, ваши автомобили, ваши самолеты перевозят их с молниеносной быстротой. Любой городишко Франции всегда располагал своими двумя-тремя кланами глупцов, тому примером знаменитые «рис» и «чернослив» из «Тартарена в Альпах». Вы глубоко заблуждаетесь, если полагаете, что глупость безобидна или по крайней мере что есть безобидные формы глупости. В спокойном состоянии глупость имеет не больше силы, чем старинная пушка 36-го калибра, но, если ее привести в действие, она сокрушит все. Как же так? Вы прекрасно знаете, на что способна терпеливая и бдительная ненависть посредственностей, а сами сеете ее во всех концах света! Ибо если техника позволяет вам перемещать глупцов не только из города в город, из провинции в провинцию, но и из страны в страну и даже с континента на континент, то демократии еще и заимствуют у этих несчастных пищу для их так называемого общественного мнения. Вот почему стараниями громадной Прессы, денно и нощно работающей над несколькими избитыми темами, вражда

Сторонников риса и Приверженцев чернослива приобретает некий универсальный характер, о котором Альфонс Доде даже и не подозревал.

Однако кто в наше время читает «Тартарена в Альпах»? Стоит, пожалуй, напомнить, что в этой книге провансальский поэт, столько раз возвышавшийся над самим собой в приятии скорби, этот гений сочувствия, собирает в одном горном отеле с десяток глупцов. В двух шагах оттуда в необъятной лазури угрожающе навис ледник. Но никто об этом не думает. Проходит несколько дней, заполненных фальшивой сердечностью, подозрительностью, скукой, и эти бедолаги находят способ удовлетворить разом и свой стадный инстинкт, и терзающую их глухую злобу: партия Страдающих запорами требует на десерт слив, партия Слабых желудком настаивает, естественно, на рисе. Мелкие ссоры тотчас прекращаются, внутри каждой из соперничающих группировок воцаряется согласие. Вполне можно вообразить за кулисами всей этой истории какого-нибудь изобретательного и порочного шутника, конечно же торговца рисом или сливами, внушающего этим людишкам мистический настрой, зависящий от состояния их пищеварительного тракта. Но такой персонаж и не нужен. Глупость ничего

не изобретает, она лишь превосходно заставляет служить своим целям — своим дурацким целям — все, что подбрасывает ей случай. А по законам, увы, еще более неисповедимым, она сама, вы в этом убедитесь, подлаживается под людей, под обстоятельства или доктрины, которые стимулируют ее чудовищную способность к отуплению. Будучи на острове Святой Елены, Наполеон похвалялся, что извлек выгоду из глупцов. На самом деле это глупцы в конечном итоге извлекли выгоду из Наполеона. И не только потому, что, как вы могли догадаться, они стали бонапартистами. Ведь культ великого человека, мало-помалу пришедшийся по вкусу государствам-демократиям[9], породил и тот нелепый патриотизм, который до сих пор так мощно действует на их гланды, которого никогда не знали предки и душевная заносчивость которого, густо замешенная на ненависти, подозрительности и зависти, выражается, хотя и с разным успехом,

[9] Комментарии: 1.9

Государства-демократии — говоря о «государствах-демократиях» или «демократиях», Бернанос имеет в виду буржуазные республики.

в песнях Деруледа[10] и в военных стихах Поля Клоделя[11].

Вам надоело слушать мои пространные рассуждения о глупцах? Что ж, мне самому стоит немалого труда говорить о них. Но прежде мне нужно убедить вас в одном: вы не урезоните глупцов ни огнем, ни железом. Ибо, повторяю, хотя они и не выдумали ни огня, ни железа, ни газов, они прекрасно умеют пользоваться всем этим, избавляющим их от усилия, на которое они действительно не способны, — усилия самостоятельно мыслить. Они скорее предпочтут убивать, чем мыслить, — вот в чем беда! И как раз их-то вы снабжаете техникой! Эта техника просто создана для них. Пока не существует машины, чтобы мыслить, которую они ждут, которая им требуется, которая вот-вот появится, они вполне удовольствуются машиной, чтобы убивать, она

---

[10] Комментарии: 1.10

Дерулед Поль (1846–1914) — французский писатель и политический деятель националистической ориентации, основавший в 1882 г. правую «Лигу патриотов». Бернанос имеет в виду его милитаристские песни, включенные в сборники «Патриотические песни» (1882), «Военные припевы» (1889), «Песни крестьянина» (1894), «Военные стихи» (1896) и др.

[11] Комментарии: 1.11

...в военных стихах Поля Клоделя. — Бернанос имеет в виду подборки клоделевских стихов «Три военных стихотворения» (1915), «Новые стихотворения, написанные во время войны» (1916), «Военные стихотворения» (1922).

им очень подходит. Мы поставили войну на промышленную основу, чтобы сделать ее доступной для них. И она действительно стала им доступна.

Если это не так, то извольте объяснить, как, каким чудом стало так легко сделать из любого лавочника, биржевого маклера, адвоката или кюре солдата? Как у нас, так и в Германии и Англии, так и в Японии. Все предельно просто: вы подставляете фартук, и туда падает готовый герой. Не буду хулить тех, кого уже нет в живых. Но человечество знавало времена, когда военное поприще было одним из самых почетных после духовного и по достоинству едва ли уступало ему. По меньшей мере странно, что сейчас ваша капиталистическая цивилизация, которая отнюдь не слывет поборницей духа самопожертвования, имеет при всей ее рачительности такое большое количество солдат, которое ее фабрики еще и обеспечивают обмундированием…

И солдат, которых никогда не видывали раньше. Вы спокойненько берете их, безропотных, в конторе, в цехе. Даете им билет в Преисподнюю со штемпелем призывного пункта и новенькие солдатские башмаки, как правило промокаемые. Последнее напутствие, последнее приветствие родины является им в виде злобного взгляда

аджюдана-сверхсрочника, приставленного к вещевому складу, который обращается с ними, как с каким-то дерьмом. А после они спешат на вокзал, слегка под хмельком, но сильно озабоченные мыслью не пропустить поезд в Преисподнюю, как если бы они спешили на воскресный семейный обед куда-нибудь в Буа-Коломб или Вирофле. Только на этот раз они сойдут на станции Преисподняя, вот и все. Год, два, четыре года — столько, сколько потребуется до истечения срока этого проездного билета, выданного правительством, — будут они колесить по стране, под свинцовым дождем, бдительно следя за тем, чтобы не был съеден без разрешения шоколад из «энзе», и ломая голову, как бы стянуть у соседа перевязочный пакет. Получив в день сражения пулю в живот, они, как куропатки, семенят на пункт первой помощи, обливаясь холодным потом, ложатся на носилки и приходят в себя уже в госпитале, откуда некоторое время спустя отбывают так же послушно, как и прибыли, получив отеческого тумака от добряка-майора… Потом они отправляются в Преисподнюю — в вагоне без окон, получая от вокзала до вокзала порцию жвачки в виде кислого вина и камамбера и разглядывая при свете коптилки покрытый

непонятными знаками проездной документ, совершенно не уверенные, что делают все, как надо. В день победы… Что ж, в день победы они надеются возвратиться домой.

Но на самом деле они туда не возвращаются из-за пресловутого резона, что «перемирие — это не мир», и им надо дать время четко усвоить это. Подходящим для этого показался срок в один год, хотя хватило бы и недели. Недели вполне было бы достаточно, чтобы доказать солдатам Великой войны, что победа — это штука, на которую надобно глядеть издалека, как на полковничью дочь или могилу Императора в Доме инвалидов; что победитель, если он хочет жить спокойно, должен снять нашивки победителя. И вот они возвратились на завод, в контору, все такие же безропотные. Некоторым здорово повезло: в своих довоенных штанах они обнаружили десяток талонов в свою старую закусочную — по 20 су за обед. Но новый хозяин не желает их брать.

Вы скажете мне, что эти люди были святыми. Нет, уверяю вас, они не были святыми. Они были смирившимися. В каждом человеке есть огромный запас смирения, человек — существо смирившееся по своей природе. Потому-то он и выжил. Посудите сами, иначе это логически

мыслящее животное не перенесло бы того, чтобы стать игрушкой вещей. Еще тысячелетия назад последний из них разбил бы себе голову о стену пещеры, отрекшись от своей души. Святые не смиряются, по крайней мере в том смысле, какой под этим подразумевается в миру. Если они и страдают молча от Несправедливости, которой так громко возмущаются посредственности, так это для того, чтобы обратить против Несправедливости, против ее медного лика все силы своей большой души. Ведь вспышки гнева — это дщери отчаяния, что ползают и извиваются, подобно червям. Молитва же, в сущности, единственный протест, который держится прямо.

Человек — существо смирившееся по своей природе. А современный человек особенно, по причине своего крайнего одиночества, на которое его обрекает общество, в котором уже нет иных отношений между людьми, кроме денежных. Однако мы очень бы ошиблись, если бы решили, что это смирение превратило человека в безобидное животное. Оно копит в нем яды, которые делают его способным однажды на любое насилие. Народ в государствах-демократиях — это всего-навсего толпа, толпа, которую постоянно держит в напряжении невидимый Оратор,

голоса, долетающие со всех уголков земли, голоса, которые берут ее за самое нутро, мощно воздействуют на ее нервы, стремясь говорить языком ее желаний, ее злобствований, ее страхов. Правда, парламентским демократиям, более возбудимым, недостает твердости. Диктаторским же присущ внутренний жар. Имперские демократии являют собой демократию периода зрелости.

Гневом глупцов полнится мир. В этом гневе их снедает идея искупления, ибо она составляет основу любой человеческой надежды. Это тот самый инстинкт, который бросил Европу против Азии во времена Крестовых походов. Однако тогда Европа была христианской, и глупцы принадлежали к христианскому миру. А христианин может быть и таким и сяким, скотом, самодуром или сумасшедшим, но он не может быть полным глупцом. Я говорю о христианах по рождению, христианах по состоянию, христианах христианского мира. Словом, о христианах, рожденных на христианской земле, свободно растущих и вкушающих под солнцем и ливнем каждую пору своей жизни. Боже меня упаси сравнивать их с теми худосочными корнишонами, которые кюре выращивают в горшочках, в тщательно укрытом от сквозняков месте!

Для христианина христианского мира Евангелие не просто антология, выдержки из коей прочитываются каждое воскресенье по молитвеннику и коей дозволяется предпочесть «Сад благоговейных душ» П. Прюдана или «Благочестивые цветочки» каноника Будена. Евангелие заключает в себе законы, нравы, страдания и даже утехи человеческие, ибо самая малая надежда человека и даже продукт его утробы благословляются в нем. Можете отпускать по этому поводу какие угодно шуточки. Не так уж много ценного я знаю, зато я знаю, что такое упование на Царство божье, а это немало, честное слово! Вы мне не верите? Тем хуже для вас! Быть может, надежда эта вновь осенит свой народ? Быть может, мы вдохнем ее в себя однажды все разом, в одно прекрасное утро, вместе с медом зари? Вы об этом не думаете? Ну что ж! Те, кто откажется принять ее в свое сердце, по крайней мере узнают о ее возвращении по такому признаку: люди, которые сегодня при вашем приближении отводят глаза и хихикают за вашей спиной, будут идти вам навстречу с человечностью во взоре. По этому признаку, повторяю, вы и узнаете, что ваше время прошло.

Глупцов гложет идея искупления. Но если вы

спросите об этом первого попавшегося из них, он ответит вам, что такая мысль никогда не приходила ему в голову или что он не понимает, о чем вы говорите. Ибо глупец не владеет никаким духовным инструментом, позволяющим ему заглянуть в себя, он может обследовать лишь то, что лежит на поверхности его существа. Что с того! Ведь если какой-нибудь негр, ковыряя своей жалкой мотыгой почву, хочет получить немного проса, земля от этого не является менее плодородной и менее способной взрастить другой урожай. Впрочем, что вы можете знать о посредственности, если не наблюдали ее достаточно долго среди других посредственностей той же породы, во всей совокупности их радостей, злобствований, удовольствий и страхов? Правда, каждая посредственность предстает надежно защищенной от любой посредственности другого вида. Однако огромные усилия демократий увенчались тем, что это препятствие было сметено. Вы преуспели в нанесении этого потрясающего, уникального удара: вы разрушили безопасность посредственностей. А ведь она казалась неотделимой от посредственности, казалась самой ее сущностью. Для того чтобы быть посредственностью, вовсе не обязательно быть тупицей. Вы

начали с отупления глупцов. Смутно осознавая, что им чего-то не хватает и что непреодолимое течение сносит их к бездонным пропастям судеб, они прячутся в своих привычках, унаследованных или благоприобретенных, подобно тому знаменитому американцу, который преодолел водопады Ниагары, сидя в бочке. Вы разбили бочку, и теперь эти несчастные видят, как берега проносятся мимо с молниеносной быстротой.

Два столетия назад какой-нибудь нотариус из Ландерно, конечно же, не считал свой город более долговечным, чем, скажем, Карфаген или Мемфис, но судя по тому, как развиваются события, завтра он почувствует себя в нем так же неуютно и неуверенно, как в постели, выставленной на городской площади и открытой всем ветрам. Конечно, миф о Прогрессе сослужил хорошую службу демократиям. Понадобился век или два, чтобы глупец, приученный на продолжении стольких поколений к неподвижности, увидел в этом мифе нечто большее, чем просто будоражащую воображение гипотезу, игру ума. Глупец существо оседлое, но он всегда с интересом читал рассказы первопроходцев. И вот представьте себе этакого комнатного путешественника, который вдруг обнаруживает, что пол под ним движет-

ся. Он кидается к окну, распахивает его, ищет глазами дом напротив: в лицо ему со свистом летит пена, он понимает, что отправился в путь. Впрочем, слово «отправление» здесь не совсем уместно. Поскольку нынешнему человеку уже не остановиться взглядом на чем-нибудь неподвижном (это и есть причина морской болезни), то у бедняги не создается впечатления, что он куда-то отправился. Я хочу сказать, что его заботы остались все те же, хотя внешне их поприбавилось благодаря эффекту перспективы: он все так же занимается любовью, его ждет все такая же смерть.

Все просто, так просто. А завтра будет еще проще. Настолько проще, что больше невозможно будет написать ничего вразумительного о людских бедах — их причины обескуражат любого взявшегося за анализ. Начальные симптомы смертельной болезни дают профессорам темы для блестящих лекций, но все смертельные болезни кончаются одним: остановкой сердца. И больше тут ничего не скажешь. Ваше общество умрет не по-другому. Вы еще будете обсуждать все «почему» и «как», а артерии уже перестанут пульсировать. Сравнение это мне кажется удачным: социальные реформы проводятся слишком

поздно, когда разочарование народов становится неизлечимым, когда сердце народа уже разбито.

Знаю, что подобное выражение вызовет улыбку у деятелей политического реализма. Что это такое — сердце народа? Где оно помещается? Доктринеры политического реализма питают слабость к Макиавелли. За неимением лучшего, доктринеры политического реализма ввели Макиавелли в моду. А это — крайняя неосторожность, какую только могли себе позволить его последователи.

Вы представляете себе этого шулера, который, прежде чем сесть за ломберный столик, удостоит своих партнеров небольшим трактатом об искусстве мошенничать в свойственном ему стиле, с лестным посвящением каждому из этих господ! Макиавелли писал лишь для узкого круга посвященных. Доктринеры же политического реализма обращаются к широкой публике. Молодые французы, такие умненькие и непорочные, повторяют вслед за ними их ужасающе циничные аксиомы, чем очень шокируют и умиляют своих добропорядочных матерей. Война в Испании, последовавшая за войной в Абиссинии, явила случай для провозглашения символов веры национального аморализма, от которых

перевернулись бы в гробу Юлий Цезарь, Людовик XI[12], Бисмарк и Сесил Родс[13]. Однако ни Юлий Цезарь, ни Людовик XI, ни Бисмарк, ни Сесил Родс ни за что бы не согласились каждый день слышать компрометирующие их слова одобрения из уст этакой пешки-реалиста, поддерживаемой своим классом. Истинный ученик Макиавелли начал бы с того, что повесил этих болтунов.

Не трогайте глупцов! Вот что мог бы написать золотыми буквами ангел на фронтоне здания современного Мира, если бы у этого мира был свой ангел-хранитель. Чтобы разбудить гнев глупцов, достаточно заставить их вступить в противоречие с самими собой, а имперские демократии, дойдя до апогея своего процветания и власти, не могли не подвергнуться этому риску. И они ему подверглись. Миф о Прогрессе был, без всякого сомнения, единственным, к которому смогли приобщиться миллионы людей, един-

---

[12] Комментарии: 1.12

Людовик XI (1423–1483) — французский король с 1461 г. Проводил централизаторскую политику, подавляя феодальные мятежи, сокращал привилегии духовенства, стимулируя развитие ремесел и торговли.

[13] Комментарии: 1.13

Родс Сесил (1853–1902) — организатор захвата английскими колонизаторами (на рубеже 1880-1890-х гг.) территорий в Южной и Центральной Африке, часть которых составила колонию Родезию. В 1890–1896 гг. был премьер-министром Капской колонии и явился одним из главных инициаторов англобурской войны 1899–1902 гг.

ственным, который удовлетворил одновременно их алчность, упрощенный морализм и застарелый инстинкт справедливости, унаследованный от предков. Какой-нибудь хозяин-стекольщик, который во времена Гизо[14], если обратиться к неопровержимой статистике, в интересах своей коммерции периодически бил стекла в домах целых кварталов, вполне очевидно, имел, как и любой из нас, приступы слабости. Ты можешь затягивать шею сатиновым галстуком, носить в петлице розетку величиной с блюдце и обедать в Тюильри, что с того! Бывают дни, когда и в тебе просыпается душа. О! Разумеется, праправнуки этих людей сегодня пай-мальчики, живые модели, опрятные, спортивные, с более-менее приличной родней. Многие из них объявляют себя роялистами и говорят об экю своего предка, гордо вздернув подбородок (на манер потомка Годфруа Бульонского[15], заявляющего свои права

---

[14] Комментарии: 1.14

Гизо Франсуа (1787–1874) — французский историк, автор многочисленных трудов по истории Франции, один из создателей теории классовой борьбы. С 1830 г. неоднократно занимал министерские посты. С 1847 г. был главой правительства, свергнутого Революцией 1848 г.

[15] Комментарии: 1.15

Годфруа Бульонский (1061–1100) — герцог Лотарингский (1089–1095), являвшийся предводителем первого крестового похода. В 1099 г. его избрали на должность короля Иерусалимского, но он сам взял себе титул «защитника Гроба Господня».

на Иерусалимское царство). Чертовы кривляки! У них есть одно оправдание: им не хватает общественного сознания. А от кого им было его унаследовать? Преступления, связанные с золотом, носят, кстати, абстрактный характер. Может быть в золоте даже кроется добродетель? Жертвами злата кишит история, но их останки не издают никакого запаха.

Позволительно связать это обстоятельство с весьма известным свойством солей этого магического металла, которые предупреждают разложение. Ведь если какой-нибудь свихнувшийся скотник изнасилует и убьет двух пастушек, история обязательно сохранит его имя, сделает из этого имени позорное клеймо, ругательное слово. Зато «торговые господа из Нанта», Великие работорговцы, как их с уважением называет сенатор из Гваделупы, могли битком набивать свои трюмы «черным мясом», на протяжении веков оно источало лишь легкий запах ворвани и испанского табака. «Капитаны невольничьих судов представляются людьми, преисполненными благородства, — продолжает почтенный сенатор. — Они носят парики, как при дворе, шпагу на боку, туфли с серебряными пряжками, расшитые камзолы, рубашки с жабо, кружевные

манжеты». «Такая негоция, заключает журналист, — нисколько не позорила ни тех, кто ею занимался, ни тех, кто ее субсидировал. Кто из финансистов или состоятельных буржуа не являлся так или иначе работорговцем? Судовладельцы, которые финансировали эти дальние и дорогостоящие экспедиции, делили вложенный капитал на определенное число паев, и паи эти, в большинстве случаев приносившие огромный доход, являлись для всех отцов семейств исключительно желанным помещением капитала».

Весьма заботясь о том, чтобы заслужить доверие этих самых отцов семейств, капитаны невольничьих судов скрупулезно исполняли свои обязанности, о чем достаточно убедительно говорит следующий рассказ, взятый среди многих других свидетельств подобного рода из одной интересной книги[16], рецензия на которую была опубликована 25 июля 1935 года в «Кандиде»[17]:

«Вчера в восемь часов мы привязали особо про-

[16] Комментарии: 1.16

…из одной интересной книги… — Речь идет о книге Гастона Мартена «Невольничьи суда и черное дерево», изданной в 1934 г. парижским издательством «Арто». Процитированный Бернаносом текст принадлежит одному из членов экипажа корабля «Африканец», на котором в 1738 г. бунт находившихся на нем рабов был подавлен экипажем.

[17] Комментарии: 1.17

«Кандид» — издававшийся в 30-е гг. тиражом в 400 000 экземпляров еженедельник правой ориентации.

винившихся негров за руки и за ноги на палубе лицом вниз и приказали сечь их кнутом. Более того, мы сделали им надрезы на ягодицах, чтобы заставить их сильнее прочувствовать свою вину. После того как от ударов кнута и надрезов ягодицы стали кровоточить, мы добавили пороху, сока от лимонов, рассола и молотого перца, смешав все это еще с каким-то снадобьем, которое врач дал для втирания, чтобы у них не началась гангрена, — но больше для того, чтобы все это сильнее драло им ягодицы, причем мы правили все время по ветру, с галсом по левому борту».

Между прочим, мы находим здесь образчик благоразумной сдержанности общества прошлого, когда оно оказывалось перед необходимостью преподать урок сознательности глупцам. Сегодня итальянская пресса очень усердствует, оправдывая в глазах последних массовое уничтожение абиссинцев с помощью иприта. Вся эта мистика силы обескураживает глупцов, потому что навязывает им утомительное для них напряжение умственных способностей. Короче говоря, пресса стремится внушить им точку зрения Муссолини. Отношение последнего к французской общественности, кстати, весьма любопытно. Муссолини основательный рабочий, он любит

славу. Приняв на веру написанное в учебниках, он считает также, что французский народ более, чем какой-либо другой, обладает чувством справедливости, уважения к слабости и сострадания к горю. На фоне деревень, где защитникам удалось уничтожить все живое, даже грызунов и насекомых, он обращается к потомкам тех Торговых господ из Нанта, прибывшим со своими женами, барышнями и мальчуганами, которым предстоят экзамены в Эколь Сантраль[18]. Я думаю, он слегка краснеет, но потом воодушевляется, говорит о Величии, которое с тех пор, как существует мир, давит своей тяжестью на плечи несчастных людей, о Державе, об Империи. Добрые буржуа переглядываются между собой в сильном замешательстве: зачем г-н Муссолини привел нас сюда? Эти картины еще печальнее, чем Монмартрское кладбище, а супруга моя очень впечатлительна из-за повышенного давления. И сейчас вовсе не подходящий момент, чтобы городить столько фраз из-за каких-то негров. Наши предки, как и этот господин, тоже наживали на них состояние

[18] Комментарии: 1.18

Эколь Сантраль — Центральная художественно-промышленная школа, основанная в 1829 г. и призванная формировать кадры руководителей для основных звеньев французской промышленности и администраторов широкого профиля.

и отнюдь не считали себя обязанными разводить философию. Приносит доход дело-то, да или нет?

Идея величия еще никогда не убеждала глупцов. Величие — это вечное преодоление, а у посредственностей нет, вероятно, никакого образа, который позволил бы им представить себе его неодолимый порыв (вот почему они постигают величие лишь мертвым и воплощенным, как в камне, в неподвижности Истории). Зато идея Прогресса дает им нечто вроде хлеба, в котором они нуждаются. Величие предполагает великое служение. Тогда как прогресс идет сам по себе, куда его влечет масса накопленных экспериментов. Ему не надо оказывать никакого другого сопротивления, кроме веса собственного тела. Это похоже на компаньонство околевшей собаки и реки, по которой ее несет течением. Когда после очередной инвентаризации прежний хозяин-стекольщик подсчитывал точную сумму своих барышей, у него, должно быть, все-таки мелькала мысль о скромном компаньоне, который дохаркивает остатки своих легких в пепел очага, сидя между дремлющей паршивой кошкой и люлькой, где верещит недоносок со старческим

личиком. Автор книги «Стандарты»[19] приводит ставшую известной фразу одного американского промышленника, сказанную журналисту, который, осмотрев его завод, выпивал с хозяином перед тем, как сесть в поезд. Журналист вдруг хлопает себя по лбу и спрашивает: «Какого черта у вас нет пожилых рабочих? Ни одному из тех, что я видел, никак не дашь больше пятидесяти…» Промышленник молча пьет вино и говорит: «Возьмите сигару, давайте-ка мы с вами закурим и пройдемся по кладбищу».

Тот хозяин-стекольщик тоже, должно быть, иногда прогуливался по кладбищу. И не затем, чтобы там помолиться, ибо буржуа той поры все были вольнодумцами; очень возможно, что он там скорбел и даже предавался размышлениям. Почему бы и нет? Я говорю это вполне серьезно. Люди, которые меня совсем не знают, часто принимают меня за ярого фанатика-памфлетиста. Я повторю еще и еще раз: полемист до двадцати лет — забавен, до тридцати терпим, к пятидесяти — невыносим, а далее — просто неприличен. Полемический зуд у старца представляется мне

[19] Комментарии: 1.19

«Стандарты» — изданная в 1929 г. издательством «Грассе» книга Анри Дюбрейя, где рассказывается об организации труда в Америке, какой она представляется французскому рабочему.

одной из разновидностей эротизма. Одержимый заводится с полоборота, говорят в народе. Далекий от того, чтобы заводиться, я все свое время отдаю тому, чтобы понять — и это единственное средство от истерической горячки, в которую в конце концов впадают те несчастные, кои шагу ступить не могут без того, чтобы не угодить в какую-нибудь несправедливость, как в ловушку, тщательно замаскированную в траве. Я стремлюсь понять. Мне кажется, я стараюсь любить. Правда, я не являюсь, что называется, оптимистом. Оптимизм всегда казался мне тайным алиби эгоистов, озабоченных тем, чтобы скрыть хроническое удовлетворение самими собой. Оптимистами они бывают для того, чтобы избавить себя от проявления сострадания к людям, к их горю.

Можно себе представить, какую страницу могла бы подсказать Прудону[20] фраза этого американца. Я не считаю, что эта фраза так

[20] Комментарии: 1.20

Прудон Пьер Жозеф (1809–1865) — создатель одной из теорий социализма, в которой на первое место ставится индивид, а не класс. Критикуя крупное капиталистическое производство, Прудон отвергал революцию как средство изменения общества и выступал за мирное, бескровное переустройство общества путем реформы кредита и обращения. Первопричину социальной несправедливости он видел в государстве и выдвигал анархистскую концепцию ликвидации последнего.

бессострадательна, как кажется. Впрочем, можно столько рассказать о сострадании! Тонкие умы легко судят о глубине этого чувства по конвульсиям, которое оно вызывает у некоторых сострадателей. А конвульсии эти выражают неприятие боли, довольно опасное для больного, ибо в порыве ужаса можно спутать страдание и страждущего. Всем нам встречались такие слабонервные дамы, которые не могут спокойно видеть покалеченной козявки без того, чтобы не раздавить ее тотчас с гримасой отвращения, что совсем не утешительно для живого существа, которое ничего бы, вероятно, так не желало, как для исцеления уползти потихонечку в свой уголок. Некоторые противоречия периода новейшей истории прояснились для меня, как только я пожелал отдать себе отчет в следующем факте, что прямо-таки бросается в глаза: у нашего современника черствое сердце и уязвимое нутро. Как после потопа, земля наша завтра, возможно, будет принадлежать дряблым чудовищам.

Позволительно думать, что некоторые натуры инстинктивно защищаются от сострадания из-за прямого недоверия к самим себе, грубости своих реакций. Глупцы на протяжении веков послушно приняли традиционное учение Церкви по вопро-

сам, которые, по правде говоря, представлялись им неразрешимыми. Имеет ли страдание искупительную силу, можно ли его даже любить — что значит здесь мнение какой-то кучки оригиналов, раз здравый смысл, как и Церковь, допускает, что разумные люди избегают его всеми силами? Конечно, ни один глупец прежде и не помышлял отрицать мирового характера Скорби, но мировая Скорбь была от него сокрыта. Сегодня, чтобы быть услышанной, она располагает столь же мощными средствами, как радость или ненависть. Те самые люди, которые понемногу систематически сужали семейные отношения, сводя их лишь к самому необходимому обмену уведомительными письмами о рождении, бракосочетании или кончине, — все ради того, чтобы поберечь свои скудные запасы чувствительности, — теперь не могут развернуть газету или повернуть ручку радиоприемника без того, чтобы не узнать о какой-нибудь катастрофе. Ясно, чтобы избавиться от этого наваждения, этим несчастным уже недостаточно раз в неделю, во время большой мессы, рассеянно выслушать проповедь о сострадании от какого-нибудь бодренького, хорошо откормленного каноника, с которым они позже за воскресным обедом вместе

расправятся с дичью. Вот глупцы и набрасываются столь решительным образом на проблему скорби, равно как и на проблему бедности. Глупец со своей железной логикой рассуждает так: науке надлежит победить скорбь, а нищетой займется экономист; пока же поднимем против двух этих зол общественное мнение, против которого, каждый знает, ничто не может устоять — ни на земле, ни на небесах. Почитать бедность? А почему бы не вшей бедности? Эти восточные химеры были бесхитростны лишь во времена Иисуса Христа, который, кстати, никогда не был человеком действия. Если бы Иисус Христос жил в наше время, ему, как и всем, пришлось бы создавать себе положение в обществе; когда б ему довелось возглавить даже небольшой заводик, уж он бы усвоил, что современное Общество, превознося достоинство денег и считая позором бедность, исполняет свою роль по отношению к бедняку.

Человек рождается прежде всего гордым, его широко отверстое самолюбие более ненасытно, чем его утроба. Не потому ли военный, получив латунную медаль, считает, что достаточно отмечен за смертельный риск? Всякий раз, когда вы ущемляете престиж богатства, вы подымаете бедного в его собственных глазах. Он меньше

стыдится своей бедности, свыкается с ней и в своем помрачении может даже полюбить ее. Итак, для своего нормального функционирования общество нуждается в бедных, у которых есть самолюбие. И их ему поставляет не столько голод, сколько боязнь унижения, и причем лучшего качества — таких, что брыкаются, но до последнего издыхания тянут лямку. Тянут точно так же, как мрут на войне им подобные — не столько из вкуса к смерти, сколько из желания не посрамить себя перед товарищами или же чтобы досадить аджюдану. Если вы не будете держать их, запыхавшихся, преследуемых по пятам хозяином, булочником, консьержем, под постоянной угрозой бесчестья, угрозой оказаться клошаром, бродягой, они, возможно, и не прекратят работать, но только тогда они будут работать меньше или захотят работать по-своему и не будут больше испытывать уважения к машинам. Уставший пловец, чувствующий под собой пятисотметровую толщу воды, отмеряет свои саженки с большим усердием, нежели тогда, когда его ноги достают песчаное дно пляжа. И заметьте, во времена, когда методы либеральной экономики имели свою самую полную просветительскую силу, свою полную действенность (до прискорбного

изобретения синдикатов), настоящий рабочий, рабочий, сформированный вашими стараниями, оставался настолько глубоко убежден в своем долге каждый день откупаться работой от бесчестья бедности, что, даже будучи старым или больным, он с одинаковым ужасом избегал богадельни или больницы — не столько из-за привязанности к свободе, сколько из-за стыда, стыда, что он «не может больше соответствовать», как он выражался на своем восхитительном языке.

Гневом глупцов полнится мир. Он, конечно, менее опасен, чем их сострадание. Самая безобидная позиция глупца перед лицом скорби или нищеты тупое безразличие. Ваше несчастье, если, закинув за спину ящик с инструментами, он своими неловкими руками, своими безжалостными руками потянется к шарнирам, на которых держится мир! Вот он уже кончил ощупывать, вот он достал из ящика пару большущих кровельных ножниц. Как человек практичный, он склонен думать, что скорбь, как и бедность, — всего-навсего пустота, отсутствие чего-либо, ничто, наконец. Он удивлен, что они сопротивляются ему. Таким образом, бедняк не является просто гражданином, которому, например, не хватает лишь счета в банке, чтобы походить на любого и каждого.

Конечно, есть бедняки и такого рода, кстати, их гораздо меньше, чем это себе представляют, ибо экономическая картина мира искажена как раз такими вот бедняками, ставшими богатыми, которые являются фальшивыми богачами и в богатстве сохраняют все пороки бедности. Подобно тому как эти бедняки не были настоящими бедняками, они не являются и настоящими богачами — это нечистая раса. Но разве будет все тот же глупец, заветная иллюзия которого заключается в том, что индивидуумы отличаются один от другого, а народ от народа лишь по причине той злой шутки, которую с ними сыграли, наделив их разными языками и что они ожидают всемирного примирения от развития демократических институтов и поголовного изучения эсперанто обращать внимание на подобные тонкости? Как вы внушите ему, что существует особый народ Бедняков, что традиции этого народа — более древни, чем все традиции в мире? Народ бедняков, не менее неистребимый, чем еврейский? С этим народом можно договариваться, но его нельзя растворить в общей массе. Будь что будет, надо оставить ему его законы, его обычаи и тот весьма оригинальный жизненный опыт, с которым все вы ничего не можете поделать. Опыт, который

похож на опыт детства — наивный и сложный одновременно, неумелая мудрость, столь же чистая, как искусство старых лубочников.

Еще одно: дело не в том, чтобы обогатить бедняков, ибо всего золота ваших приисков, вероятно, не хватит для этого. (Впрочем, вам удалось бы лишь увеличить количество фальшивых богачей.) Никакая сила в мире не может остановить золото в его вечном движении, собрать в одно золотое озеро миллионы ручейков, по которым утекает более неуловимый, чем ртуть, ваш заколдованный металл. Дело не в том. чтобы обогатить бедняка, а в том, чтобы почитать его, вернее — вернуть ему честь. Очевидно, ни сильный, ни слабый не могут жить без чести, только слабый нуждается в чести гораздо больше. В этой максиме нет, впрочем, ничего странного. Опасно позволять унизиться слабым, разложение слабых — отрава для сильных. Во что превратились бы женщины ваши жены, — если бы, располагая на протяжении веков средствами поработить их тело и душу, вы, по общему согласию, не приняли бы разумного решения уважать их? Вы уважаете женщину и ребенка, и никому из вас не придет в голову считать их слабость (равно как какое-нибудь увечье) чем-то постыдным, едва ли

допустимым. Одержали же эти нравы верх над грубостью, почему бы нам не стать свидетелями того, как в свою очередь уступят свой гнусный престиж деньги? Да, почет деньгам немногого бы стоил, если бы вы не вносили в это своей тайной лепты.

«Но разве не было так всегда, на протяжении веков?» Признайте лучше, что, если денежные тузы и располагали часто всеми привилегиями власти, власть эту никто и никогда не считал законной, никогда не было и никогда не будет законной силы у Чистогана. Стоит за него взяться, он прячется, забивается в угол, зарывается. Даже сегодня, контролируя общество, он немногим отличается от работника на ферме, который спит со своей хозяйкой, зрелой вдовушкой. Он заведует кассой, но на людях зовет свою любовницу «наш' гыспыжа» и разговаривает с ней, сняв шапку. Королевам красоты, звездам киноэкрана устраивают громкие овации. А можете вы представить себе, что те же восторженные лица, которые толпятся вокруг Тино Росси[21] на Северном вокзале, встречают аплодисментами одного из Рокфеллеров? Им совсем не стыдно показать своими

[21] Комментарии: 1.21

Росси Тино (наст. имя Константен) (1907–1983) — популярный французский певец родом из Аяччо.

бурными проявлениями чувств, что они завидуют этому маленькому корсиканцу с медовым голосом. Но они сгорели бы со стыда при мысли, что проявят подобное раболепие перед г-ном Фордом, будь он даже красив, как Роберт Тейлор[22]. Чистоган — хозяин, пусть так. Однако он не имеет даже своего представительства, как какая-нибудь самая простая, третьесортная держава; он не вышагивает в парадной форме в кортежах, где вы всегда можете увидеть Судью, облаченного в красное, подбитое кроличьим мехом, Военного, разукрашенного, как кафедральный швейцар, самого этого Швейцара, открывающего дверь Прелату в фиолетовом, Жандарма, Префекта, похожего на него Академика, Депутатов в черных фраках. Но вы не увидите там Богача, хотя это он несет все расходы по устройству праздника и имеет достаточно средств, чтобы украсить шляпу пышным плюмажем.

Г-н Ш. Моррас нашел однажды блестящее определение, полное величия и человеческого достоинства: «Что меня удивляет, так это не беспорядок, а порядок». Мы должны преисполниться удивления от того, что даже в мире, который ему

---

[22] Комментарии: 1.22

Тейлор Роберт (наст. имя Спанглер Арлингтон Браф) (1911–1968) американский певец, а с 1934 г. популярный киноактер.

принадлежит, Чистоган, похоже, всегда стыдился самого себя. Рузвельт напоминал недавно, что четверть всего достояния Америки находится в руках шестидесяти семейств, число которых к тому же по воле брачных союзов тяготеет свестись к двадцати. Некоторые из этих людей, не имеющие даже простого галуна на рукаве, владеют восемью миллиардами. О! Я прекрасно знаю — наши молодые реалисты правого толка непременно захихикают: «А двести семейств? Хи-хи-хи!» Что ж, шутники. Не знаю, существует ли на самом деле Реальная страна, в чем стараются убедить вас доктора, которые вас осеменяют, но совершенно очевидно, что существует реальное достояние Франции. Это реальное достояние должно обеспечивать наш кредит. Но вы прекрасно знаете, что это отнюдь не так. Пятьдесят миллиардов, разменянные на монеты по сто су и запрятанные в шерстяные чулки, совершенно неспособны противостоять даже одному, но отмобилизованному миллиарду, который маневрирует обменными операциями, следуя наполеоновскому принципу ведения войны: «Разве важно, какое количество полков выставит неприятель, лишь бы вы оказались сильнее его там, где он более всего слаб!» А если так трудно отмобилизовать пятиливровые

экю, то что тогда говорить о полях, лесах?

Таким образом, вовсе не абсурд утверждать, что реальное богатство нации, столь огромное, каким кажется по сравнению с капиталом, удерживаемым небольшим числом частных лиц, ни в коей мере не находится в зависимости от предприятий последних. [...] Знаю, молодые реалисты, что подобные мысли не тревожат по ночам ваших невинных снов. Что для вас поля, виноградники? «Опять франк падает. Вот лафа! Скоро министр свалится». К несчастью, вопрос стоит не так, как вы думаете. Не за франк я боюсь, бедняжки вы мои, а за вас. Франк всегда, в конце концов, восстановит свою стоимость, эта стоимость рано или поздно будет соответствовать тому месту, которое Франция занимает в мире, той степени, в какой в моей стране нуждается мир. Враг хорошо знает это. Враг только ждет часа, когда его финансовые советники молча мигнут военным советникам. И тогда... Тогда франк потихоньку поползет вверх, дети мои, но это будут уже не те средства, которые сегодня способствуют его сползанию вниз: вы восстановите его стоимость ценой вашей крови, глупцы!

Должен сказать, что жизнь биржевых маклеров превратилась бы в эсхилову драму, если бы

эти господа вздумали обмениваться между собой по перечислению или в кредит не банкнотами, а самими людьми. Но не нужно жизни биржевого маклера превращаться в эсхилову драму. Народ хоть и смутно, но всегда представлял себе, что тонкий ручеек драгоценного металла берет свое начало на кладбище, потом иногда исчезает неизвестно куда, чтобы в один прекрасный день забить снова на других кладбищах, на кладбищах со свежевырытыми могилами. Что вы хотите, народ иначе, чем мы, реагирует на тайну Чистогана, чтение трудов экономистов не поколебало его инстинкта. Вполне естественно, что он стал особенно чувствителен к жестокости этого бога с бесстрастным ликом луны, который перекладывает на этих бедолаг всю тяжесть своих разочарований. В действительности, как мы знаем, этот Властелин мира прячет под своей кирасой тщательно скрываемую рану, в глубине своего торжествующего сердца он терзается мыслью, как бы не прослыть глупцом перед настоящими хозяевами и сеньорами, от желания покорить которых он сгорает. Льстецы, коих он приглашает за свой стол, несмотря на то, что им щедро заплачено, рассовывают по карманам приборы, а рабы потихоньку плюют в блюда.

Признайте, что такому монарху не за что уважать самого себя.

Ибо если Чистоган не снискал еще публичного признания своего господства, то скорее не из лукавства или осторожности, а из непреодолимой скромности. Те, кто ускользает от его власти, знают его силу, вплоть до лиарда{14}. Он же об их силе не знает ничего. Святые и Герои знают, что у него на уме, а он не имеет ни малейшего представления о том, что думают эти самые Святые и Герои о нем.

Совершенно очевидно, что одна только любовь к деньгам всегда порождала лишь маньяков, фанатиков, которых общество едва ли знает, которые стонут и гниют по сумрачным местам, в каких растят шампиньоны. Скупость — это не страсть, это порок. Мир не принадлежит порочным людям, как это представляется целомудренным мученикам. Мир принадлежит Риску. Здесь есть над чем заставить расхохотаться Мудрецов, мораль которых — накопление. Но если они сами ничем не рискуют, то зависят от риска других. Случается, что волею божьей они от этого даже погибают. Так, какой-нибудь неприметный

{14} Примечания: 2.14
Грош (стар.). — Прим. перев.

инженер вдруг решит, к немалому удивлению своих близких, построить механическую птицу, а какой-нибудь велогонщик за стаканом вермута заключит пари, что испытает эту диковинную машину, и не пройдет и тридцати лет, как с неба на головы Накопителей посыплются бомбы весом в тысячу кило. Мир принадлежит Риску. Завтра Мир будет принадлежать тому, кто рискнет больше всех, более решительно возьмет Риск на себя. Если бы я располагал временем, я бы охотно предостерег вас от иллюзии, столь милой сердцу благочестивцев. Благочестивцы упорно верят, что человечество без бога (как они говорят) погрязнет в разгуле распутства (чтобы опять же сказать их языком). Они ожидают новой Римской империи. Можно думать, что они будут разочарованы. Загнивающей частью Империи была лишь кучка чиновников-грабителей, циничных животных, с пастью, открытой для всех гнойных выделений Африки и Азии, присосавшихся губами к сточной канаве обоих континентов. В этом вся утонченность этих скотов, как и эстетство многих традиций коллежей. На протяжении веков их учителя-педанты предлагают восхищенному взору молодых французов

легендарных Петрониев[23] и Лукуллов[24], коих по выходе из парной эфебы умащивают благовониями. По зрелом размышлении, если эти люди так много мылись, значит, они сильно смердели? Нард{15} и бальзамы зря лились на постыдные раны, о которых писали Ювенал[25] и Лукиан[26]. Добавлю: даже те из этих несчастных, кто не жаловался на здоровье, были так прожорливы, что, дабы лучше насытиться, принимали пищу лежа, а насытившись, тут же опорожнялись, как бурдюки, засунув толстые, унизанные золотыми перстнями пальцы поглубже в глотку, даже не дав себе труда сесть на зад. К концу угощения они испытывали настоятельную необходимость отмыться. Слов нет, жили они в роскошных городах, но я никогда не любил этих представителей

---

[23] Комментарии: 1.23

Петроний Гай (?-66 н. э.) — римский писатель, автор романа «Сатирикон», в комически-сниженном плане рисующий нравы римского общества.

[24] Комментарии: 1.24

Лукулл Лициний (ок. 106-ок. 57 до н. э.) — римский полководец. Командовал римскими войсками в войне против Митридата VI в 74–66 гг. и добился значительных успехов. Славился богатством, роскошью и пирами (отсюда выражение «лукуллов пир»).

{15} Примечания: 2.15

Пахучее вещество. — Прим. перев.

[25] Комментарии: 1.25

Ювенал Децим Юний (ок. 60 — ок. 140) — римский поэт-сатирик. Известен как классик «суровой сатиры». Проникнутые обвинительным

пафосом сатиры Ювенала, написанные в форме философской диатрибы, охватывают все римское общество от низов до придворных.

[26] Комментарии: 1.26

Лукиан (ок. 117-ок. 190) — греческий писатель, в творчестве которого нашла широкое отражение идеологическая, религиозная и политическая жизнь Римской империи эпохи Антонинов, когда при внешнем благополучии назревал общий кризис рабовладельческой системы.

римской эпохи! Тем не менее мне понадобились годы, чтобы для меня начала раскрываться не только их вопиющая грубость, но и какое-то особое дремучее невежество. Я уже не говорю о нелепых колоссальных тратах, о муренах, откармливаемых рабами, блюдах из соловьиных языков, жемчуге, растворяемом в фалернском вине, и прочих столь же дурацких выходках, вульгарность которых вызывала бы отвращение даже на видавшей виды Канебьер{16}. Я думаю о других якобы дьявольских забавах (может, они и были таковыми), о которых лицейские наставники говорят, побледнев и понизив голос, но о которых, по всей видимости, грезят наедине с собой их ученики. Все эти толстобрюхие императоры проявляли много доброй воли во зле. Чтобы быть действительно извращенными, им недоставало человеческих качеств. Да не навлечет на себя проклятие возжелавший! Да не вкусит тот, кто возжелал, хлеба и вина погибели! Что тут сказать? Никак не может нанести тяжкого оскорбления богу тот, кому нечем любить его и служить ему. […]

Меня восхищают те просвещенные болваны,

{16} Примечания: 2.16
Главная улица Марселя. — Прим. перев.

прямо-таки распираемые культурой, пожираемые книгами, как блохами, которые утверждают, сверля пальцем воздух, что ничего нового на свете не происходит, что все уже видано. Да что они знают? Пришествие Христа было первым новым явлением. Дехристианизация мира будет, возможно, вторым. Тот, кто никогда не задумывался над этим вторым феноменом, не может составить себе представления о его последствиях. С еще большим изумлением гляжу я на католиков, коих чтение, пусть рассеянное, Евангелия не побуждает к размышлениям о становящейся с каждым днем все более острой борьбе, которую предвосхитило одно удивительное изречение, так и не услышанное ими, оставшееся совершенно непонятым: «Вы не можете служить Богу и Мошне». О, я очень хорошо их знаю. Если каким-то чудом моя мысль заденет одного из них, он побежит к своему приходскому священнику, который от имени бессчетных казуистов спокойно ответит ему, что этот совет адресован лишь совершенствам и что, следовательно, он не касается предпринимателей. А я согласен с этим полностью. Я даже позволю себе написать с большой буквы слово «Мошна». Вы не можете служить Богу и Мошне. Власть Мошны противостоит власти Бога.

Это, скажете вы, одна из тех метафизических точек зрения, до которых нет никакого дела реалистам. Извините. Пусть вы выражаетесь иначе, на присущем вам языке, какая разница! Еще античность знала Богачей. Множество людей и тогда страдало от несправедливого распределения благ, от эгоизма, алчности, гордыни Богачей, хотя мало кто думает о тех тысячах хлебопашцев, пастухов, свинопасов, рыбаков и охотников, которым неразвитость средств сообщения позволяла жить бедными, зато свободными в их недосягаемом одиночестве. Поразмышляйте и о таком важном обстоятельстве: пираты были тогда функционерами, им приходилось униженно дожидаться своей очереди, которая наступала после генерала-завоевателя, довольствоваться своей долей добычи, оставшейся после военных (одному богу известно, какими были римские военные до того, как цивилизованные народы Запада не дали этому козлиному племени строителей и юристов настоящих военачальников, солдат). Короче говоря, в те далекие времена денежные тузы эксплуатировали мир в зависимости от успеха своих экспедиций, но не организовывали его. Что общего, спрашиваю я вас, между консульскими

пиратами[27], которые остервенело набивали свои кофры, наслаждались этим добытым нечестным путем добром, а кончали тем, что подыхали после пьяной драки, и этаким миллиардером-пуританином, меланхоличным и страдающим диспепсией, способным одним взмахом бровей, одним росчерком пера стодвадцатифранковой ручки заставить качаться необъятный воз всемирной нищеты? Что и говорить! Какой-нибудь откупщик податей в XVIII веке и представить себе не мог подобного человека, он показался бы ему абсурдным, а он таков, этот гибрид, теперь уже устоявшийся продукт скрещивания многих весьма различных разновидностей. Вы идете, повторяя как попугаи, что он порождение капиталистической цивилизации. Как бы не так. Это он породил ее. Конечно, речь не идет о каком-то заранее обдуманном плане. Это феномен адаптации, защиты. Плохой богач прежних времен — жуир, скандалист, фанфарон, расточитель и враг всяческих усилий — принял почти на себя одного удар христианства, его необоримый на-

[27] Комментарии: 1.27

Консульские пираты — Бернанос, очевидно, хочет сказать, что эти пираты пользовались чем-то вроде «консульского иммунитета», то есть совокупностью льгот, предоставляемых консульскому учреждению и его сотрудникам.

тиск. В самом деле, если бы он даже мог выжить в этом христианском мире, он не смог бы в нем преуспеть. Он в нем и не преуспел. [...]

Христианство не упразднило Богача, не обогатило Бедняка, ибо оно никогда и не ставило себе целью отмену первородного греха. Оно лишь бесконечно долго оттягивало закабаление мира Чистоганом, поддерживало иерархию человеческих ценностей, поддерживало Честь. Благодаря тому же таинственному закону, по которому обрастают защитным мехом животные, перевезенные из районов с умеренным климатом в заполярные, Богач в столь неблагоприятном для его вида климате в конце концов приобрел чудесную сопротивляемость, необычайную жизнеспособность. Ему пришлось терпеливо трансформироваться изнутри, сообразно с экономическими условиями, законами, нравами, даже моралью. Было бы преувеличением сказать, что именно Богач вызвал интеллектуальную революцию, из которой вышла экспериментальная наука, но едва она сделала первые успехи, он оказал ей свою поддержку, направил ее поиски. Если Богач не осуществил сам, то по крайней мере воспользовался впечатляющим покорением с помощью техники пространства и времени, ре-

ально послужившим именно его предприятиям, сделал из бывшего ростовщика, привязанного к своей кассе, анонимного хозяина сбережений и труда людей. Под этими яростными ударами погибло христианство, шатается Церковь. Что предпринять против мощи, которая контролирует современный Прогресс, создала миф о нем и держит человечество под постоянной угрозой войн, которые она одна способна финансировать, — войн, ставших одной из нормальных форм экономической деятельности, будь то ее подготовка или ведение?

Такой взгляд на вещи обычно не нравится правым. Почему, спрашивается? Всякий, даже самый мелкий, торговец будет смотреть как на заклятого врага общества на безобидного пьянчужку, который, пропив свою недельную получку, проходит мимо полицейского и шепчет, дабы показать, что он свободный человек: «Смерть фараонам!» В то же время наш обладатель патента на торговлю будет ощущать свою солидарность с Ротшильдом или Рокфеллером, что глубоко льстит самолюбию глупца. Этому любопытному явлению можно дать множество объяснений с точки зрения психологии. У большинства наших современников деление людей на имущих и неимущих, в конце

концов, подменяет все остальные. Имущий видит себя бараном, подстерегаемым волком. А в глазах бедняка этот баран превращается в голодную акулу, готовую проглотить мелкую рыбешку. И примирит их, сожрав обоих вместе, окровавленная пасть, которая разверзнется на горизонте.

Подобное патологическое наваждение, порожденное страхом, оказывает огромное влияние на общественные отношения. Вежливость, например, не выражает больше состояния души, концепции жизни. Она постепенно превращается в набор ритуалов, первоначальный смысл которых утрачивается, в некий ряд последовательных гримас, потряхиваний головой, разнообразного кудахтанья, стандартных улыбок, предназначенных для определенной категории людей, натасканных на такую же гимнастику. Эти церемонии приняты между собой у собак, но только между собой, и вы вряд ли увидите, чтобы это животное обнюхивало кошку или овцу. Вот так и мои современники жестикулируют определенным образом лишь в присутствии людей своего класса.

В юности я жил в старом, дорогом моему сердцу доме, обсаженном деревьями, в крохотной артуазской деревушке, наполненной шепотом листвы

и живительной влаги. Этот дом не принадлежит мне больше, ну что ж! Лишь бы новые хозяева обращались с ним хорошо! Лишь бы они не причиняли ему зла, лишь бы он был их другом, а не вещью!.. Что поделаешь! Что поделаешь! Каждый понедельник «на милостыню», как они говорили, сюда приходили люди. Порой они приходили совсем издалека, из других деревень, но я почти всех их знал по имени. Это была очень надежная публика. Они даже оказывали услуги друг другу: «Я пришел еще и за того-то, у него ревматиск». Когда их набиралось больше сотни, отец говаривал: «Черт побери! Дела-то идут на лад!..» Знаю, знаю, эти воспоминания не представляют для вас никакого интереса, простите меня. Я лишь хотел, чтобы вы поняли, что меня воспитывали в уважении к старым людям, будь то имущим или неимущим, особенно к пожилым женщинам, предрассудок, от которого даже отвратительные выходки нынешних семидесятилетних не смогли меня излечить. Итак, в те времена я должен был говорить со старыми нищими, сняв шапку, и для них это было столь же естественно, как и для меня, они ничуть не бывали растроганы. Это были люди старой Франции, они умели жить, и если от них попахивало трубкой или дракой, зато не

воняло лавкой, и не было у них этих физиономий лавочников, пономарей, судебных приставов, — физиономий, глядя на которые думаешь, что их выращивали в погребах. Они больше походили на Вобана[28], Тюренна[29], на всех Валуа, Бурбонов, чем на Филиппа Анрио[30], например, или на какого-нибудь другого благонамеренного буржуа... Ах, я не сказал вам ничего нового? Вы придерживаетесь того же мнения? Тем лучше. Молодые люди, которых я каждый день встречаю на улице, тоже могли бы разговаривать со старым рабочим, сняв шляпу? Великолепно! Допускаю это, допускаю даже, что рабочий не подумает, что над ним издеваются. Значит, дела идут не так плохо, как я считал, престиж денег рушится. Какое счастье! Ибо различие, которое вы прово-

---

[28] Комментарии: 1.28

Вобан Себастьен Ле Претр де (1633–1707) — маркиз, французский военный инженер, маршал Франции. Изложил научные основы фортификации, построил либо перестроил свыше 300 крепостей, разработал метод постепенной атаки крепостей; является одним из основоположников минноподрывного дела.

[29] Комментарии: 1.29

Тюренн Анри де Ла Тур д'Овернь (1611–1675), маршал Франции. Одержал ряд крупных побед над баварскими и имперскими войсками. Прославился как мастер гибкого маневра, завершающегося решительным ударом.

[30] Комментарии: 1.30

Анрио Филипп (1889–1944) — крайне правый французский политический деятель, симпатизировавший нацизму и фашизму. Во

время войны был одним из главных рупоров коллаборационизма. В вишистском правительстве Лаваля был государственным секретарем по информации. Казнен участниками Сопротивления в 1944 г.

дите между народом национального фронта и народом народного фронта, ничего не стоило. По одной простой причине, доступной для понимания даже самого фанатичного читателя «Жур»[31] или «Юманите», доступной даже какому-нибудь шикарному консьержу из квартала Монсо, принятому в ТКРД{17} за безграничную преданность недвижимой собственности: нельзя классифицировать по политическим или социальным убеждениям людей, которых естественная игра абсурдных экономических условий ставит перед абсолютной невозможностью сделать выбор. Как! Компетентные лица соглашаются между собой лишь для того, чтобы с важным видом объявить, что мы вращаемся в порочном круге; и те, кто вместо того, чтобы наблюдать этот круговорот издалека, сами вертятся с бешеной скоростью, якобы могли степенно, спокойно, взвесив все доводы одних и других, разрешив противоречия, которые вы разрешить не можете, заявить во всеуслышание: «Да эти люди не нуждаются в

---

[31] Комментарии: 1.31

«Жур» — крайне правая газета, издававшаяся тиражом в 180 000 экземпляров, печатавшая яростные статьи против Народного фронта, против СССР, против франко-советского договора.

{17} Примечания: 2.17

Тайный комитет революционного действия.

политическом мнении!» Очевидно, так. Они не ощущали бы этой необходимости, я полагаю, во времена процветания. Но дела в этом мире идут плохо, не мне вам об этом говорить. К тому же этот самый мир создавался не ими и не для них, не так ли? Вы сожалеете, что Революция некогда не получилась. В чем же была ошибка? В том, что народ пошел за плохими пастырями. А где были хорошие? За кем он должен был пойти, за Кавеньяком[32] или за Тьером[33]? «Все вместе и когда вы этого захотите, — говорил граф де Шамбор[34], - мы продолжим великое движение 89-го года». У меня есть основания думать, что это изречение, под стать королевскому, было услышано молодым французским наследным принцем[35]. Если бы оно осуществилось однажды милостью

[32] Комментарии: 1.32

Кавеньяк Луи Эжен (1802–1857) — французский генерал. Будучи в 1848 г. военным министром и главой исполнительной власти Французской республики, руководил подавлением Июньского восстания 1848 г.

[33] Комментарии: 1.33

Тьер Адольф (1797–1877) — французский государственный деятель, историк. Глава исполнительной власти с февраля 1871 г.; с сентября 1871 по 1873 г. президент Франции. В феврале 1871 г. заключил унизительный для Франции договор с Пруссией; пытался разоружить французских рабочих, что вызвало революционное восстание 18 марта 1871 г. После провозглашения Парижской Коммуны возглавил версальцев и с исключительной жестокостью подавил коммуну. Как историк Тьер является одним из создателей теории классовой борьбы. Он автор «Истории Французской революции».

[34] Комментарии: 1.34

Шамбор Анри Шарль граф де (1820–1883) — последний представитель старшей ветви Бурбонов, после 1830 г. рассматривавшийся легитимистами как законный претендент на французский престол (под именем Генриха V). В 1873 г. отказался возглавить заговор монархистов, подготовивших реставрацию французской монархии.

[35] Комментарии: 1.35

…было услышано молодым французским наследным принцем. — Речь идет о графе Парижском, наследнике герцога де Гиза, претендовавшем на французский престол. 11 ноября 1937 г. французские националисты из «Аксьон Франсез» опубликовали от его имени манифест претендента на престол. Однако он дезавуировал этот манифест. Бернанос был рад, что тот не принял ультранационалистических лозунгов.

божьей, оказалась бы достаточно твердой почва под вашими ногами? Вы заявляете мне: «Мы спасем Францию!» Так. Очень хорошо. Но все несчастье в том, что вам не удалось еще спасти самих себя, а это дурное предзнаменование! «Среди нас много достойных людей». Согласен. Люди из народа могут встретить их в кружках, в конторе, иногда в церкви или на благотворительном базаре. Эти встречи устроить нелегко, но я вот думаю, принесут ли они какую-то пользу? Положа руку на сердце скажу: большой пользы из бесед с вами, как правило, не извлечешь. За первой же ложкой супа вы констатируете, что все идет из рук вон плохо, а за десертом начинаете ругаться, с позволения сказать, как извозчики. Совершенно справедливо, народ знает вас плохо. Ну и что! И хорошее знакомство с вами не смогло бы рассеять его недоумения, если вспомнить о том, что столь разные между собой французы,

как Дрюмон[36], Лиоте[37] и Клемансо[38], вынесли о ваших партиях и ваших деятелях одинаковое суждение, оставшееся без обжалования.

Я спокойно могу говорить это, никого не оскорбляя. Я ничем не обязан правым партиям, так же как они мне. Правда, с 1908 по 1914 год я принадлежал к «Королевским молодчикам»[39]. В те далекие годы Моррас уже писал в свойственной ему манере то, что я только теперь, увы, пишу в своей. Положение Морраса относительно благонамеренных организаций того периода (тогда они еще не назывались национальными) было точно таким, в котором сегодня оказался полковник де ла Рок[40] — нельзя вспомнить об этом без грусти. Мы не были правыми. Кружок обществоведения, который мы организовали,

---

[36] Комментарии: 1.36

Дрюмон Эдуар (1844–1917) — французский националистически настроенный политический деятель и журналист; антидрейфусар.

[37] Комментарии: 1.37

Лиоте Луи Юбер (1854–1934) — маршал Франции, участник различных колониальных экспедиций, военный министр в 1916–1917 гг.

[38] Комментарии: 1.38

Клемансо Жорж (1841–1929), премьер-министр Франции в 1906–1909 гг. Неоднократно был министром. Один из организаторов антисоветской интервенции. Стремился к установлению военно-политической гегемонии Франции в Европе.

[39] Комментарии: 1.39

«Королевские молодчики» — одна из монархических организаций при «Аксьон Франсез» первой трети XX в.

[40] Комментарии: 1.40

Рок Франсуа де ла (1885–1946) — французский политический деятель. Оказавшись в 1931 г. во главе «Огненных крестов», союза бывших ветеранов войны 1914 г., он преобразовал эту организацию в боевое политическое формирование, вдохновляемое идеями порядка и власти, отвергающее парламентаризм и анархизм. Поначалу де ла Рок был союзником Морраса, но потом между ними возникли разногласия, что и имеет в виду Бернанос.

носил название «Кружок Прудона», афишируя тем самым скандальное покровительство. Мы составляли наказы для нарождавшегося синдикализма. Мы предпочли попытать счастья с революцией рабочих, чем компрометировать монархию связями с классом, остававшимся на протяжении века чуждым традициям предков, глубинному смыслу нашей истории, классом, эгоизм, глупость и алчность которого увенчалась введением разновидности рабства, более бесчеловечного, чем то, что некогда было отменено нашими королями. Когда обе палаты единодушно одобрили жестокое подавление забастовок г-ном Клемансо, нам уже не могла прийти в голову идея объединиться во имя порядка с этим старым радикал-реакционером против французских рабочих. Мы отлично понимали, что современный наследный принц легче договорится с вождями пролетариата, даже экстремистами, чем с акционерными обществами и банками. Вы мне возразите, что у пролетариата нет вождей, а лишь эксплуататоры и вожаки. Проблема как раз и заключалась в том, чтобы дать ему вождей, мы заранее знали, что он не пойдет смиренно

просить их у Вальдека-Руссо[41] или у Тардье[42], что он не изберет их среди ренегатов типа г-на Эрве[43] или г-на Дорио[44]. В Сантэ{18}, где нам довелось побывать[45], мы по-братски делились передачами с землекопами, пели вместе с ними то «Да здравствует Генрих IV!», то Интернационал. [...]

Есть левая буржуазия и есть буржуазия правая. Но левого или правого народа не бывает, есть только один-единый народ. Все ваши усилия навязать ему извне какую-то классификацию, придуманную политическими доктринерами, приведут лишь к тому, что вы создадите в его массе течения и контртечения, чем не преминут воспользоваться авантюристы. Представление это, которое я составил о народе, внушено мне

---

[41] Комментарии: 1.41

Вальдек-Руссо Рене (1846–1904) — премьер-министр Франции в 1899–1902 гг.; в условиях тюлитического кризиса, вызванного «делом Дрейфуса», сформировал кабинет, включавший все группировки от реакционного генерала Г. Галифе до социалиста М. Мильерана.

[42] Комментарии: 1.42

Тардье Андре (1876–1945) — французский политический деятель, неоднократно был министром, а в 1929–1930 и в 1932 гг. занимал пост премьер-министра; пытался проводить экономические и социальные реформы.

[43] Комментарии: 1.43

Эрве Гюстав (1871–1944) — один из лидеров левого крыла Французской социалистической партии. На Штутгартском конгрессе II Интернационала (1907) пропагандировал идею стачки и восстания в ответ на войну

независимо от ее характера. В первую мировую войну находился на шовинистических позициях, в 30-х гг. стал сторонником национал-социализма и выступал за сближение Франции с Германией.

[44] Комментарии: 1.44

Дорио Жак (1898–1945) — рабочий-металлург, активист французского комсомола, а затем его генеральный секретарь, был исключен в 1934 г. из ФКП за фракционную деятельность и затем совершил быструю эволюцию в сторону фашизма. С 1940 г. активный коллаборационист, воевал в составе гитлеровских войск против СССР. После освобождения Франции бежал в Германию и там погиб.

{18} Примечания: 2.18

Парижская тюрьма. — Прим. перев.

[45] Комментарии: 1.45

В Санте, где нам довелось побывать… — За участие в уличных демонстрациях и потасовках политического свойства Бернанос в молодости несколько раз попадал в тюрьму.

отнюдь не демократическими взглядами. Демократия — это изобретение интеллектуалов, того же порядка, между прочим, что и монархия г-на Жозефа де Местра[46]. Монархия не могла бы существовать, питаясь тезами, антитезами и синтезом. Не по своей прихоти, не по собственному выбору, а по глубокому призванию или, если хотите, необходимости у нее никогда нет времени на попытки давать определение народу, она должна принимать его таким, каков он есть. Монархия ничего не может без народа. Я полагаю (я чуть было не написал — боюсь), что и он ничего не может без нее. Монархии приходится договариваться с другими классами, которые из-за многосложности защищаемых ими интересов, выходящих иногда за национальные рамки, всегда будут в какой-то степени государствами в государстве. А народом она правит. Вы мне скажете, что она порой забывает о нем. Тогда она умирает. Потерять расположение других классов монархия может, у нее останется выход — сталкивать их друг с другом, маневрировать.

---

[46] Комментарии: 1.46

Местр Жозеф Мари де (1753–1821) — французский публицист, политический деятель и религиозный философ. Один из вдохновителей и идеологов европейского клерикально-монархического движения 1-ой половины XIX в. В философии истории Местр является сторонником религиозного провиденциализма.

Нужды народа предельно просты, предельно конкретны, предельно неотложны. Он требует работы, хлеба и чести, которая бы походила на него самого, лишенной, насколько это возможно, всякого утонченного психологизма чести, которая была бы похожа на его работу и на его хлеб. Нотариусы, судебные исполнители, адвокаты, которые совершили революцию 1793 года, вообразили, что можно бесконечно долго откладывать осуществление этой столь малой программы. Они полагали, что народ, настоящий народ, народ, сформировавшийся в ходе тысячелетней истории, можно положить на холод в подвал в ожидании лучших времен. «Займемся элитой, потом посмотрим». «Потом» оказалось слишком поздно. В новом здании, построенном по проекту римского законодательства, не предусматривалось никакого места для народа старой Франции, пришлось все смести. В этом факте нет ничего удивительного. Либерал-архитектор был озабочен размещением своего пролетариата не больше, чем римский архитектор своих рабов. Только рабы представляли собой лишь скопище илотов — всех языков, всех наций, всех классов, — часть человечества, принесенную в жертву, униженную. Несчастное это племя

было делом рук людей. А теперь современное общество дает медленно погибать на дне своего подвала великолепному творению природы и истории. Вы, вполне естественно, можете иметь совсем иное мнение, но я думаю, что монархия не позволила бы себе так непоправимо уродовать благопристойный облик моей страны. У нас были короли эгоисты, честолюбцы, пустозвоны, иные — злодеи, но я сомневаюсь, чтобы какая-нибудь семья французских государей настолько была бы лишена чувства национального достоинства, что позволила бы горстке крупных и мелких буржуа, деловых людей и интеллектуалов, тараторя и размахивая руками на сцене, претендовать на исполнение роли всей Франции, а нашему старому доброму народу, такому гордому, такому мудрому, такому чувствительному, — постепенно превратиться в безликую массу неимущих.

Рассуждая таким образом, я не считаю, что предаю класс, к которому принадлежу, ибо я не принадлежу ни к какому классу, я смеюсь над классами. Впрочем, классов и не существует больше. Как узнаешь теперь француза первого класса? По его счету в банке? По диплому бакалавра? По торговому патенту? По ордену Почетного легиона? О, я отнюдь не анархист! Я нахожу совер-

шенно нормальным, что государство набирает своих чиновников среди зубрилок коллежей и лицеев. Где ему их еще взять? Впрочем, положение этих господ не кажется мне столь уж завидным. Поверьте, даже если бы у меня была возможность превратить мановением волшебной палочки деревенского кузнеца, который распевает при свете горна у себя в кузнице, в фининспектора, я не считал бы, что сделаю ему большую услугу. Тем не менее я охотно признаю, что к этим людям относятся с большим почтением, чем к кузнецу или ко мне, например, потому что дисциплина облегчает работу, сберегает время того, кто командует, и того, кто подчиняется. Когда вы оказываетесь у круглого окошечка на почте, вы, я думаю, никогда не заговариваете сами со служащим, вы скромно ждете, когда он вспомнит о вас, разве только позволите себе привлечь его внимание робким покашливанием. Если служащий воспринимает такое поведение как почитание его ума и заслуг, что поделаешь, он ошибается. Наш средний класс допускает отчасти ту же ошибку. Поскольку большая часть служб надзора и контроля состоит из его представителей, он охотно воображает себя национальной аристократией, полагая, что насчитывает в своих рядах больше

начальников. Не больше начальников — больше чиновников, а это не одно и то же. Когда я говорю, что классов больше нет, я выражаю, заметьте, общее мнение. Нет больше классов, потому что народ — не класс в прямом смысле этого слова, а высшие классы слились понемногу в один, которому вы дали именно такое название — средний класс. Так называемый средний класс — тоже не класс, тем более не аристократия. Он не мог бы представлять даже самые зачаточные элементы таковой. Нет ничего более далекого от аристократического духа, чем его дух. Этот класс можно было бы определить так: совокупность должным образом обученных, пригодных к любой работе и взаимозаменяемых граждан. То же самое определение прекрасно подходит, кстати, тому, что вы называете демократией. Демократия есть естественное состояние граждан, пригодных ко всему. Как только их становится достаточно много, они объединяются и образуют демократию. Механизм всеобщего избирательного права подходит им как нельзя лучше, поскольку логично, что эти взаимозаменяемые граждане в конце концов будут полностью полагаться на голосование, чтобы решить, кем стать каждому из них. Они могли бы с тем же успехом прибегнуть к помощи

жребия, когда надо тянуть короткую спичку. Народной демократии нет, подлинная демократия народа немыслима. Человек из народа, не будучи пригодным ко всему, смог бы ораторствовать только о том, что знает, поэтому он отлично понимает, что выборы существуют для болтунов. Кто болтает на строительной площадке — тот лодырь. Предоставленный сам себе, человек из народа будет иметь ту же концепцию власти, что и аристократ (с которым, кстати, он во многом схож): власть принадлежит тому, кто ее берет, кто чувствует в себе силы взять ее. Вот почему он не вкладывает в слово «диктатор» того же смысла, что и мы. Средний класс своими наказами тоже призывает диктатора, то есть защитника, который правил бы вместо него, который избавил бы его от управления. Разновидность диктатуры, о которой мечтает народ, — это его диктатура. Вы мне ответите, что политики сделают из этой мечты совершенно иную реальность. Да, это так. И это обстоятельство также является не менее разоблачительным.

Повторю еще раз: я пишу эти страницы не по заказу людей из народа, которые, кстати, сами очень даже воздержатся от их прочтения. Я хотел бы ясно дать понять, что жизнь нации невозмож-

на и даже немыслима, если народ потерял свой собственный характер, свою расовую и культурную самобытность и является лишь огромным скопищем забитых поденщиков, пополненным крошечным питомником будущих буржуа. Является эта элита национальной или нет, это имеет гораздо меньше значения, чем вы полагаете. Элита XII века отнюдь не была национальной, элита XVI века — тоже. Именно народ дает каждому отечеству его самобытный характер. Какие бы промахи вы ни поставили в упрек монархии, этот строй умел по крайней мере сохранить в неприкосновенности самое ценное из своего наследия, ибо даже в том самом XVIII веке, когда духовенство, знать, магистратура и интеллигенция являли все симптомы разложения, человек из народа по-прежнему мало чем отличался от своего средневекового предка. Это безумие — думать, что вам удалось сделать из самого стабильного человеческого компонента неуправляемую толпу, которую можно сдерживать лишь с помощью пулеметов. [...]

Сомневаюсь, что даже с такими мыслителями, как Дорио, вы доведете до конца Интеллектуальную реформу Пролетариата, скалькированную с реформы, которую когда-то предлагал Франции

старик Ренан[47]. Нечто подобное воображал для христианской веры святой Доминик — обширную реставрацию доктрины, по которой его братья-моралисты являлись бы рабочими. Как и сегодняшние коммунисты, еретики той поры ставили под угрозу веру и блага правящих классов. Доминиканцам быстро удалось убедить правительства, что вера может подождать, но что спасение собственности требует принятия самых неотложных мер. Так что они в конце концов даже начали поставлять кадры для осуществления широкого мероприятия по чистке (аналогичного тому, что я видел в действии в Испании), которое в истории получило название Инквизиции. Если правые будут настаивать на использовании этого рецепта, они подпишут свое отречение. «Но если нет другого рецепта? Тем хуже. Мы начинаем понимать, что Военный мир должен окупать себя принесением в жертву каждое двадцатилетие миллионов людей. Если и Социальный мир стоит так же дорого, то, вероятно, система никуда не

[47] Комментарии: 1.47

Ренан Жозеф Эрнест (1823–1892) — французский писатель, историк религий, востоковед. В «Истории происхождения христианства» (1863–1881), первым томом которой является вызвавшая большой интерес французской общественности книга «Жизнь Христа», попытался дать сугубо рационалистическую интерпретацию евангельских легенд, исключив из них все сверхъестественное.

годится. Убирайтесь вон!»

Меня довольно часто упрекают в том, что я высказываюсь в оскорбительном для правых тоне. Я мог бы ответить, что эта моя грубость является целенаправленной, что я жду портфеля в будущем министерстве национального единства, рядом с г-ном Дорио например. Я не знаком с Дорио. Я его никогда не слышал. Знаю только, что он с большим успехом выступал в «Амбассадоре». Знаю также, что одна очень важная французская дама, чье имя я предпочитаю не называть, которая была в Париже проездом и у которой было совсем мало времени, восклицала под восторженные аплодисменты своих приятельниц: «Едемте слушать г-на Дорио! Только Дорио!» И возвращалась в совершенном восторге от легендарных подтяжек г-на Дорио: «Вот это темперамент! Должно быть, он меняет рубашки после каждого выступления! Просто хоть выжимай, дорогая!»… Конечно, я не считаю бывшего лидера коммунистической молодежи способным на большие поэтические эмоции, но, в конце концов, может, сам того не сознавая, он испытывает некий подъем, когда с высоты трибуны видит перед собой открытые лица, которые некогда так мощно дубасил своими сильными кулаками? Сре-

ди слушающих его дураков и дур нет никого, кто в период Абд-эль-Керима[48] не считал бы этого парня предателем, запродавшимся Москве. И все они решаются сегодня доверить ему судьбу Отечества, ведь он слывет у них большим ловкачом, оставившим в дураках своих бывших друзей.

Но я не собираюсь делать удачной карьеры наподобие г-на Дорио, или г-на Мильерана[49], или Пилигрима Мира[50]. На самом деле я не презираю правых, по крайней мере тем презрением, которое им так нравится и от которого они, похоже, только крепнут. Определенно у них есть любопытный комплекс (впрочем, вполне объяснимый, если вспомнить об их исключительной озабоченности: «а что об этом скажут?») — комплекс респектабельности, аналогичный стыдливости,

---

[48] Комментарии: 1.48

Абд-эль-Керим (1882–1963) — вождь восстания рифских племен Марокко и глава Рифской республики (1921–1926). Восстание поддерживал III Интернационал, ФКП. Абд-эль-Керим считается одним из предтеч антиколониального движения. В 1948–1956 гг., живя в Каире, возглавлял Комитет освобождения Арабского Магриба.

[49] Комментарии: 1.49

Мильеран Александр (1859–1943) — французский социалист-реформист. Считал, что нужно бороться за немедленное улучшение положения трудящихся, а не стремиться к захвату власти. Вошел в 1899 г. в состав кабинета Вальдека-Руссо, создав прецедент участия социалиста в буржуазном правительстве. В 1904 г. исключен из Французской социалистической партии, а в 1920–1924 гг. — президент Франции.

[50] Комментарии: 1.50

Пилигрим Мира — речь идет об Аристиде Бриане (1862–1932), французском политическом деятеле, неоднократно в 1909–1931 гг. занимавшем посты премьер-министра Франции и министра иностранных дел. Это свое прозвище получил за проекты создания союза европейских держав после первой мировой войны. В 20-е гг. был настроен достаточно антисоветски, но в 1931 г. предпринял шаги к сближению с СССР.

прямо-таки физиологической, англосаксов, которая является не чистым лицемерием, а скорее результатом наследственной застенчивости, помноженной на воспитание, сдержанность в разговоре, молчаливое согласие со всеми. Чувство собственного достоинства, присущее благонамеренным, видимо, представляет собой нечто большее, чем естественное желание отдалиться от черни, некую тайную и настоятельную потребность защиты от возможной склонности, силу которой трудно измерить. Если бы у меня было время написать «Физиологию благонамеренного человека», думаю, я особо настаивал бы именно на этом пункте. У нас без конца говорят о буржуазии. Но этим словом называются слишком различные социальные типы. Г-н Тардье, например, буржуа: триста лет буржуазности, как он сам любит повторять. У такого рода буржуа при желании нетрудно отыскать тысячу добрых малых, папаши и прадедушки которых, кузены и кузины еще крутят хвосты коровам. Я пишу это не ради зубоскальства. Богу ведомо, что я предпочел бы общество этих жвачных обществу министра со сверкающей вставной челюстью. Однако же согласитесь, смешно, когда на каждом шагу встречаешь молодцов, которые, жеманно

отставив мизинчик и напустив на себя удрученность, рассуждают о борьбе классов, как если бы они действительно принадлежали бог весть к какому высшему разряду людей, в то время как постепенная адаптация к новым условиям делает большинство этих существ социальными апатридами. Эти метисы, очевидно, принадлежат как к левым, так и к правым партиям. Однако черты этого вида представляются мне наиболее четко выраженными у благонамеренного, который считает себя, или притворяется, что считает, или заставляет себя считать наследником неких духовных привилегий и говорит о своем пакете акций «Шелл» или «Ройал Датч», как какой-нибудь отпрыск Монморанси — о своем апанаже{19}! Если бы они только испытывали терпение людей высшего света (которые, кстати, готовы брать в жены их дочерей, стоит лишь курсу акций стать действительно благоприятным), я бы тогда, слава богу, вовсе не беспокоился. Но ведь высший свет настолько глуп, что давно принял их, теша себя иллюзией, что таким образом сближается с народом, идет в ногу со временем — правило,

{19} Примечания: 2.19

Земельное владение или содержание, предоставлявшееся в западноевропейских монархиях некоронованным членам королевской семьи (во Франции до 1832 г.). — Прим. перев.

обязательное для всех домоседов. Может, они считают своих союзников более крепкими, более устойчивыми? Глубочайшее заблуждение! Ибо сему гражданину вольно одеваться в твид у лучшего портного, занимать административный пост, даже унаследовать от бережливого папаши доходный дом в квартале Тэрн[51], слишком недавнее приобщение к этому столь плохо поддающемуся определению классу, что его называют «буржуазией» (что общего на самом деле имеет он с крепко стоявшей на ногах буржуазией старой Франции?), дает основание видеть в нем все пороки и неустойчивость Переходного возраста — неблагодарного возраста, подверженного как детским болезням, так и болезням взрослых. Слово «неблагодарный» здесь подходит как нельзя более кстати: кому эти люди могли бы выразить ее, свою благодарность? Они сами себя сделали, как они говорят. Они весьма удивятся, если начать им втолковывать, что у них есть обязанности по отношению к классу, из которого они вышли, где еще вкалывают их сородичи. А разве не подают они примера этим недотепам и не ободряют их своей удачливостью? «Пусть

[51] Комментарии: 1.51

Тэрн — деловой, фешенебельный квартал на северо-западе Парижа по соседству с площадью Звезды.

подражают нам! Пусть тоже карабкаются!» Они только-только покинули огромные стройплощадки нищеты, и вы хотите, чтобы их не глодала тайная боязнь снова скатиться туда? Человек высшего света знает, что в случае революции рискует лишь головой. Мелкий буржуа потеряет в ней все, он полностью зависит от установленного порядка — Установленного Порядка, который он любит, как самого себя, так как этот истэблишмент — его. Уж не думаете ли вы, что он может смотреть без ненависти на огромные черные руки, которые тянут его назад за полы его замечательного сюртука? «Вернитесь к нам, братья!» — «Да знаете ли вы, с кем разговариваете, канальи!» «Любезный герцог, помогите! Моя жена сидела за кассой рядом с кассой вашей супруги на последнем благотворительном базаре Общества традиционалисток в предместье Сент-Оноре, девиз которых — Господь и мое Право!»

Что за анархист, этот Бернанос! — скажете вы. Почему он хочет лишить этих честных людей невинного удовольствия от удовлетворенного тщеславия, раз уж они гордятся тем, что разделяют со сливками общества защиту Порядка и Религии? Все так. Но может быть, у меня есть право иметь свое мнение относительно способа

защищать Порядок и Религию? В мире животных, как и в мире людей, борьба между слишком близкими видами быстро приобретает ожесточенный характер. Вы считаете этих честных людей более способными, чем вы, понять других честных людей, которые на них похожи? Верно, они похожи друг на друга — отсюда и вся пропасть непонимания, которая их разделяет. По усилию, которое человек приложил, чтобы выйти из своего класса, можно судить о силе его реакции, иногда бессознательной, направленной против этого класса, его духа, его нравов, ибо одной только алчностью не объяснить этого куда более глубокого чувства, у истоков которого обнаруживается еще жгучее воспоминание о некоторых унижениях, о некоторых отвратительных сценах детства, о ранах, которым для того, чтобы зарубцеваться, порой недостаточно жизни нескольких поколений. Эта реакция неприятия может вызвать только улыбку, когда какая-нибудь мещанка, ведя войну со своей горничной, говорит своей подруге: «Эти девки, моя дорогая, совсем из другого теста, чем мы!» Такое же представление, верно, имеет аджюдан-сверхсрочник о простом рядовом, или, к примеру, если мнение какого-нибудь виноторговца о своих клиентах является не слишком

положительным, то отношение к ним его сына-бакалавра будет уже отчетливо отрицательным.

Устранение настоящей элиты способствовало постепенному образованию наряду с рабочим пролетариатом пролетариата буржуазного. Он не имеет ни стабильности старой буржуазии, ни ее семейных традиций, ни тем более ее честности в торговле. Он постоянно обновляется из-за превратностей экономической анархии. Как и у того, другого, у него есть свои приемы. Как еще можно назвать это сборище мелких торговцев, число которых чрезмерно увеличилось из-за послевоенной инфляции и не убывает, даже несмотря на ежедневно происходящие банкротства? А с какой стати вообще называть их коммерсантами? Коммерсант прошлого был, как правило, и производителем. Трудности снабжения, нехватка товаров, их разнообразие (в пору, когда еще не существовало серийного производства), требовательность клиентуры, привыкшей передавать от поколения к поколению незатейливые предметы домашнего обихода, суровый контроль провинциального общественного мнения, вполне естественная ставка на брачные союзы и дружбу, обязанность соблюдать, по крайней мере внешне, указания Десяти заповедей об отношении к соб-

ственности ближнего все это делало коммерцию искусством. А сегодня любой босяк может похвастать тем, что принадлежит к этой корпорации, если он, владея какой-нибудь лавчонкой, записан десятым или двадцатым посредником между промышленником, который доходит до разорения, чтобы производить как можно дешевле, и клиентом-тупицей, назначение которого — позволять себя грабить. Совершенное заблуждение — судить по внешнему виду о том, что представляет собой это грязное логово с источенной жучком витриной и разбитым стеклом, выбрасывающее на улицу всякий раз, когда открывается дверь, вместе с надтреснутым звяканьем колокольчика омерзительный запах лука и кошачьей мочи. Как это ни парадоксально, наблюдение за пауками, соткавшими свою паутину в местах, казалось бы недоступных даже для самых мелких мошек, показывает, что терпение этих часовых вознаграждается. Так же и здесь: слишком роскошные витрины отпугивают голытьбу, пребывающую в заблуждении (таком, в общем-то, трогательном), что мелкий торговец довольствуется и малой прибылью. Доказательство, что эти гнусные ловушки отлично кормят насекомых, которые там притаились — тот факт, что после войны

развелось удивительно много мелких лавочников, в чем вы легко можете убедиться, полистав справочник Боттэна[52]. О, разумеется, разорение подстерегает и этого подстерегателя, и он не каждый день ест досыта. Но он будет держаться до конца, даже если из-за отсутствия кредита ему придется добывать себе пищу в мусорных ящиках. Я нисколько не преувеличиваю. Представьте, что с завтрашнего дня вдруг прекратится официальный контроль за качеством продуктов мясных лавок. Как бы ни были вы снисходительны к мелкому торговцу, вам придется признать, что вскоре мы увидим, как в сумрачной глубине их ледников пышным цветом зацветет тухлятина. Убедило вас это или нет — разве это столь важно! Мы — видели. Мы видели, как он появился (видели своими собственными глазами), мы видели, как он появился тогда в полуразбитых деревушках, под градом снарядов, этот мелкий торговец, ускользнувший на несколько месяцев от не слишком строгого контроля властей, от зависти собратьев и даже от нареканий клиентуры, поскольку, между нами, каких еще нареканий

[52] Комментарии: 1.52

Боттэн Себастьен (1764–1853) — французский администратор и статистик, составивший и давший имя ежегоднику, содержащему информацию по торговле и промышленности.

ждать от оборванного окопного солдата? К тому же мы были молоды, а у многих из этих людей были седые головы… И у них были дочери.

Мы их видели. Они, как говорится, преуспевали. Нашим единственным отмщением было то, что, когда приходилось совсем туго и прекращалось всякое снабжение продовольствием, голод вынуждал их самих есть свои консервы, жажда — пить свое вино, небогатое градусами, зато богатое грибками и плесенью. Тогда они оплывали нездоровым жиром, что серым потом катился по их одутловатым щекам, когда они с гадливой улыбкой, обнажавшей черные зубы, сбывали нам эти помои. Ибо они едва скрывали свое презрение к нам, поили жандармов за наш счет, сокрушались о наших дурных нравах и не забывали каждую весну, предвкушая скорое наступление, выставить у себя в витрине уродливые погребальные венки, изготовленные, вероятно, в тюремных камерах. Напрасно вы будете убеждать меня, что свалки войны всегда давали жизнь таким вот личинкам. Это потому, что вы их не знаете. Вам никогда не доводилось после закрытия лавки распить с ними дружеской чарки, сидя за столом между супругой, страдающей расширением вен, и барышней, отдающей

чем-то тухлым. Это — люди, начисто лишенные воображения и, следовательно, совершенно неспособные на сострадание, однако в них не было ничего от потрошителей трупов, которые следовали некогда за войсками. Боже упаси! Они не подвергали себя риску расстрела или хотя бы шести месяцев тюрьмы. Они были чутки к общественному уважению, безжалостны со всяким сбродом, строги к молодым людям, спускавшим их су, суровы с женами, которые «не блюдут себя», с бесчестными лоточниками. Не спрашивайте меня, что с ними стало. Во всяком случае, не приходится говорить, что в день перемирия эти люди исчезли, о нет! Инфляция их изрыгает, дефляция заглатывает, это так. Но вы не узнаете их потому, что они уже не выделяются из общего стада. Они отнюдь не были чудовищами. Чудовищными были обстоятельства, и они их вынесли, точнее, они приспособили к ним то малое количество общих идей, которыми располагали. Они сообразовали с обстоятельствами свою душу. Доказательством, что в них не было ничего ни от авантюристов, ни от бунтарей, является то, что, как только они обогащались, они заводили свое дельце, выдавали дочерей за нотариусов. И потом уже вспоминали о своем прошлом, как вспоминают о поре своей

юности, о своей первой любви: «А помнишь ту партию лососевых консервов, от нее еще отказалось интендантство, и мы закупили ее втихаря по шести су за банку? Это принесло нам пятнадцать тысяч бабок».

Они приспосабливались, они были приспособленцами, они ничего не хотели, кроме как приспособиться, они только и ждали, чтобы иметь средства, как они говорят, иметь достаточно денег для этого. «Мы отступаем от Законности, чтобы вернуться к Праву», — утверждал третий по счету Бонапарт, сын Гортензии, один из самых любопытных типов в истории[53]. Эти тоже под прикрытием бомбардировок отступили от Кодекса, чтобы вернуться потом к честности, к порядочности, к тому, что они называют основательностью. Увы! Статистика, обещающая нам столько чудес, стоит на нее немного поднажать, тотчас опрокидывается в обморок — наподобие

[53] Комментарии: 1.53

…третий по счету Бонапарт, сын Гортензии, один из самых любопытных типов в истории. — Луи Наполеон Бонапарт (1808–1873), сын Луи Бонапарта, брата Наполеона I и Гортензии Богарне, который, использовав недовольство крестьян режимом Второй республики, добился в 1851 г. своего избрания президентом, а в 1852 г. провозгласил себя императором Наполеоном III. При нем Франция участвовала в Крымской войне (1853–1856), в войне против Австрии в 1859 г., в интервенциях в Индокитай в 1858–1862 гг., в Сирию в 1860–1861 гг., в Мексику в 1862–1867 гг. Во время франко-прусской войны сдался в плен со стотысячной армией и был низложен.

многих представительниц того же пола. Любопытно было бы, однако, узнать у нее, сколько этих негоциантов скатилось обратно в пролетариат, из которого они вышли. Со своей стороны я считаю, что нынешние крепко слились со средними классами. Презрение, которое они питали к своей военной клиентуре, они перенесли сегодня на всех «дармоедов», разглагольствующих в профсоюзах, вместо того чтобы поступать, как они, работать каждому на себя, устраиваться самому. Впрочем, в одном смысле они правы. Им надлежит бояться не столько диктатуры пролетариата, сколько организованности этого класса, его прихода к свободе, независимости, чести. Ведь они всем обязаны анархии — моральной, умственной и социальной прошлого века, упадку элиты, закабалению трудящихся. Стоит только гуманному режиму включить их в нацию, как абсурдный престиж коммерции — память о прошедших временах — скоро станет дурным сном, но скорее настоящая коммерция вновь займет свое место, и немалое, потеснив посредников, которые истощают народ и кишат по несущей освобождение индустрии, как вши. Каждый из нас имел случай беседовать с рабочими-специалистами, культура которых, чисто эмпирическая,

является культурой младшего инженера. Вы находите справедливым, что самый последний глупец, имей он средства купить патент, может считать себя в социальном плане выше его — потому только, что получает прибыль от продажи товара, начальная цена которого, слишком малая по сравнению с огромными накладными расходами, в конце концов вообще не будет приниматься в расчет?

Буржуазный пролетариат, облик которого я вам нарисовал, не имеет ни традиций, ни принципов, зато имеет инстинкт. Этот инстинкт предупреждает его об опасности, которая ему грозит, и о том, что его судьба зависит от любой глубокой социальной реформы, которая может вернуть его в небытие. Правые, националисты или клерикалы, приняли очень хитрое решение — внедрить буржуазный пролетариат в средние классы, где в пресловутой войне за порядок им отводится место пехоты. Мне так хочется сказать им, что тем самым они серьезно компрометируют то дело, которому они якобы служат, ибо они прозакладывают этому союзнику, которому нечего терять, кроме самих себя, драгоценные традиции и даже чуть ли не сам этот порядок, поскольку могут ожидать от него лишь слепое и

злобное сопротивление любым изменениям. Если есть зрелище, способное вызвать отвращение, так это зрелище французских монархистов, выклянчивающих услуги у Демократии в ее самой низкой, хотя, впрочем, и оригинальной, форме, ибо сегодня так называемые национальные ассоциации наводняет именно публика, милая сердцу поборников радикальной Республики, и эти пресловутые глубокие слои, взрастившие ее.

Я всегда стремлюсь говорить без иронии. Мне хорошо известно, что ирония еще никогда никого не трогала. Слишком часто она сама лишь стон раненого сердца. Вот и открывается миру трагедия без начала и конца, поскольку она не имеет ни смысла, ни цели (по крайней мере такой цели, в которой можно было бы признаться). Война отчаяния, кровавое алиби партий, пришедших к бессилию, бессильных создать что-либо, из которых одни противятся всякому возврату назад, другие — любому движению вперед, но и те и другие неспособны определить или даже просто постичь это вперед или назад. Каждая довольствуется тем, что кричит, положа руку на сердце: «Мои намерения! Мои намерения!» Какое имеет значение, что у вас добрые намерения? Важно знать, кто их использует. Между нами, где же

они все-таки, эти ваши намерения, сторонники порядка? Вот они скачут галопом по всем дорогам земли. Ваши добрые намерения закусили удила. Ваши добрые намерения обезумели. Полно, полно, напрасно вы свищете им, они не вернутся... Например, национализм, взлелеянный в старом снисходительном лотарингском доме Мориса Барреса, вскормленный его драгоценными чернилами, какой путь проделал он потом, добравшись до Японии, до Китая! А все потому, что всемогущие хозяева золота и всемирного общественного мнения быстренько подхватили его у философов и поэтов. Моя Лотарингия! Мой Прованс! Моя Земля! Мои усопшие![54] А они говорят: мои фосфаты, моя нефть, мое железо.

Когда мне было пятнадцать лет, мы боролись против индивидуализма. Наивное заблуждение! Он и так был мертв. Каждая европейская нация уже имела в своей утробе маленькое, хорошо оформившееся тоталитарное государство. Всякий, кто приложил бы ухо к пупку, наверняка услышал бы биение его сердца... А либерализм? Господи! Какими только розгами мы не охажи-

[54] Комментарии: 1.54
Моя Лотарингия! Мой Прованс! Моя Земля! Мои усопшие! — набор лозунгов националистов-почвенников. Лотарингия — родина Барреса, Прованс — родина Морраса.

вали его спину! Увы! Он уже не ощущал наших ударов. Под наблюдением нескольких академиков в форменных мундирах он ждал, пребывая в коме, часа своей кончины, которую должен был возвестить первый орудийный выстрел войны. Короче говоря, наши намерения были чисты, слишком чисты, слишком невинны. Мы не должны были разрешать гулять им одним. Теперь они сослужили службу слишком многому.

Я говорю все это не из желания поставить в затруднительное положение ученых мужей. С какой стати? Нелепо было бы вместе с Жаном Жаком думать, что человек родится на свет добрым. Он родится на свет способным на гораздо большее добро и гораздо большее зло, чем это могут себе представить Моралисты, ибо он был создан не по образу и подобию Моралистов, а по образу и подобию Бога. И его искуситель — не только сила Беспорядка, которую он носит в себе: инстинкт, желание — какое бы название ей ни давали. Его искуситель — самый великий из ангелов, падший с самой высокой небесной выси. Конечно же, исторический опыт кое-чему учит законоведов и политиков, но человек в чем-то всегда преступает те определения, которыми они стараются его очертить. По крайней мере тот

человек, о котором я пишу. Он не стремится к счастью, как вы любите повторять, он стремится к Радости, и его Радость не принадлежит этому миру или по крайней мере не принадлежит ему полностью. Вы, конечно, можете верить лишь в homo sapiens гуманистов, только напрасно вы считаете, что придаете этому слову то же значение, что и я, поскольку, например, ваш порядок — это не мой порядок, ваш беспорядок — это не мой беспорядок, а то, что вы называете злом, есть не что иное, как просто отсутствие: пустое место, оставленное в человеке, подобно углублению от печати на воске. Я не говорю, что ваши определения абсурдны, но они никогда не будут всеобщими. Ибо если я и могу употреблять ваши, то вы не можете пользоваться моими. Ваши определения позволяли вам порой подняться на какое-то время до величия — но только на какое-то время, ибо ваши цивилизации рушились в тот самый момент, когда вы начинали полагать их бессмертными, как те слишком одаренные дети, которые отмечены роковой печатью и умирают, даже не выйдя из отрочества. Тогда вам приходится уступать место бумагомарателям, которые веками рассуждают о происшедшей катастрофе, щедро сыплют разными «почему» и «как». Вы

не сделаете ничего стоящего для счастья людей, потому что у вас нет никакого представления об их несчастье. Понятно ли я выразился? Действительно, наша доля счастья, наше убогое счастье теплится во всех уголках света. Оно уходит оттуда с нами в наш последний день. А вот сущность нашего несчастья — сверхъестественна. Те, кто наподобие картезианцев[55] составляют себе ясное и четкое представление о несчастье, не избавляются от его тяжести. Как раз наоборот. Можно даже сказать, что одна из самых больших невзгод — это терпеть несправедливость, а не пострадать от нее.

Там, на Мальорке, я видел, как по Рамбла ехали грузовики с людьми. Они с грохотом катились мимо нависавших над дорогой свежевымытых и еще сверкающих террас, с их веселым ярмарочным шелестом. Грузовики были серыми от дорожной пыли, серыми были и люди в тиковых штанах, с серыми кепками на коленях, сидевшие по четыре человека в ряд, покорно опустив руки

[55] Комментарии: 1.55

…наподобие картезианцев… — Картезианством называется направление в философии, источником которого стали идеи французского философа, математика, физика Рене Декарта (1596–1650). Произвел переворот в философии благодаря своему «методу» и своей «метафизике», противостоящим схоластике и постулирующим логическое развитие, в соответствии с законами дедукции, ясной и. отчетливой идеи от простого к сложному.

вдоль тела. Их хватали каждый вечер в затерянных деревушках, в час, когда они возвращались с полей: в свой последний путь они отправлялись в рубахах, прилипших к спине от пота, их руки еще гудели от дневной работы, а дома оставались ужин на столе и жена, которая, вся запыхавшись, слишком поздно выскакивала к калитке с узелком, завязанным в новое полотенце: Ados! Recuerdos![{20}]

Вы разводите сентименты, говорят мне. Боже меня упаси! Я лишь повторяю и всегда буду повторять, что эти люди никого не убили и не ранили. Это были крестьяне, похожие на тех, каких знаете вы, вернее, каких знали ваши отцы и каким ваши отцы пожимали руки, ибо они очень похожи на крепколобых жителей наших французских деревень, воспитанных гамбеттовской пропагандой[56], на виноделов Вара, до которых старый циник Жорж Клемансо пытался некогда

{20} Примечания: 2.20

Прощай! Всем приветы! (исп.).

[56] Комментарии: 1.56

...воспитанных гамбеттовской пропагандой... — Леон Гамбетта (1838–1882), французский адвокат и политический деятель, блестящий оратор, противник Наполеона III, противник клерикалов и монархистов, лидер левых буржуазных республиканцев и один из организаторов национальной обороны во время франко-прусской войны, премьер-министр и министр иностранных дел Франции в 1881–1882 гг.

донести мысли о «Науке и Прогрессе Человечества». Подумайте, у них только что была она, своя республика — Viva la republica!{21} — еще вечером 18 июля 1936 года[57] она была законным строем, признанным всеми, принятым военными, поддерживаемым аптекарями, врачами, школьными учителями, наконец, всей интеллигенцией. «Мы не сомневались, что они были весьма порядочными людьми, — несомненно, подадут реплику испанские епископы, — ибо большинство этих несчастных in extremis{22} обратились в веру. По свидетельству нашего Преподобного брата с Мальорки, только десять процентов этих дорогих детей, перед тем как их увезли наши славные военные, отказались от причастия». Это не так много, что делает честь усердию Вашей Милости. Да вознаградит вас Бог! Я не осуждаю, сейчас по крайней мере, такую форму апостольства. Но если представить себе, что ее в скором времени переймут по эту сторону границы, то, признайте,

---

{21} Примечания: 2.21

Да здравствует республика! (исп.).

[57] Комментарии: 1.57

18 июля 1936 года — в этот день в Испании был организован военно-фашистский мятеж.

{22} Примечания: 2.22

В последний момент (лат.).

я вправе задаться вопросом, что можно ожидать от этого нам, французским католикам? Я пишу эти страницы, находясь в Тулоне. Представим себе, что г-н Шарль Моррас, автор «Антинеи»[58], по возвращении из Саламанки (где в один из дней своего пребывания он не преминет поприветствовать генералиссимуса Франко) осуществит превентивную чистку в своем родном городе; сомневаюсь, что кюре Мартига сможет надеяться на столь же утешительные результаты. Вероятно, ему придется проявить больше суровости.

Вы, конечно, понимаете, что я отнюдь не считаю г-на Морраса способным на истребление населения Мартига. Он по-прежнему будет делить свои многотрудные дни между улицей Вернёй[59], типографией на улице Полумесяца и я надеюсь — Академией, доступ в которую ему

---

[58] Комментарии: 1.58

«Антинея» — сборник статей Шарля Морраса (1868–1952), опубликованный в 1901 г. и вобравший в себя работы, публиковавшиеся ранее в периодических изданиях. В этих статьях Моррас, отталкиваясь от рассуждений об эстетических ценностях Древней Греции и вообще Средиземноморья, приходит к идеям «интегрального национализма».

[59] Комментарии: 1.59

…между улицей Верней… — на этой улице находилась квартира Морраса, когда Бернанос работал над своей книгой.

открыло недавно его пребывание в тюрьме[60]. Можно будет услышать, как между двумя дверными проемами во Дворце Мазарини он поверяет герцогу де Лафорсу[61], к сожалению по причине сквозняка слушающему его рассеянно, какой-то новый аспект своей Реальной страны Франции, не менее воображаемой и поэтической, чем Прованс Мистраля[62], который как и ему, уготовано место в музее — в музее Морраса. Этой идее, скорее мучительной, чем дерзкой (ее без конца осаждали возражениями, и в своем болезненном раже убедить, разбить их она слишком часто шла у них на поводу), нужна была стимуляция одиночеством, в котором была бы в нужной мере закалена патетическая воля Морраса — иначе ее угрожает ослабить любое реальное действие и

---

[60] Комментарии: 1.60

…его пребывание в тюрьме. — С 29 октября 1936 г. по 6 июля 1937 г. Моррас сидел в тюрьме, будучи осужденным за то, что в одной из своих статей угрожал смертью некоторым парламентариям, выступавшим за санкции против фашистской Италии.

[61] Комментарии: 1.61

Лафорс Огюст-Арман Номпар де Гомон, герцог де (1878–1961) — автор нескольких исторических исследований, член Французской академии.

[62] Комментарии: 1.62

Мистраль Фредерик (1830–1914) — провансальский поэт, глава движения фелибров. Многие его стихотворения написаны по мотивам фольклора. Мистраль создал провансальско-французский словарь «Сокровище Фелибрижа» (1879–1887). Лауреат Нобелевской премии

›››

за 1904 г.

расстраивает всякий контакт с людьми, а также та загадочная разновидность упорства, принцип действия которого должно искать в самой глубине души, в той скрытой части души, куда находит доступ лишь взор Господен. Никто из тех, кто когда-то почитал Шарля Морраса, ныне не смог бы смотреть без грусти, как он берется за самые избитые темы из области Морали и Порядка, говорит на языке людей Шестнадцатого мая[63]. Слабость великих резонеров всегда заключалась в том, что они верили в усредненное общественное мнение и надеялись склонить его на свою сторону. Но оно само в конце концов поглощало их. Я опасаюсь, как бы Моррас на склоне лет не попался на удочку мнимых социальных преимуществ, самой худшей ложью которых является претензия на солидарность со старой Францией, тогда как они являются всего-навсего отбросами, — отбросами, которые крепкий организм

[63] Комментарии: 1.63

…говорит на языке людей Шестнадцатого мая. — По-видимому, под людьми Шестнадцатого мая Бернанос подразумевает тех, кто шел на уступки Германии. 13 января 1935 г. население Саарской области, управляемой после первой мировой войны Лигой Наций, высказалось на плебисците за присоединение к Германии, а 16 мая того же года присоединение было осуществлено на деле. Парадокс с точки зрения Бернаноса здесь должен был заключаться в том, что раньше Моррас вел антигерманскую пропаганду, а теперь оказался в лагере германофилов.

удалял из себя некогда по мере надобности. Пусть Академия обеспечит этому ветерану полемики достойный уход на покой, полный полумрака и тишины, обрамленный бледными цветами риторики, хотя мы искренне пожелали бы ему получить скромный садик в одном из приходов где-нибудь в Провансе. Восхищение глупцов не будет ничего значить для его славы. Он растворяется в нем, как жемчужина в уксусе.

Все это вовсе не кажется мне странным. В конце концов, любой из нас рано или поздно должен обнаружить в себе те ферменты, которые подорвут сопротивление организма, и ферменты эти — у всех разные. Автору «Антинеи» сейчас должно быть за семьдесят, бог знает, что станется со мной в этом возрасте, даже если я еще буду держаться на ногах, ибо только крайняя посредственность может позволить себе роскошь сохранять интеллект столь же долго, сколь и бренную оболочку, и умереть с последним дыханием. Я часто размышлял над тем, что судьба общественного деятеля может считаться конченой, как только загодя разработаны все церемонии его похорон. И вот прошу прощения у г-на Морраса — мы уже знаем, что его похороны будут большой демонстрацией национального единения, с привычным набо-

ром корифеев: Жан Рено[64], Дорио, Тетенже[65], Байби[66], Кьяпп[67], Тардье и другие. Будут там незримо присутствовать и Жак Пью[68], Дерулед, Клемансо. Кто еще? Почему бы не Рибо[69], Жоннар[70]! […]

Я не стану заранее оправдывать появление следующих страниц, а тем более то чувство, которое движет мною при их написании. Еще раз, но на этот раз больше, чем когда-либо, я буду говорить на своем языке, убежденный, что он будет услышан лишь теми, кто говорит на нем вместе со мной, кто говорил на нем задолго до того, как прочел меня, кто будет говорить на нем, когда меня уже не будет в живых, когда хрупкая память обо мне и моих книгах давно канет в забвение. Только они и важны для меня. Я не

---

[64] Комментарии: 1.64

Рено Жан — глава «Французской солидарности», организации национал-социалистического толка, противник парламентаризма, призывал к «национальной революции» франкистского типа.

[65] Комментарии: 1.65

Тетенже Пьер — основатель «Лиги патриотической молодежи», организации националистическо-бонапартистского толка, сотрудничавшей с «Аксьон франсез», председатель Республиканской национал-социальной партии; симпатизировал франкистам и был решительным противником помощи республиканской Испании.

[66] Комментарии: 1.66

Байби Леон (1867–1954) — журналист, сторонник Морраса, выступал против санкций в отношении фашистской Италии и против помощи республиканской Испании.

[67] Комментарии: 1.67

Кьяпп Жан (1878–1940) — префект парижской полиции с 1927 по 1934 г., симпатизировавший правым и крайне правым партиям. Поскольку он оказался замешан в скандальной финансовой афере Ставиского, то в 1934 г. его лишили занимаемой им должности, из-за чего среди правых у него установилась репутация человека, пострадавшего от левых.

[68] Комментарии: 1.68

Пью Жак (1838–1932) — французский политический деятель, который в 1885–1893 гг. был депутатом парламента монархистов, а потом под влиянием папы Льва XIII стал заниматься проблемами католического социального действия, стремясь объединить всех католиков-либералов в борьбе против республиканцев-антиклерикалов.

[69] Комментарии: 1.69

Рибо Александр (1842–1923) — французский политический деятель, один из руководителей партии умеренных республиканцев, министр иностранных дел в 1890–1893 гг. и в качестве такового один из создателей франко-русского союза; в промежутке между 1892 и 1917 гг. был также четыре раза премьер-министром.

[70] Комментарии: 1.70

Жоннар Селестен (1857–1929) — французский политический деятель, в качестве одного из депутатов представлявший в 1889–1914 гг. в парламенте партию умеренных республиканцев; в 1923 г. был избран во Французскую академию, имея соперником Шарля Морраса.

гнушаюсь и остальными. Я весьма далек от того, чтобы пренебречь ими, я хочу понять их, ибо понять это уже любить. То, что разделяет существа, что делает их врагами, возможно, не имеет иод собой никакой реальной почвы. Различия, над которыми понапрасну трудятся наш опыт и наше суждение, растаяли бы как сон, если бы мы могли окинуть их непредвзятым взором, так как худшее из наших зол — дать ближнему лишь представление о себе, столь бедное, что чуткое ухо улавливает в нем зловещие пустоты.

Я пишу эти новые главы «Великого страха»[71] не из удовольствия, не из пристрастия к этой теме, а потому, что написать об этом пришло время, ибо я не считаю, что распоряжаюсь своею жизнью. Жизнь любого из нас проходит под знаком желания и боязни, если только она не проходит под знаком любви. Но разве любовь не есть и боязнь и желание? А что значит моя жизнь! Я хочу одного: чтобы она до конца оставалась верной тому ребенку, каким я был когда-то. Да, то, что есть во мне честного и храброго, осталось у меня от того загадочного для меня сегодня суще-

[71] Комментарии: 1.71

«Великий страх благонамеренных» — см. коммент. к с. 238. По отношению к этой книге «Большие кладбища под луной» выглядят как продолжение.

ства, которое топало под сентябрьским дождем по залитым водой пастбищам, погрузившись в мысли о предстоящем возвращении в школу, о мрачном дворе, где его скоро застигнет черная зима, вонючих классах, столовой с запахом жира, нескончаемых торжественных местах, где маленькая измученная душа не может разделить с богом ничего, кроме скуки, — от того ребенка, которым я был и который теперь является как бы моим предком. Почему я должен был измениться? Почему я изменюсь? Часы мои уж отмерены, каникулы скоро кончатся, а черная паперть, что ждет меня, чернее всех других. К чему терять время в обществе важных людей, которых здесь, в Испании, называют «nombres dignos, honrados»{23}? И сегодня не меньше, чем вчера, меня воротит от их вздора. Только раньше я испытывал это отвращение безотчетно. Более того, боялся однажды стать одним из них. «Когда вы будете в моем возрасте…» — говорили они. И вот я достиг его! Я могу смотреть им прямо в лицо, уверенный, что отныне я им неподвластен. Я смеюсь над их мудростью, мудростью, что так походит на их лица, несущие, как правило,

{23} Примечания: 2.23
Достойные, почтенные люди (исп.).

отпечаток суровой хитрости, мудрости всегда разочарованной, всегда суетной. Я не стал бы, конечно, надеяться на непогрешимость своих суждений, если бы формулировал их по примеру Анри Массиса[72]. Я мог бы, конечно, подобно многим другим, переписывать набело, как какой-нибудь старый эксперт-секретарь суда, список всех симпатий и антипатий, недопониманий и злобствований и, дрожа от ненависти, бормотать от имени Разума приговоры, не подлежащие, так сказать, обжалованию. Я не буду пытаться обольщать. Тем более я не хочу оскорблять. Впрочем, ничего нового я и не скажу. Невзгоды, которые я предрекаю, ничем не будут отличаться от тех, о которые уже разбились наши надежды. Я не мешаю вам повернуться к ним спиной. […]

Кто осмелится отрицать, что зло создало свою вселенную, более реальную, чем та, что являют нам наши органы чувств, — со своими зловещими пейзажами, с тусклым небом, с холодным солнцем, с суровыми звездами? Царство необычайной плотности, почти беспредельного веса, духовное и плотское одновременно, по сравне-

[72] Комментарии: 1.72

Массис Анри (1886–1970) — французский писатель и политический деятель правой ориентации, союзник Морраса, с которым Бернанос рассорился в то же время, что и с Моррасом.

нию с которым земные царства кажутся схемами или символами. Царство зла, которому реально противостоит лишь таинственное царство божье, известное нам, увы! только по названию, мы даже не можем себе его представить, однако ждем его прихода. Итак, Несправедливость принадлежит знакомому нам миру, но принадлежит ему не целиком. Мертвенно бледное лицо, оскал которого похож на оскал сладострастия, застывший в омерзительной сосредоточенности немыслимого вожделения, находится среди нас, но сердце этого монстра с торжественной размеренностью бьется где-то вне нашего мира, и никому и никогда не будет дано проникнуть в его замыслы. Несправедливость алчет слабых лишь для того, чтобы исподволь спровоцировать свою истинную жертву. Истинной жертвой Несправедливости являются как раз те, кто отвечает на ее вызов, сталкивается с ней, наивно полагая, что могут пойти на нее, как Давид на Голиафа. Увы! Она опрокидывает на землю и всей своей тяжестью сминает лишь несчастных, которых презирает. Против других, рожденных, чтобы ненавидеть ее, которые лишь одни являются предметом ее чудовищного вожделения, она оборачивается завистью и хитростью. Она выскальзывает у

них из рук, распростершись у ног, притворяется мертвой, чтобы потом, вытянувшись вслед, как струна, ужалить в пятку. С этого момента они помимо воли целиком в ее власти, в венах у них течет ее леденящий яд. Мне жаль тех, кто думает, что царство Несправедливости может иметь внутри себя раскол, и противопоставляет несправедливости — несправедливость! Благодарю бога за то, что он дал мне учителей в том возрасте, когда учителей еще любят. Порой мне кажется, что без них горькая очевидность глупости и жестокости обратила бы меня в прах, как это уже было со многими другими, которые, преждевременно испытав жизненное потрясение, потом лишь внешне выглядят людьми: они так же похожи на людей, как брикет похож на камень. Я слишком горячо любил учителей моей юности, чтобы не пойти немного дальше их книг, дальше их мыслей. Думаю, я глубоко прочувствовал их участь. В Несправедливости нет здравого смысла, ей не перешибить хребта. Те, кто пытался сделать это, впадали в еще большую несправедливость или умерли отчаявшись, пример тому Лютер и

Ламенне[73], Прудон. Агония Шарля Морраса рискует быть еще более горькой, если Провидение не отпустит старому писателю в промежутке между старостью и смертью полосы безмятежности, недоступной для глупцов. Я хорошо знаю это. Если вы тоже знаете это, не буду порицать вас за то, что вы поворачиваетесь спиной к бедам, которые считаете неизбежными. Я хотел бы, однако, убедить вас на какой-то миг обернуться к ним лицом — не для того, чтобы замедлить их ход, он, видимо, неотвратим, но для того, чтобы увидеть их, хотя бы раз увидеть их такими, какие они есть, увидеть собственными глазами. Они совсем не то, что вы о них думаете. Они не отвечают тому представлению, которое у вас сложилось о них. Они вам по мерке, что бы вы там ни думали. Они по мерке вашему страху. Они, вероятно, и есть сам этот страх; не считайте, что я говорю необдуманно, я только что видел целую страну, находящуюся во власти этого демона. Кстати, вы были бы совершенно не правы, представляя себе этого демона в виде невзрачного чертенка,

[73] Комментарии: 1.73

Ломенне Фелисите Робер де (1782–1854) — французский публицист и религиозный философ, аббат, один из родоначальников христианского социализма, с позиций которого критиковал капитализм и саму официальную католическую церковь, с которой порвал.

замученного коликами. Это потому, что ваше воображение принимает первые симптомы зла за самое зло. Страх, истинный страх — это яростное исступление. Из всех безумий, на которые мы способны, это, конечно, самое жестокое. Ничто не сравнимо с его порывом, ничто не может вынести его удар. Гнев, который похож на него, всего лишь преходящее состояние, внезапное истощение душевных сил. Кроме того, он слеп. Страх же, если только вы преодолеете его первоначальный ужас, образует вкупе с ненавистью одно из самых устойчивых психологических соединений, какие только бывают. Я даже задаюсь вопросом, не достигли ли ненависть и страх, эти столь близкие друг другу разновидности, последней стадии своей взаимной эволюции и не сольются ли они завтра в некое новое, еще неведомое чувство, которое порой уже улавливается в голосе, во взгляде. Почему вы улыбаетесь? Религиозный инстинкт, оставшийся нетронутым в душе человека, и Наука, которая нещадно эксплуатирует его, вызывают понемногу появление необъятных образов, народ набрасывается на них с неистовой жадностью, а они являются самым ужасным из всего, что человеческий гений когда-либо предлагал его чувствам, его нервам, столь ужасающе

настроенным на главные обертоны тоски.

Те самые люди, которые претендуют на разрешение всех проблем политической и общественной жизни с помощью примеров, почерпнутых из римской истории, наверняка ответят мне на это, что страх давно изучен психологами и на столь избитую тему уже нечего больше сказать. Я придерживаюсь иного мнения, вероятно, потому, что составил себе о человечестве не такое представление, как все эти ученые мужи. Дав однажды определение человеку, они рассуждают о человечестве, как натуралист рассуждает о какой-либо разновидности животного. Впрочем, не знаю, верны ли рассуждения последнего, ибо в конечном счете любая разновидность животного мира вполне способна эволюционировать. Ничем нельзя доказать, что нервная система человека не претерпела значительных изменений, хотя и трудно поддающихся обнаружению. Страх Смерти — универсальное чувство, способное принимать многообразные формы, некоторые из них, конечно же, находятся вне возможности определения на человеческом языке. Есть только один человек, который познал их все, Христос в своей агонии. А вы уверены, что нам не предстоит познать его самые изощренные формы? Но

не на этом я хотел бы остановиться. Животный мир, самые характерные черты которого не изменились с веками, рождается, живет и умирает по своим собственным законам, и место, которое отведено ему в необъятной драме Мироздания, составляет одну-единственную, бесконечно повторяемую роль. Наш род тоже, конечно, не избег этой монотонной силы притяжения. Он крутится вокруг неизбежной судьбы, как планета вокруг Солнца. Но так же, как и планету, его уносит вместе с его солнцем к другой, невидимой звезде. Он загадочен не своей судьбой, а своим призванием. Потому-то историки и знают лишь немногое из его истинной истории. Они лишь наблюдают за ней, как наблюдает за выступлением актера театральный критик, совсем ничего не знающий о его жизни. Если одна и та же актриса с перерывом в двадцать лет сыграет Розину, это все равно будет настоящая Розина. Но бывшая отроковица превратилась в женщину.

Думаю, что этот мир однажды кончится. Верю, что, приближаясь к своему концу, наш род хранит в глубине своего сознания нечто такое, что способно привести в замешательство психологов, моралистов и прочих бумагомарателей. Весьма возможно, что предчувствие смерти управляет

нашей эмоциональной жизнью. Что станется с нею, когда предчувствие смерти уступит место предчувствию катастрофы, которая должна поглотить весь человеческий род? Очевидно, здесь нам сможет сослужить службу старый лексикон. Разве не одним и тем же словом «любовь» называем мы желание, что сплетает дрожащие руки двух молодых любовников, и ту черную пропасть, куда, скрестив на груди руки, с воплем волчицы падает Федра?

Я не льщу себя надеждой, что за два последних года открыл новые формы ненависти и страха. Но я льщу себя надеждой, что оказался в точке света, как нельзя более благоприятствующей некоторым ценным наблюдениям, уже подтвержденным опытом. Какими бы наивными ни были всегда правые и каким бы мощным ни был их инстинкт, неизменно побуждающий их выбирать дела и людей, заранее обреченных на непопулярность, быть может, они согласятся со мной сегодня, что война в Испании потеряла характер взрыва национального и христианского чувства. Когда прошлой весной я пытался подготовить их к некоторым разочарованиям, они открыто смеялись мне в лицо. Теперь речь идет уже не о взрыве, но о пожаре. А пожар, который

продолжается восемнадцать месяцев, уже можно назвать стихийным бедствием. Вы не находите? Я видел, я пережил в Испании предреволюционный период. […]

На Мальорке их не насчитывалось и пяти сотен накануне «пронунсьямьенто». Два месяца спустя их было уже пятнадцать тысяч благодаря беззастенчивой вербовке, организованной военными, которые были заинтересованы в уничтожении партии и ее дисциплины. Под руководством одного итальянского авантюриста по имени Росси[74] фаланга стала при армии вспомогательной полицией, систематически выполняющей грязную работу; тем временем диктатура казнила и бросала в тюрьмы ее руководителей, а ее лучшие элементы лишала мундиров и направляла в войска. Но, как говорится у Киплинга, это уже другая история. Куда бы генерал испанского епископата теперь ни поставил ногу, его каблук всякий раз стискивает челюсть мертвой головы, и он вынужден трясти сапогом, чтобы оторвать ее. Успехов Их Милостям!

Впрочем, вы можете думать что угодно о генерале Франко. Совершенно очевидно, что за ним

---

[74] Комментарии: 1.74

Росси — итальянский фашистский чиновник, настоящее имя которого было Арконовальдо Буонаккорси.

не пошло бы и двадцати пяти испанцев, если бы он допустил неосторожность и дал понять, что «пронунсьямьенто», представленное им как простая полицейская операция, продлится намного дольше трех недель. Генерал Франко не идет, конечно, ни в какое сравнение с Наполеоном III. И если бы тот вечером 1 декабря мог предвидеть, что через два года окажется с армией, состоящей из итальянцев, немцев, чумазых арабов, на Монмартрских высотах, бомбардируя Нотр-Дам, в нем взыграла бы та часть королевской крови, что текла в его жилах, и он приказал бы будущему маршалу Сент-Арно[75] выпроводить пинком в зад того мерзкого епископа — если допустить, что в рядах французского епископата мог найтись подобный подлец, — который бы стал ему заранее обещать свои благосклонные молитвы. Представьте себе, что наши католики в 1936 году восприняли бы всерьез фразы о взрыве католического чувства в католической Испании. Мы оказались бы опять у истоков нашей Священ-

[75] Комментарии: 1.75

Сент-Арно Ашил Леруа де (1798–1854) — маршал Франции, военный министр, которого в ту пору, еще генерала, будущий император Наполеон III выбрал, чтобы подготовить и осуществить военный переворот 2 декабря 1851 г.

ной войны[76]. Но поскольку мы не так богаты иностранными кадрами, как наши соседи, нам вслед за генералиссимусом Моро де ля Мёзом[77] пришлось бы планировать чуть ли не новую Столетнюю войну[78].

Да не уличат меня дамы в том, что я считаю себя более чувствительным, чем другие. Признаюсь им, что вид крови не вызывает у меня ни ужаса, ни удовольствия, ни даже простого любопытства, но это, вероятно, потому, что я не располагаю, как оне, органом, способным передать коре головного мозга эти восприятия. Скрытый физиологический резерв, о котором вы только что узнали, не должен тем не менее пониматься как признание слабости, или же это слабость, присущая всем представителям моего пола. Я видел много смертей. Может быть и мне было уготовано место в

---

[76] Комментарии: 1.76

Мы оказались бы… у истоков нашей Священной войны. — То есть это было бы нечто вроде нового крестового похода.

[77] Комментарии: 1.77

…вслед за генералиссимусом Моро де ля Мёзом… — Ни генералиссимуса, ни генерала с такой фамилией не существовало. Бернанос здесь иронизирует над неким Моро, основавшим Лигу защиты прав священников — ветеранов войны.

[78] Комментарии: 1.78

Столетняя война — война между Францией и Англией за провинции Гиень, Нормандию и Анжу, длившаяся с 1337 по 1453 г. Война завершилась капитуляцией англичан в Бордо (1453).

скромной братской могиле последней войны, рядом с моими товарищами. Это не мешает мне без всякого головокружения видеть, как открываются необъятные бойни завтрашнего дня. Уже очень давно революционеры, подлинные и мнимые, злоупотребляют мистикой террора. Терроризм вовсе не принадлежит им. Они бахвалятся. История наглядно показывает нам, что на самом деле эта система служит всем, Террор католических королей во Фландрии[79] уже был дьявольским террором. [...]

Мы не ждали ничего хорошего от военных, тем более от клерикалов. Вплоть до последнего дня «Аксьон популар», объединявшая девять десятых бывших умеренных партий, проявляла себя отчаянно демократической, пылко парламентарной. Ее ненависть к Монархии была сравнима лишь с ненавистью к фаланге, которая, кстати, отказала ей в своих голосах. Составить мнение о доктрине «Аксьон популар» можно, вообразив, что это мог быть продукт плодотворных бдений г-на Луи

[79] Комментарии: 1.79

Террор католических королей во Фландрии... — Имеется в виду эпоха испанского владычества.

Марена[80] и Марка Санье[81], работавших вместе под контролем Преподобных отцов из журнала «Этюд». При малейшем подозрении на творимое беззаконие эти господа прятались в подпол, откуда их извлекали, мокрых от слез. Диктатуры тогда еще не процветали. Гитлер в Испании был единодушно объявлен Антихристом, а монашки из Сакре-Кёр в Пальме каждый вечер заставляли своих учеников молиться за негуса{24}. Формула Шарля Морраса «всеми средствами», тридцать два года существования которой вполне доказали ее безвредность, произносилась с отвращением и страхом. Известный иезуит Лабюрю[82] вел процесс над роялистами и аристократами перед огромной аудиторией, где рабочие из НКТ{25} аплодировали не в числе последних. Вы согла-

---

[80] Комментарии: 1.80

Марен Луи (1871–1960) — французский политический деятель, многократно занимал министерские посты и депутатские кресла. Боролся против А. Бриана и разделял некоторые взгляды Морраса, в частности его взгляды на политику в отношении Германии. В глазах Бернаноса этот католик и националист является типичным представителем «благонамеренных» консерваторов.

[81] Комментарии: 1.81

Санье Марк (1873–1950) — французский журналист и политический деятель. Развивал в созданном им в 1894 г. журнале «Сийон» идеи демократического католицизма, за что в 1910 г. был осужден папой Пием X.

{24} Примечания: 2.24

Титул эфиопского императора. — Прим. перев.

[82] Комментарии: 1.82

Лабюрю Жозе де — религиозный деятель, социолог, славившийся своими ораторскими способностями.

{25} Примечания: 2.25

Национальная конфедерация труда. — Прим. перев.

ситесь, между нами, что последний штрих не слишком убедителен для молодых французских коммунистов, которых мальчики из ХРМ{26} уводили с собой слушать проповедь. Интересно, какой срок христианско-демократические штабы тайно наметили для того, чтобы эти несчастные обратились в новую веру под страхом получить пулю в голову от набожных военных будущего Крестового похода?

Я задаю этот вопрос не смеха ради. Тут нет ничего смешного. Я бы хотел, чтобы передо мной сейчас оказался один из этих невинных Макиавелли в сутане, у которых на лице отпечаталась убежденность, что огромным народом можно манипулировать, как шестиклассниками, и они, оказавшись перед фактом катастрофы, напускают на себя вид оскорбленного достоинства, как репетитор, освистанный учениками. О, я не буду напрасно тратить красноречия! Я только скажу ему:

— Правда ли, что большая демократическая парламентская партия объединяла подавляющее большинство, почти всех католических избирателей и избирательниц Испании, да или нет?

{26} Примечания: 2.26
Христианская рабочая молодежь. — Прим. перев.

— Несомненно.

— «Аксьон католика» поддерживала ее, снабжала кадрами?

— Не можем этого отрицать.

— Делал публично кто-нибудь из ораторов или бойцов этого мирного Крестового похода последних лет намеки на печальную необходимость применить насилие в случае поражения на выборах?

— Не думаем.

— Доводилось ли им торжественно осуждать насилие, осуществляемое ради политики, морали или религии?

— Вполне очевидно.

— Получил ли один из теологов, оправдывающих сегодня гражданскую войну аргументами, почерпнутыми у святого Фомы Аквинского[83], одобрение приводить их именно в этот момент, чисто гипотетически?

— Не осмеливаемся утверждать это.

— Поддержали бы вы за неделю до последней

---

[83] Комментарии: 1.83

Фома Аквинский (1225 или 1226–1274) — философ и теолог, систематизатор схоластики на базе христианского аристотелизма. Признавая относительную самостоятельность естественного бытия и человеческого разума, утверждал, что природа завершается в благодати, разум — в вере, философское познание — в сверхъестественном откровении.

предвыборной консультации заявление, что в случае поражения прихожане и прихожанки «Аксьон католика» должны будут, с благословения епископата, прибегнуть к подобным методам?

— Вы принимаете нас за глупцов!

— Нет, и даже не за хитрецов. Ибо, в конце концов, разве не располагали вы властью в годы, предшествовавшие этим прискорбным событиям? Президентом Республики был один из ваших[84]. Даже председатель Совета, г-н Леррус[85], который только что в скандале с Играми[86] потерял свой и без того скромный запас чести, равно как и свою родню, предложил Хилю-Роблесу[87] остатки, правда изрядно разложившиеся, бывшей партии радикалов. О! Вы

---

[84] Комментарии: 1.84

Президентом Республики был один из ваших. — Имеется в виду Нисето Алкала Замора, крупный землевладелец и умеренный республиканец.

[85] Комментарии: 1.85

Леррус Алехандро (1864–1949) — лидер республиканской радикальной партии. В 1933–1935 гг. возглавлял правительства, проводившие политику, направленную против левых сил, один из инициаторов подавления астурийского восстания в октябре 1934 г.

[86] Комментарии: 1.86

…в скандале с Играми… — Бернанос имеет в виду скандал, который окончательно дискредитировал партию А. Лерруса и его самого, когда в 1935 г. стало известно, что несколько министров-радикалов получили взятки от одного голландского авантюриста, чтобы основать

в нескольких городах Испании вопреки закону игорные дома. Среди участников аферы фигурировал приемный сын Лерруса.

[87] Комментарии: 1.87

Хиль-Роблес-и-Киньонес Хосе Мария (1898–1979) — испанский политический деятель. В 30-е гг. возглавил созданную им правую католическую партию СЭДА (Испанская конфедерация автономных правых), министр в 1934–1935 гг., выступавший против революционного движения. После победы франкизма, находясь в эмиграции, явился одним из создателей оппозиционного франкизму демохристианского движения.

никогда не откажетесь принять блудного сына, при условии, что он приведет и теленка, надо отдать вам должное! Короче говоря, вы были хозяевами, если можно так сказать. И что же! Через несколько недель после того, как опекаемому вами правительству пришел конец, дела стали уже так плохи, что не оставалось ничего другого, как прибегнуть к хирургическому вмешательству? Вы не находите это странным? Вы правили или не правили?

— Мы выжидали.

— Ничего лучшего вы не могли сделать, невинные Макиавелли. После того как вы внесли свою лепту в падение первой диктатуры, а затем монархии, вас вновь искусил сигнал Сбора, вы были в горячке, в демократическом запале всей воды этой несчастной страны, которой, кстати, ей так не хватает, было бы недостаточно, чтобы охладить вас. Если кто сомневается в этом, тому вовсе нет нужды учить испанский. Ему довольно перечитать, например, номер «Этюд»[88] на французском языке, в котором рассудительные иезуиты с улицы Месьё горячо приветствовали приход новой Республики. Вы были пленниками

[88] Комментарии: 1.88

«Этюд» — принадлежавший иезуитам французский журнал, в котором печаталось много статей, посвященных Испанской республике.

этого перегиба. Увы! Ваша концепция политики всегда была нарочито сентиментальной. Вы любили власть, но вы не брали на себя ее риска. Поживем — увидим! Вы предвидели гражданскую войну, да или нет? Если вы ее не предвидели, вы были глупцами. А если предвидели — почему не продемонстрировали свою силу, чтобы по известному выражению, не быть обязанными использовать ее? Повторяю, Хиль-Роблес был военным министром. Если бы я тогда приступил к нему с расспросами, не сомневаюсь, что, предварительно посоветовавшись с почтеннейшим кардиналом Гомой[89], он ответил бы мне, положа руку на сердце: «За кого вы меня принимаете? Я не нарушу законности!» К чему почтеннейший кардинал, несомненно, добавил бы: «Когда законность станет военной, мы благословим и военную законность».

Да, вы благословляете. Надо бы все же сделать выбор — править или благословлять. Демократические государства не приносят вам счастья. Однако любой из нас знает, что игра в демократию ставит поочередно у власти либо более

[89] Комментарии: 1.89

Кардинал Гома-и-Томас — архиепископ Толедский и примат Испании, использовавший все свое влияние и все доступные ему средства, чтобы поддержать франкистов.

сильного, либо более хитрого. Если бы у вас было чувство юмора (то есть хоть немного меньше гордыни), вы не удержались бы от смеха, представив себя, со слащавыми и благословляющими лицами, у руководства игрой, столь же азартной, как игра асов в покер. Столь напористой, что ваша елейность не смогла бы поспеть за ее бешеным темпом. В то самое время, когда вы с блаженной улыбкой на устах бормочете текст, посвященный неоспоримой законности власти более сильного, у власти уже более хитрый и бросает на вас такой многозначительный взгляд, что вам приходится срочно ретироваться в свою библиотеку, чтобы выудить из тех же самых текстов апологию хитрости, которую вы являетесь торжественно вручить… сильнейшему, опять в ваше отсутствие ставшему законным правителем. Какого черта (именно, какого черта!) упорствовать в том, чтобы добиваться согласия мэра или кюре на расклеивание афиш всего на одну ночь или даже на час! Мне сдается, я изобрел недавно истинно демократическую конституцию, призванную щадить силы и время казуистов. Благодаря дальнейшему развитию техники и шестичасовой рабочей неделе граждане будут менять властителя каждую субботу вечером. Теологи будут

составлять свои славословия ночью, так чтобы во время утренней приходской мессы военные и чиновники могли со спокойной совестью присягнуть на Священном писании в вечной верности очередному суверену на неделю. Остается еще вопрос о флаге. Дабы сэкономить средства и легко заменять эти священные атрибуты, я предложил бы использовать обыкновенную рисовую бумагу, из какой китайцы делают носовые платки.

Из тех же соображений мне кажется предпочтительнее не требовать от экспертов дефиниции Священной войны: Парижский университет уже обсуждал однажды этот вопрос с Жанной д'Арк, и доктора, хотя и сострадательные, пустили, как им и положено по штату, в ход все средства. Из-за невозможности предать огню сочинения этой пастушки (которая, кстати, не умела писать), они в конце концов сожгли ее самое. Точно так же жгут церкви испанские экстремисты. Жаль мне этих поджигателей!

Я вижу вновь то ослепительное воскресное утро. На море, ласковом пальмезанском море, — ни одной морщинки. Проселочная дорога, которая ведет из деревни Порто-Пи к шоссе, еще сплошь покрыта синими тенями. Как в предпоследней главе «Дневника сельского священника»,

большой красный, сверкающий никелем мотоцикл гудел на дороге внизу подо мною, как маленький самолетик. Я нагнал его через два километра, у бензозаправки. Железная штора на станции была поднята лишь наполовину. «Уж не направляетесь ли вы в город?» — спросил меня хозяин. — «Ну да. В церковь святой Евлалии, к семичасовой мессе». — «Возвращайтесь домой, — сказал он, — там дерутся». Только тут я заметил, что дорога пуста. Пуста и улица Четырнадцатого апреля. У подножия Террено эта улица резко поворачивает, и вы оказываетесь у входа на бесконечную набережную с рыбацкими судами у причалов, идущую вдоль старых крепостных стен, которые видели еще развевавшиеся здесь стяги сарацинов. «Стоп!» Я до сих пор слышу визжащее крещендо моих тормозов, прозвучавшее в торжественной тишине. Меня окружают человек пять-шесть, лоснящихся от пота, в руках у них ружья. «Без глупостей, — говорю я им на своем невозможном испанском, — я папа Ифи». «Отъезжайте в сторону, мсье, вы находитесь в зоне обстрела!» — закричал мне издали лейтенант фалангистов. Его люди занимали позиции вдоль обочины дороги, укрываясь за деревьями. Зоне обстрела?.. В конце, в самом конце огромной

набережной, непривычно пустой, на расстоянии, которое никогда не казалось мне таким большим, я увидел зиявший, как пасть, крытый вход кавалерийской казармы. «Старина, — сказал я лейтенанту, — вам не выстоять против войск с тем, что у вас есть». (Республиканская армия не внушала мне, признаюсь, никакого доверия. Я боялся, не таит ли она в себе нового клятвопреступника.) «Солдаты с нами», — сказал лейтенант.

Если я извлек что-то из своего испанского опыта, так это, как мне кажется, то, что я подошел к происходящему отнюдь не предвзято. Хотя я по натуре человек не очень лукавый, в том смысле, какой придают этому слову дипломатичные каноники, наивным меня не назовешь. Я никогда не пытался, например, считать «лояльными» испанских республиканцев. Их лояльность, равно как и лояльность их противников, была, конечно, условной. В вопросе лояльности, как сказал бы

г-н Селин[90], я могу зачесть этим людям равную ничью. Их политические комбинации меня нисколько не интересуют. Мир нуждается в чести. Именно чести так недостает Миру. Мир имеет все, что ему нужно, но он ничем не пользуется, потому что ему недостает чести. Мир потерял уважение к себе. Однако ни одному здравомыслящему человеку не придет в голову учиться законам чести у Николы Макиавелли… Мне представляется не меньшей глупостью испрашивать их и у казуистов. Честь — это Абсолют. Что общего имеет она с докторами Относительного?

Испанские республиканцы отнюдь не проявили щепетильности, использовав некогда в борьбе против Монархии генералов-предателей. В том, что предатели эти в свою очередь продали их, я вижу хороший урок. Таким образом, в принципе я не могу выдвинуть ни какого-либо аргумента против фалангисгского государственного перево-

---

[90] Комментарии: 1.90

Селин Луи Фердинан (наст. фам. Детуш, 1894–1961) — французский писатель. В своих романах «Путешествие на край ночи» (1932) и «Смерть в кредит» (1936) выразил трагическое мироощущение человека, ощутившего бессмысленность существования. Эти романы, написанные на разговорном языке и передающие тот же самый трагизм на уровне формы, создали ему репутацию величайшего новатора-стилиста. В дальнейшем отдал дань фашистской идеологии, приветствовал захват Франции гитлеровцами. Все последующее его творчество проникнуто мрачной мизантропией.

рота, ни обжалования. [...]

Конечно, мои иллюзии относительно предприятия генерала Франко длились недолго — всего несколько недель. Все это время я добросовестно старался преодолеть отвращение, которое вызывали у меня некоторые люди и формулировки. Если говорить начистоту, первые самолеты итальянцев я воспринял не без удовольствия. Предупрежденный одним верным другом в Риме об опасности, которой подвергалась моя семья, и особенно сын, в случае возможного продвижения каталонских милисиано, высадившихся в Порто-Кристо, ко мне пришел итальянский консул, чтобы любезно проинформировать меня об участии, которое принимает во мне его правительство. Я горячо поблагодарил его, хотя пришел он слишком поздно, поскольку я уже принял решение не просить и не принимать никаких услуг. Короче говоря, я приготовился к любому насилию. Я знаю, что такое насильственные меры, осуществляемые насильниками. Они могут вызвать протест тех, кто наблюдает их хладнокровно, но не вызывают отвращения. Я не мог не знать, на что способны молодые люди, к которым я питал расположение, при встрече с решительным противником. Перед ними же были

лишь затерроризированные жители. Население Мальорки всегда отличалось большим равнодушием к политике. Во времена «карлистов» и «кристинос»[91], как нам поведала Жорж Санд, там с одинаковым безразличием принимали дезертиров как с одной, так и с другой стороны. Впрочем, по той же причине, должно быть, не могла найти в Пальме убежища бродячая чета.

Восстание 1934 года в Каталонии[92], хотя и происходило совсем близко, не нашло здесь никакого отклика. По свидетельству руководителя фаланги, на острове не нашлось бы и ста действительно опасных коммунистов. Да и где бы партия могла набрать их, в этом краю овощеводов, краю олив, миндаля и апельсинов, без промышленности, без заводов? Мой сын целый год бегал на свои дискуссионные собрания, но ни он, ни его товарищи не обменялись там с противниками ничем более

---

[91] Комментарии: 1.91

Во времена «карлистов» и «кристинос»... — Речь идет о гражданской войне 1833–1839 гг., вызванной борьбой за престол между сторонниками дона Карлоса, брата короля Фердинанда VII и более либеральными сторонниками королевы Марии-Кристины Неаполитанской, вдовы Фердинанда VII, управлявшей страной в качестве регентши, пока наследница престола Изабелла была несовершеннолетней.

[92] Комментарии: 1.92

Восстание 1934 года в Каталонии... — После выборов 1933 г. Каталония стала бастионом левых сил, и поэтому мадридские власти спровоцировали 5 октября 1934 г. восстание, которое было раздавлено практически на следующий же день.

серьезным, чем тумаки. Я утверждаю, честь по чести, что в течение месяцев, предшествовавших Священной войне, на острове не было ни покушений на людей, ни посягательств на имущество. «Но в Испании убивали», — скажете вы. Да, сто тридцать пять политических убийств с марта по июль 1936 года. Благодаря им правый террор приобрел видимость реванша (пусть яростного, пусть слепого, пусть обрушившегося на безвинных) над преступниками и их сообщниками. Из-за отсутствия на Мальорке преступных актов речь здесь могла идти только о превентивной чистке, систематическом истреблении подозрительных лиц. Большая часть судебных обвинений, вынесенных мальоркскими военными трибуналами (впрочем, я еще буду говорить о многочисленных массовых казнях), вменяла в вину исключительно disafeccion al movimiento Salvador{27}, выраженное словами или даже жестами. Одна семья, состоявшая из четырех человек, прекрасная буржуазная семья — отец, мать и два сына шестнадцати и девятнадцати лет, — была приговорена к смертной казни по доносу нескольких свидетелей, которые утверждали, что видели,

{27} Примечания: 2.27
Нерасположение к освободительному движению (исп.).

как они у себя в саду аплодировали пролетавшим каталонским самолетам. Правда, вмешательство американского консула спасло жизнь женщине — уроженке Пуэрто-Рико. Вы, возможно, скажете мне, что дело Фукье-Тенвиля[93] дает много примеров подобного же понимания революционной справедливости. Именно поэтому имя Фукье-Тенвиля остается одним из самых гнусных в истории.

Возможно, последнее замечание покоробит большинство порядочных людей поглядевшись в зеркало, они не обнаружат в себе никакого сходства с Фукье-Тенвилем. Я предостерегаю их от этого. Мы никогда не знаем самих себя. Разве не будет достаточно двадцати дней невинных пирушек на Монмартре, чтобы порой в респектабельном пятидесятилетнем господине, живущем вполне пристойно на свою ренту в Кемпере или Ландерно, снова пробудился порочный юноша,

---

[93] Комментарии: 1.93

Фукье-Тенвиль Антуан (1746–1795) — один из руководителей обвинительного жюри Чрезвычайного трибунала в эпоху Французской буржуазной революции, а с 10 марта 1793 г. помощник общественного обвинителя Революционного трибунала. Он вел практически все самые важные судебные процессы, в том числе Марии-Антуанетты, Филиппа Эгалите, Камила Демулена, Дантона, Робеспьера, которых отправил на гильотину. После термидорианского переворота также был гильотинирован. Его имя осталось в истории как символ слепого революционного террора.

о котором он уже сколько лет и не вспоминал и которого в душе считал умершим? Как! Вы верите в существование буржуазного общества, описанного в романах Франсуа Мориака, а сами сомневаетесь, что запах крови однажды может ударить в голову и таким людям? Я, например, встречался со странными вещами. Одна девица лет тридцати пяти, принадлежавшая к безобидной разновидности, которая зовется там «беата», мирно жившая в своей семье после прерванного послушничества, посвящавшая бедным все свободное от посещений церкви время, вдруг стала проявлять признаки необъяснимого нервозного страха, говорить о возможной каре, перестала выходить из дому одна. Одна моя очень уважаемая подруга, имя которой я не могу назвать, приняла в ней участие и, чтобы дать ей успокоиться, пригласила погостить к себе. Через некоторое время эта благочестивица решила вернуться домой. В день ее отъезда гостеприимная хозяйка стала увещевать ее: «Ну чего же вам бояться, дитя мое? Вы воистину овечка всемилостивого Бога нашего, который не так глуп, чтобы желать смерти столь безобидному существу, как вы». — «Безобидному? Ваша милость ничего не знает. Ваша милость считает меня неспособной оказать услугу рели-

гии. Все думают, как ваша милость, меня никто не боится. Так вот, пусть ваша милость знает: я расстреляла восемь человек, мадам…» Да, действительно мне было дано видеть странные, любопытные вещи.

Я знал в Пальме одного юношу из хорошей семьи, наирадушнейшего, наисердечнейшего, любимого там всеми. А между тем его изящная трогательно пухлая аристократическая ручка хранила в своей ладони тайну смерти человек, наверно, ста… Одна посетительница, войдя однажды в гостиную этого джентльмена, увидела на столе великолепную розу.

— Вам нравится эта роза, дорогая?

— Конечно.

— Она понравилась бы вам еще больше, если бы вы знали, откуда она.

— Как же я могу это знать?

— Я взял ее в келье мадам М., которую мы казнили сегодня утром.

О, конечно же, г-н Поль Клодель рассудит, что такие вещи не стоит говорить, что они могут травмировать порядочных людей. Я думаю, что самая большая услуга, которую я могу оказать им, и заключается как раз в том, чтобы предостеречь их от глупцов и негодяев, которые сегодня цинич-

но эксплуатируют их великий страх, Великий Страх Благонамеренных. Мелкие несчастные людишки, которые, как мы видели, растут как грибы на отчаянии бывших правящих классов (эту растущую плесень только что заклеймило пошлое и нелепое дело ТКРД), шепотом произносят между собой лозунг будущей бойни: «Наплевать на сомнения! Спасем свою шкуру!» Правящие классы допустили уже много несправедливости. Я хотел бы, чтобы они признали это, прежде чем очертя голову броситься вслед за штабом авантюристов в схватку, где они имеют очень небольшой шанс спасти свою шкуру и достояние, но зато наверняка потеряют честь. Моя откровенность компрометирует их?

Пусть. Она никогда не скомпрометирует их так, как они сами скомпрометировали себя, недальновидно объявив о своей солидарности с подозрительными расправами, о которых можно сказать по меньшей мере следующее: еще неизвестно, кто и где — в Испании или за границей — получит от этого выгоду.

Я, наконец, хочу, чтобы они были правы, чтобы, будучи не в состоянии угнаться за большой авантюрой Муссолини или Гитлера, они, располагая к тому же лишь темными политиками и безмозглы-

ми забияками, решили выпутаться сами, притом наименьшей ценой, и завели кубышку, предназначенную для покупки нескольких работящих генералов, которым поручили бы чистку в моей стране, где как видно, стало что-то уж слишком много людей. Разве первой предосторожностью этих Макиавелли не было бы хранить свое намерение в секрете? «Но у них никогда не было такого намерения!» Охотно верю. Только им здорово удалось убедить всех в обратном. Они даже изрядно потратились на это. Я очень живо воображаю себе диалог между неким напыщенным глупцом, представляющим бывшие правящие классы, и директорами правых газет, которых он собрал в своем кабинете: «Господа, нас травят! Левая пресса ведет против нас клеветническую кампанию. В то время как мы всегда провозглашали себя сторонниками классового союза при непреложном уважении Закона, нас обвиняют в готовности защищать наши скромные привилегии с помощью силы. Нас, воспитанных в религии всеобщего избирательного права, люди Москвы обвиняют в сделке с диктатурой. Нас, фанатиков свободы совести, пытаются убедить в том, что мы реабилитируем инквизицию. Нас,

прилежных читателей Эжена Сю[94], считают продажными развратителями, подобными иезуитам, изобличенным этим великим писателем. Мы, ветераны войны и патриоты, якобы способны порвать священные узы окопного братства. Да что там говорить, господа! Мы, националисты (или еще лучше — националы, так же принадлежащие нации, как Версальский дворец[95] или Почетный легион[96]), якобы вступаем в сговор с заграницей, якобы вооружаемся за ее счет, якобы соглашаемся бороться на ее стороне против наших братьев! Эти ничтожества распространяют даже слух, что мы охотно дали бы подонкам Абд-эль-Керима расстрелять французских рабочих! Господа, пора ответить! Немедленно, от имени бывших правящих классов, которые я имею честь

---

[94] Комментарии: 1.94

Сю Эжен (1804–1857) — французский писатель. В социальных романах «Парижские тайны» (1842–1843) и «Вечный жид» (1844–1845) рисовал бедствия народа, людей парижского «дна»; в сентиментально-мещанском духе трактовал социальные идеи Ш. Фурье.

[95] Комментарии: 1.95

Версальский дворец — крупнейший дворцово-парковый ансамбль в стиле французского классицизма XVII–XVIII вв., являвшийся в 1682–1789 гг. резиденцией французских королей.

[96] Комментарии: 1.96

Почетный легион — орден Почетного легиона был учрежден Бонапартом в 1802 г. Им награждают за военную и гражданскую службу; он имеет пять степеней.

представлять, начинайте шумную кампанию в пользу генерала Франко, который делает как раз то, в чем нас обвиняют. Вручение Почетной шпаги ему как военному будет нелишним. Роялисты обещали сплавить нам шпагу Генриха IV, но этот монарх, Усмиритель французов, пожалуй, недостаточно скомпрометирует нас. Кроме того, нам известно, что испанская и итальянская полицейские службы готовят премилое провокационное мероприятие под названием ТКРД. Когда эти полицейские службы разоблачат своих агентов (что, конечно, не замедлит произойти, будьте внимательны), не оплошайте, чтобы нам выйти сухими из воды. Прежде всего твердите каждый день, что кагуляров[97] не существует, тогда никто не будет сомневаться в том, что они из наших. Наши отставные правящие классы не могут упустить такую прекрасную возможность побития рекорда непопулярности. Добавлю, что коллективное письмо французского епископата в защиту ТКРД, скопированное с письма испанских епископов, тоже не повредит. Короче, господа, смелее, действуйте решительно, попытка не пытка, а за ценой мы не постоим!»

---

[97] Комментарии: 1.97

Кагуляры — члены французской фашистско-террористической организации, существовавшей в 30-е гг.

Испанские правые были не так глупы, надо отдать им должное. Вы скажете, что у них не было времени для вынашивания планов. Вы что, принимаете меня за дурака? С мартовских выборов до пронунсьяменто 19 июля[98] прошло три с половиной месяца. Даже ребенку ясно, что каких-то двенадцати недель никак не хватило бы для организации мятежа гражданской гвардии и армии. Если, конечно, вы не думаете, что генерал Франко решил предупредить своих сообщников телеграммой: «Восстану завтра. Что думаете?» Телеграммой, разумеется, незашифрованной, с оплаченным ответом. Что касается Муссолини и Гитлера, то они, несомненно, были просто предупреждены по телефону с Канарских островов, в день убийства Кальво Сотело[99]! Мне очень хочется думать, что епископат до последней минуты находился в неведении относительно того,

[98] Комментарии: 1.98

Пронунсьяменто 19 июля — так назвали франкисты свой военно-фашистский мятеж, положивший начало гражданской войне 1936–1939 гг.

[99] Комментарии: 1.99

Сотело Хосе Кальво (1893–1936) — глава монархистской Партии испанской революции, симпатизировавший итальянским фашистам и германским национал-социалистам, бесспорный лидер крайне правой оппозиции. Его убийство, осуществленное в качестве акта возмездия за убийство фалангистами одного из республиканских офицеров, стало сигналом для развязывания гражданской войны.

что готовили столько близких ему людей, которые, похоже, определенно не имели большого доверия к сдержанности Их Милостей. А почему бы им вообще отрицать, что своими обетами и молитвами они заранее помогали такому мероприятию, как священная война — nuestra santa guerra? Что здесь дурного?

Нет, испанские правые были не так глупы. До последней минуты они объявляли себя противниками всякого насилия. После того как фалангу уличили в том, что своих противников она «прочищает» касторкой, она еще 19 июля 1936 года являлась столь достойной осуждения, что, когда один фалангист по фамилии Барбара был убит почти на моих глазах как раз утром в день государственного переворота, одно лицо, которое правила приличия вынуждают меня называть Его Преосвященство епископ мальоркский, долго колеблясь, разрешить или нет религиозные похороны этого насильника — кто ударил шпагой, тот от шпаги и гибнет, — ограничилось тем, что запретило своим священникам присутствовать на службе в стихарях. Шесть недель спустя, когда я отвозил на форпост сына, на дороге, что вела в Порто-Кристо, мне довелось обнаружить распростертое тело брата покойного, уже остывшее,

покрытое саваном из мух. Накануне двести жителей соседней деревушки Манакор, которых итальянцы сочли подозрительными, были поздно ночью вытащены из постелей, препровождены партиями на кладбище, убиты выстрелами в голову, свалены в груду поблизости и сожжены. Лицо, которое правила приличия вынуждают меня назвать епископ-архиепископ, направило туда одного из своих священников, который, стоя в луже крови, раздавал между двумя залпами отпущение грехов. Не буду больше останавливаться на деталях этой религиозной и одновременно военной акции, дабы пощадить, поелику возможно, чувствительность героических французских контрреволюционеров — очевидно, братьев тех, которых моя жена и я видели бежавшими с острова при первой угрозе вторжения, как трусы. Отмечу только, что эта расправа с несчастными беззащитными людьми не вызвала ни слова осуждения, ни даже просто оговорки церковных властей, которые ограничились организацией процессий с благодарственными молебнами. Вы понимаете, что малейший намек на касторку сочли бы отныне нежелательным. Младшему Барбара устроили пышные похороны, а поскольку город решил присвоить одной из улиц имя

братьев, соответствующая новенькая табличка была открыта и освящена лицом, которое все те же правила приличия по-прежнему вынуждают меня называть Его Преосвященство епископ-архиепископ Пальмы.

Эти истины явно приведут в негодование некоторых честных людей. Но беды, которые я провозглашаю, возмутят их во сто крат больше. Уже два года длится Крестовый поход, и я думаю, что никто не обвинит меня в проявлении излишней поспешности при попытке обрисовать его истинное лицо — то, какое я видел сам, и никакое другое. А вот не слишком ли поторопились апологеты Крестового похода? Разве один тот факт, что он все еще продолжается, не доказывает, что они не распознали его подлинного характера? Пятнадцать месяцев назад, если верить бедняге поденщику от журналистики, каковым является, например, г-н Эрикур[100], лишь самолеты

[100] Комментарии: 1.100

Эрикур Пьер — правый французский журналист, опубликовавший в журнале «Аксьон Франсез» восторженный репортаж о франкистском перевороте с предисловием Морраса.

Пьера Кота[101] прекращали ошеломляющее истребление горстки грабителей церквей, которые, впрочем, разбегались, как зайцы, conejos, заслышав пулеметные выстрелы. Следовательно, совместные усилия Германии и Италии не приобрели еще того решающего успеха, о котором каждый вечер вещал в своем трепе генерал Кейпо[102]? «Это потому, что Испания поражена больше, чем мы думали». Пусть так. Но не та ли это Испания, которая в 1934 году давала вашему католическому «Седа»[103] большинство в кортесах? Значит, вы отступаете вместо того, чтобы наступать? «Боимся, что да». Тогда ваши методы не многого стоят. Если правда, что столь кровопролитная операция не дала этой несчастной стране ни одним христианином больше, не буду

---

[101] Комментарии: 1.101

Кот Пьер (1895–1977) — французский политический деятель, в 1933–1938 гг. (с перерывом) министр авиации. За свою антифашистскую позицию подвергался нападкам правой прессы, обвинявшей его, в частности, в том, что он поставляет самолеты республиканской Испании. После второй мировой войны один из организаторов движения сторонников мира. В 1953 г. удостоен Международной Ленинской премии мира.

[102] Комментарии: 1.102

Кейпо де Льяно-и-Сьерра Гонсало (1875–1951) — первоначально противник антинародной диктатуры Примо де Риверы, а затем один из организаторов фашистского мятежа, специалист по психологической радиовойне, инициатор создания в республиканском Мадриде пресловутой «пятой колонны». Для Бернаноса он был воплощением предательства и, следовательно, антиподом рыцаря.

[103] Комментарии: 1.103

«Седа» — созданный Роблесом союз нескольких правых организаций; расшифровывается как «Испанская конфедерация автономных правых».

ли я вправе предостеречь вас от пишущих на французском итальянских писателей, призывающих нас тоже пойти в крестовый поход, вслед за вождями, которые как братья похожи на инициаторов «Мовимьенто»? Христианином больше или меньше — дело совсем не в этом. Я опасаюсь худшего. Я опасаюсь гораздо более худшего для Церкви. Испанский епископат, очевидно, решил, что находится в выгодном положении после взятия Бильбао[104]. Ошибся ли он? Если бы Их Милости спросили в тот момент моего совета, я бы им ответил: «Остерегитесь. Всегда успеете. Всегда успеете примкнуть. Когда-то духовенство опасалось скомпрометировать себя связью с монархиями перед лицом республиканских держав. Сегодня уже демократии рискуют скомпрометировать духовенство перед лицом диктатур. В целом короли проявили не слишком много злопамятства. Я вот думаю, не будут ли и демо-

[104] Комментарии: 1.104

…после взятия Бильбао. — Бильбао, главный город Страны Басков, был взят франкистами 19 июня 1937 г., а 1 июля испанский епископат опубликовал письмо, где высказывалась поддержка мятежникам, как борцам за идеалы христианства. Это совпадение, по мнению Бернаноса, объясняется тем, что раньше солидаризироваться с войной против поддерживающих Республику басков, среди которых преобладали католики, а анархисты и коммунисты находились в незначительном меньшинстве, духовенству, опасавшемуся негативной реакции общественного мнения, было бы неудобно.

кратические государства такими же паиньками? Народы не понимают иронии». […]

Тем, кто упрекает меня, что я предъявил обвинение церковникам, которые уже такой кровью заплатили за свои заблуждения и ошибки, я мог бы ответить, что иначе трудно предостеречь их от этих заблуждений и ошибок. Сегодня легко говорить, что Святая инквизиция была не что иное, как политическая организация на службе испанских королей, но лишь самый бесстыдный из благонамеренных скажет мне, что современники никогда и не сомневались в этом. Если бы я, скажем, в XVI веке выдвинул этот тезис в знаменитом университете в Саламанке, ко мне бы отнеслись как к смутьяну, и, возможно, сожгли бы. Представьте себе, что Крестовый поход не удастся. Тогда в будущей истории Церкви вы сможете прочесть, что коллективное письмо испанского епископата было не более чем порывом излишнего усердия Их Милостей, досадной оплошностью, которая ни в коей мере не затрагивает устоев. За написание того же самого теперь я рискую заслужить неодобрение Поля Клоделя. Ну что ж! Я достаточно наслышался вздора. Кто знает, может быть, автор будущей истории Церкви использует когда-нибудь сии скромные стра-

ницы, чтобы подкрепить свою аргументацию, доказать, что единодушное мнение католиков не было заодно с этими людьми.

Знаете, что я вам скажу? Террор кажется мне неотъемлемой частью революции беспорядка, потому что из всех разрушительных сил Террор заходит дальше других, проникает глубже, затрагивает самые основы души. Когда я вижу, как вы поливаете кислотой часть тела христианства, пусть и пораженную гангреной, я имею право сказать вам, что так вы сожжете все тело, до последней жилки, до последней клеточки. О! Я не более вашего могу подняться над страстями! Просто я не позволяю себе идти у них на поводу из боязни, что они погубят меня. Только я называю их своими именами. Я очень хорошо понимаю, что испанскую Контрреволюцию вдохновляет дух Страха и дух Мщения (разве не является последний не чем иным, как крайним проявлением все того же страха?). Тому, что ее вдохновляет подобный дух, я ничуть не удивляюсь. Удивительно то, что он питает ее столь длительное время. Таким образом, я выражаю свою мысль ясно и понятно: Террор давно бы уже исчерпал свою силу, если бы не пособничество, откровенное либо с оговорками, священников и

верующих, которое в конце концов придало ему религиозный характер. […]

Да, если бы я вернулся из Испании с намерением писать памфлеты, я поспешил бы явить глазам публики изображение гражданской войны, способное потрясти ее чувствительность или, быть может, сознание. К сожалению, публика любит ужасы, поэтому, когда хочешь беседовать с ее душой, не стоит давать в качестве фона для такой беседы Сад пыток — есть опасность увидеть, как в ее задумчивых глазах постепенно зреет нечто иное, чем возмущение или даже вообще какое-то чувство… Дети, выньте руки из карманов!

Должен также сказать, что после трех лет, проведенных за границей, я нашел свою страну столь глубоко разделенной, что буквально не узнавал ее. Весна 1937 года была, несомненно, одной из самых трагических французских весен, весной гражданской войны. Политическое соперничество уступило место социальной ненависти, развивавшейся в невыносимой атмосфере обоюдной боязни. Страх! Страх! Страх! Это была весна Страха. Какими могучими должны были быть жизненные силы, чтобы в этой вязкой атмосфере все же зацвели каштаны. Лица и те были неузнаваемы. «Покончить, и немедля!» — бормотали

вполне мирные люди. Эту хорошо знакомую мне максиму я даже мог бы перевести на испанский. «Или мы, или они!» — задирали друг друга под старыми башнями собора Парижской богоматери буржуа из Отей или Пасси и пролетарий из Менильмюш, которые, кстати сказать, каждый день работали бок о бок на строительстве Выставки[105] и вместе мокли под дождем.

Мне нечего было сказать левым. Я хотел говорить с правыми. И поначалу счел это дело легким. Я подумал, что они просто плохо информированы. Однако информированы они были так же хорошо, как и я.

«Итальянцы в Испании? Тем лучше! Никогда не бывает слишком! И немцы тоже? Отлично. Массовые расправы? Великолепно. Прочь притворную чувствительность!» — «Но ваши газеты…» — «Наши газеты сообщают то, что надо сообщать. Я очень надеюсь, что вы все-таки не собираетесь говорить об этом? Вы ведь не будете

[105] Комментарии: 1.105

Выставка — имеется в виду Всемирная выставка в Париже, открывшаяся 25 мая 1937 г.

играть на руку г-ну Жуо[106], а? Представьте себе, арматурщику на Выставке платят больше сотни франков в день! Так-то мсье!»

Что я мог тут сказать? Впрочем, я и не собирался говорить много. Я хотел бы только сказать: «Прежде вы питали отвращение даже к самому слову „насилие“. А теперь вы готовы делать Революцию. Остерегитесь. Фашизм и гитлеризм предлагают вам свои модели революции. [...] Вы охотно судите тоном, который мне хорошо знаком, — об иных слабостях людей вашего класса: „Есть вещи, которые не делаются“. Так вот, революция, которую я только что наблюдал, — одна из таких вещей. Мир не примет террора клерикалов, буржуа или военных. И пусть он сто крат будет оправдан в ваших глазах угрозой другого террора, это уже не из области Морали, а как бы вам это сказать — из области Истории. Прежде всего я усматриваю здесь историческую фатальность, о которую вы разобьетесь».

Мои доводы стоят столько, сколько они стоят. Я хотел бы, чтобы они были достаточны сами по

---

[106] Комментарии: 1.106

Жуо Леон (1879–1954) — французский профсоюзный деятель; в 1909–1940 и 1945–1947 гг. был лидером Всеобщей конфедерации труда. В 1919–1940 г. был одним из руководителей Амстердамского интернационала профсоюзов. После раскола ВКТ основал «Форс увриер». В 1951 г. ему была присуждена Нобелевская премия мира.

себе. Всякий, кто, поразмыслив немного над теперешним положением благонамеренных партий (положением, которое выявили некоторые моменты процесса де ла Рока), над умонастроением в войсках, достоинствами вождей, отказывается понять, что им не хватает даже элементарных качеств, необходимых для подлинной реставрации нации, что переворот, осуществленный в таких условиях, не может привести к созданию нового порядка, а послужит лишь консолидации существующего, со всеми его изъянами, — и именно потому, что будут поставлены к стенке и брошены в застенки «недовольные» и «неблагонадежные»; всякий, кто отказывается понять, что если и нет недостатка в хороших французах, то у них нет ни руководства, ни доктрины, что их первейший долг — определиться, познать самих себя, отказаться от корыстных целей и отмежеваться от политиков, для которых и прессы было бы вполне довольно, чтобы прислуживать им, и которые так серьезно компрометируют их перед противниками — людьми доброй воли, коих надо не упустить, догнать во что бы то ни стало, любой ценой, привлечь на свою сторону, иначе это будет стоить целой Франции; всякий, кто страдает от того, что какие-то жалкие «выкидыши» от

литературы придают нашей социальной борьбе характер религиозной войны, характер войны цивилизации против варварства, помещая в эту вторую категорию пролетариев, которые позволяют отравлять себя трактирщикам, а в первую — этих самых зажравшихся трактирщиков, которые их отравляют, — так вот, этому всякому останется лишь написать то, что написал я дальше. Я не взываю ни к чьей жалости. Я отлично понимаю, что в XVI веке, который так похож на наш, я тщетно пытался бы привлечь внимание членов Лиги[107], созданной герцогом Гизом[108], к их собственным несправедливостям, заранее зная, что они тотчас сошлются на несправедливости гугенотов, на сделки тех с Испанией, что в свою очередь они посчитают вполне оправданным,

[107] Комментарии: 1.107

Лига — «Святая Лига», католическая партия, созданная во Франции во время религиозных войн в XVI в. для борьбы против протестантов.

[108] Комментарии: 1.108

Гиз Анри де (1550–1588) — один из представителей семейства герцогов Гизов, был одним из организаторов расправы над протестантами в Варфоломеевскую ночь, а в 1576 г. возглавил Католическую лигу. Пытался свергнуть Генриха III и захватить трон, но был убит по приказу последнего.

учитывая сделки сторонников Реформации[109] с Англией (тем не менее несколько лет спустя гугеноты и члены Лиги раскрыли объятия друг другу, и без Марии Медичи и убийцы Кончини[110] все французы вслед за Генрихом IV бросились вырывать Нидерланды у лисиц из Эскуриала, делать нашу страну хозяйкой в Европе[111]). Да, все это я сказал себе. Все это я себе еще говорю. Я даже думаю, что, если бы обстоятельства привели меня на сам Полуостров{28}, подобное расширение поля визуального обзора, возможно, удержало бы меня от извлечения уроков из своего опыта. Однако названную мной разновидность Террора я наблюдал на маленьком островке, который легко можно объехать за день на мотоцикле. Это как если бы националистическая Испания, которую

---

[109] Комментарии: 1.109

Реформация — широкое общественное движение в Западной и Центральной Европе XVI в., носившее антифеодальный характер и принявшее форму борьбы против католической церкви. Реформация началась в Германии с выступления Мартина Лютера, отрицавшего необходимость католической церкви с ее иерархией и духовенства вообще. Реформация положила начало протестантизму.

[110] Комментарии: 1.110

Кончини Кончино (?-1617) — итальянский авантюрист, который вместе со своей женой Леонорой Галиган оказывал большое влияние на Марию Медичи, пожаловавшую ему титул маркиза д'Анкр и звание маршала Франции. Его поведение раздражало некоторых высокопоставленных лиц, и Людовик XIII приказал его арестовать, а поскольку тот оказал сопротивление, стража его убила.

[111] Комментарии: 1.111

…бросились вырывать Нидерланды у лисиц из Эскуриала, делать нашу страну хозяйкой в Европе. — Благодаря успешным военным действиям Генриху IV удалось ослабить влияние Испании в Европе и, следовательно, укрепить положение Франции.

{28} Примечания: 2.28

Имеется в виду Пиренейский полуостров. — Прим. перев.

поспешно осваивают репортеры, уменьшилась в масштабе и оказалась на расстоянии протянутой руки. Вы мне скажете, что Террор смог принять там более жестокий характер. Не думаю. Еще раз повторяю, тамошний Террор не подвергался провоцированию со стороны какого-либо другого Террора, а неселение Мальорки никогда не отличалось жестокостью, как, например, андалузцы или астурийцы. На этой уменьшенной сцене я имел возможность разглядеть всех персонажей. Я одним взором охватывал и жест, которым отдавалась команда, и тот, которым она приводилась в исполнение, ведущих актеров и статистов. Я беседовал как с теми, так и с другими. Я слушал их оправдания, иногда разделял с ними их угрызения совести. Представление, которое я составил о них по истечении стольких месяцев, думаю, остается гуманным.

Если слово Террор кажется вам слишком грубым, найдите взамен другое, какая разница! Возможно, вы вложите в него понятие землетрясения, означающее для вас пожары, разваливающиеся дома, трупы, обобранные чернью. Однако Террор, о котором я веду речь, не мог бы породить ни одну из этих картин, и именно потому, что те, кто организует его, — люди, для которых порядок

на улицах — настоятельная необходимость. Было бы ребячеством представлять себе убийцу лишь в облике бандита из мелодрамы. […] Абсолютно несправедливо судить о жестокостях, совершаемых в ходе гражданской войны тем или иным лагерем, по одним и тем же внешним признакам. Террор католических королей во Фландрии был куда кровопролитнее, чем какая-нибудь Жакерия[112]. Разграбление города чернью, пусть при этом не будет ни одной жертвы, всегда является страшным зрелищем. Когда офицеры флота нанесли мне визит в Пальме, они обменивались между собой восклицаниями о чистоте на улицах, о хорошей работе трамваев, о чем-то еще. «Как же так! Торговля идет, люди гуляют, а вы говорите — убивают? Ну и ну!» Они не знали, что торговец потому только не закрыл свою лавку, что иначе рисковал головой. Они не знали также, что администрация, ревностно следя за умонастроениями, запрещала носить траур родственникам казненных. Какого же дьявола вы хотите, чтобы внешний вид города изменился

[112] Комментарии: 1.112

Жакерия — производное от «Жак-Простак», прозвища, данного крестьянину французскими дворянами, название крестьянского антифеодального восстания 1358 г., вызванного усилением феодального гнета, экономической разрухой в период Столетней войны 1337–1453 гг.

только оттого, что в нем в два, в три, в десять, в сто раз увеличилось количество тюрем, я вас спрашиваю? И разве оттого, что тайно убивают пятнадцать-двадцать несчастных за день, перестанут ходить трамваи, заполняться кафе, а в церкви звучать «Te Deum»?

Я называю Террором всякий режим, при котором граждане, лишенные защиты закона, имеют право на жизнь или смерть лишь по произвольному усмотрению государственной полиции. Я называю режим Террора режимом Подозреваемых. Функционирование именно такого режима я наблюдал в продолжение восьми месяцев. Или, точнее, мне понадобилось десять месяцев, чтобы пружинка за пружинкой разобраться в его механизме. Я говорю, я утверждаю это. Я вовсе не требую, чтобы мне верили на слово. Я знаю, что в один прекрасный день все станет известно — завтра, послезавтра, какая разница? Его Преосвященство епископ Пальмы, например, знает об этом столько же, сколько и я, больше, чем я. Я всегда думал, что Его Святейшество Папа, которого, как говорят, очень мучает проблема гражданской войны в Испании, должен бы быть заинтересован в том, чтобы расспросить под присягой это сановное лицо.

Что это такое — режим Подозреваемых? Режим, где власть считает законным и нормальным не только безгранично отягчать характер определенных правонарушений с целью подвести правонарушителей под действие законов военного времени (даже поднятый кулак наказывается смертной казнью), но еще и уничтожать опасных лиц, то есть лишь подозреваемых, в том, что они станут таковыми. Для выявления этих нежелательных элементов необходимо обеспечить себя службой доносчиков. Режим Подозреваемых, таким образом, — это и режим доносов.

Одно дело написать. Нужно еще увидеть. Уметь понять. Вот он, этот маленький тихий островок, утопающий в миндальных и апельсиновых садах, покрытый виноградниками. Столица — Пальма — не крупнее какого-нибудь старинного городка французской провинции. Другая столица, Соллер, всего-навсего поселок. Сообщение между деревнями, изолированными одна от другой, прилепившимися к склонам гор или разбросанными по равнине, происходит лишь благодаря плохим дорогам и редким суденышкам с задыхающимися моторами. Каждая из этих деревень — замкнутый мирок, со своими двумя партиями, «священников» и «интеллектуалов», к которым

робко примыкает третья, состоящая из рабочих. Есть еще владелец поместья, но его видят только по большим праздникам, однако он наперечет знает всех своих подданных, вместе с кюре, своим кумом, давно взял на заметку смутьянов. Но эка важность! Простота нравов испанцев такова, что в мирке этом царит согласие, праздничными вечерами все вместе пускаются в пляс. Чуть ли не в один и тот же день в каждой из этих деревень появился свой комитет по чистке, тайный трибунал из добровольцев, как правило, в таком составе: буржуа-землевладелец или его управляющий, ризничий, прислуга кюре, несколько благонамеренных крестьян с супругами и, наконец, молодые люди, наспех завербованные новой фалангой, зачастую только накануне обращенные, горящие нетерпением выслужиться, пьянеющие от того ужаса, который стали вдруг внушать беднякам их синие рубашки и береты с красными помпонами.

Я уже писал об этом и повторю еще. 17 июля — пятьсот фалангистов. Пятнадцать тысяч — несколько недель спустя, затем двадцать две тысячи. Будучи весьма далеким от того, чтобы контролировать эту лихорадочную вербовку, военное начальство содействует ей всей своей

властью, ибо у него имеется собственный план. Когда придет день и работа будет сделана, ничего не будет проще, чем разоружить эту массу, стремительный рост которой смел старые руководящие кадры, а ей дали новые, скроенные по ее мерке, полицейские кадры. Затем ее частями перебросят в войска. Чистка будет закончена.

Ибо чистка — последнее слово этой войны, все знают, или начинают узнавать, или узнают это. Выражение «С этим надо кончать», которое гнусные самозванцы истолковывают примерно как «Спасем могилу Христа!», всегда означало одно — методичное истребление подозрительных элементов. Здесь нечему удивляться. Точно таким было в 1871 году единодушное желание версальцев[113]. За два столетия до нынешнего Террора те же формулировки служили оправданием резни в тюрьмах в варфоломеевскую ночь, которую Екатерина Медичи в письме к Папе сравнивает с

[113] Комментарии: 1.113

Версальцы — название, данное парижскими коммунарами 1871 г. контрреволюционному правительству во главе с Тьером, обосновавшемуся в Версале, и подчиненным ему войскам. С помощью прусских интервентов версальцы жестоко подавили Парижскую Коммуну, и их имя надолго стало синонимом палачей революции.

победой при Лепанто[114] (в эту ночь Рим осветился праздничными огнями). Один Террор похож на другой, один стоит другого, вы не заставите меня делать различий между ними — теперь, когда я многое повидал, многое познал и мне много лет. Мне всегда и всюду отвратителен страх, а за красивыми словами карателей стоит только он. Уничтожают всегда из страха, ненависть при этом — лишь алиби…

Чистка на Мальорке проходила в три этапа, довольно отличные один от другого, плюс подготовительный период. В ходе последнего, конечно, тоже были массовые расправы, осуществлявшиеся на дому, однако они носили (или казалось, что носили) характер личной мести, более или менее порицались всеми, об их подробностях говорили вполголоса. Тогда-то и появился этот генерал — граф Росси.

Вновь прибывший был, естественно, не генералом, не графом, ни Росси, а итальянским функционером из чернорубашечников. В одно прекрасное утро мы увидели, как он высаживался

[114] Комментарии: 1.114

Победа при Лепанто — около греческого города Лепанто (прежнее название — Нафпактос) у входа в залив Патранкос 7 октября 1571 г. испано-венецианский флот разгромил турецкий флот, и это был последний крупный бой гребных флотов.

из ярко-красного трехмоторного самолета. Свой первый визит он нанес военному губернатору, назначенному генералом Годедом[115]. Губернатор с офицерами своего окружения приняли его вежливо. Постукивая в такт словам кулаком по столу, новое лицо заявило, что оно принесло с собой фашистский дух. Несколько дней спустя генерал Росси входил со своим штабом в тюрьму Сан-Карлос, а граф Росси энергично принимал командование фалангой. Одетый в черный комбинезон, с большим белым крестом на груди, он на своем гоночном автомобиле, от которого в облаке пыли старались не отставать остальные машины с вооруженными до зубов людьми, самолично объехал все деревни. Каждое утро газеты печатали отчеты о его ораторских рейдах, во время которых в окружении местных алькальда и кюре он на странной смеси мальоркского, итальянского и испанского провозглашал Крестовый поход. Конечно, итальянское правительство располагало в Пальме сотрудниками куда менее заметными, чем эта грубая детина, заявившая однажды за столом у одной пальмезанской гранд-

[115] Комментарии: 1.115

Годед Мануэль — один из организаторов заговора против Республики, который безуспешно пытался поднять мятеж в Барселоне, был схвачен и казнен.

дамы, вытирая пальцы о скатерть, что ему нужно по крайней мере по женщине в день. Однако та особая миссия, что была ему доверена, как нельзя более соответствовала его дарованиям. И состояла она в организации Террора.

Отныне каждую ночь набранные им команды орудовали в деревнях и даже предместьях Пальмы. Где бы эти господа ни упражнялись в своем усердии, сценарий оставался неизменным. Тот же тихий стук в дверь, будь то комфортабельная квартира или лачуга, то же топтание в сумрачном саду или на лестнице, то же зловещее перешептывание, которое несчастный слышит за стеной, приложив ухо к замочной скважине и испытывая ужас. «Следуйте за нами». Те же слова, обращенные к обезумевшей от страха жене, которая дрожащими руками подбирает домашнюю одежонку, скинутую несколько часов назад, и шум незаглушенного мотора внизу, на улице. «Не будите детей, не надо! Вы везете меня в тюрьму, да, сеньор?» — «Точно», — отвечает убийца, которому порой нет и двадцати. Затем грузовик, где уже ждут два-три товарища по несчастью, такие же мрачные, покорные, с блуждающим

взглядом… Hombre![29] Грузовик фырчит, трогается. Еще один миг надежды, длящийся до тех пор, пока грузовик не сворачивает с шоссе. Но вот он замедляет ход, подпрыгивая на ухабах, съезжает на проселочную дорогу. «Вылезайте!» Они слезают, выстраиваются в ряд, целуют кто медальон, кто ноготь большого пальца. Паф! Паф! Паф! Трупы укладываются в ряд на обочине дороги, здесь на следующий день их с раздробленными черепами, лежащими затылком на отвратительной подушке из черной запекшейся крови, найдет могильщик. Я не оговорился — могильщик, потому что они позаботились о том, чтобы делать свое дело поблизости от кладбища. Алькальд запишет в своей книге: «Такой-то, такой-то и такой-то умерли от кровоизлияния в мозг».

Кажется, я снова слышу возмущенные возгласы благонамеренных читателей: «Ну и что? При чем тут мы? Разве это наши убивают?» Я и не говорю, что ваши. Я предостерегаю вас — изо всех моих сил — от политиков и журналистов, которые так долго жили за счет вашей глупости, вашей робости, вашего бессилия, а теперь щекочут французского буржуа между ляжками и

{29} Примечания: 2.29
Неужели! (исп.).

нашептывают ему на ухо, что он самец, что он может осуществить свой Террор, как и всякий другой, хотя и знают прекрасно, что этот Террор очень далек от того, чтобы дать свободу благонамеренным, и может лишь связать судьбу этих несчастных с подонками нации, единственно способными на Террор, будь то левый или правый. Хотя я считаю правых в состоянии захватить власть с помощью силы, я не намерен толкать их на гражданскую войну; что касается левых политиканов, то они так давно мне отвратительны, что я, несомненно, сказал бы им: «Ну что, дети мои! При условии, что вы не будете вести себя как свиньи по отношению друг к другу, валяйте!» Но ни левые, ни правые не в состоянии столкнуться лицом к лицу. Им удастся лишь пробить брешь в большом отстойнике, и клоака начнет изрыгать нечистоты, до тех пор пока какой-нибудь иностранец, сочтя уровень достаточным, не пошлет своих золотарей — коричневорубашечников или чернорубашечников. Вы поняли, болваны? На протяжении пятидесяти лет вы под именем прогрессистов, оппортунистов, либералов, демократов, патриотов и националистов шли за самыми разными вождями, проигрывали на всех досках, терпели крах во всех начинаниях. Что

извлекли вы из 6 февраля?[116] Из скандала Ставиского?[117] Из дела о мафии? — И мы должны молча смотреть, как вы устремляетесь на такой опасный путь! Вы не умеете даже ставить банки, а хотите, чтобы вам поручили хирургическую операцию, которая дает нашей стране только один шанс из двадцати выжить!

Первый этап чистки продолжался четыре месяца. И все эти месяцы тот иностранец, главный виновник резни, не упустил случая фигурировать на почетном месте во всех религиозных манифестациях. Обычно его сопровождал капеллан, завербованный на месте, в коротких штанах, в сапогах, с белым крестом на груди и пистолетами у пояса. (Этот священник, кстати, был потом расстрелян военными.) Никто не осмелился бы поставить под сомнение неограниченную власть итальянского генерала. Я знаю одного бедного

---

[116] Комментарии: 1.116

6 февраля — в этот день в 1934 г. правые провели в Париже политическую демонстрацию, которую моррасовцы пытались превратить в фашистский путч, но их не поддержали «Огненные кресты» де ла Рока.

[117] Комментарии: 1.117

Скандал Ставиского — финансово-политическая афера во Франции в начале 30-х гг. по имени А. Ставиского (1886–1934), пользовавшегося покровительством в правительственных кругах и присвоившего значительные средства продажей фальшивых облигаций. Этот скандал явился предлогом для демонстрации 6 февраля 1934 г.

монаха, который смиренно просил его пощадить трех заключенных — молодых мексиканок, которых он после исповеди не счел злоумышленницами. «Хорошо, — ответил ему граф, собираясь почивать, — утро вечера мудренее». Наутро он отдал своим людям приказ расстрелять их.

Так до самого декабря ухабистые дороги острова вблизи кладбищ регулярно снимали свою погребальную жатву злоумышленников. Это были рабочие, крестьяне, но и буржуа, аптекари, нотариусы. Когда я однажды попросил у своего друга-врача рентгеновский снимок, сделанный некоторое время назад одним из его коллег (единственным рентгенологом в Пальме), он с улыбкой ответил мне: «Не знаю, найдем ли мы его… Беднягу Х… на днях увезли на прогулку». Эти факты известны всем.

Почти сразу по завершении чистки на местах пришлось подумать и о тюрьмах. А они, как вы догадываетесь, были переполнены! Как и концлагеря. Как и разоруженные суда — зловещие, денно и нощно охраняемые плавучие тюрьмы, которые из избытка предосторожности, стоило стемнеть, освещались скользящим лучом прожектора. Увы, я видел его, лежа в постели! Тогда-то начался второй этап — этап чистки тюрем.

Ибо, не совершив существенных правонарушений, большое количество этих подозреваемых, женщин и мужчин, не подпадали под действие закона военного времени. Поэтому их начали выпускать партиями, сформированными согласно месту рождения. На полпути груз сваливали в ров.

Знаю… Вы не даете мне продолжить. Сколько убитых? Пятьдесят? Сто? Пятьсот? Цифру, что я назову, я узнал от одного из руководителей репрессий в Пальме. Подсчет, сделанный населением, сильно отличается от этой цифры. Что ж! В начале марта 1937 года, после семи месяцев гражданской войны, насчитывалось три тысячи подобных убийств. Семь месяцев — это двести десять дней, то есть в среднем пятнадцать казней в день. Позволю себе напомнить, что островок легко можно пересечь из конца в конец за два часа. Какой-нибудь любознательный автомобилист, рискуя лишь слегка утомиться, мог запросто побиться об заклад, что увидит, как разбиваются все пятнадцать замышляющих зло голов в день.

Вам, очевидно, тяжело читать это. Мне тоже нелегко это писать. Но еще тяжелее было это видеть, слышать. Хотя, быть может, меньше, чем вы думаете… Мы с женой держались хорошо — не

из бравады, не даже из-за надежды быть очень уж полезными (в конце концов, мы могли так мало), а скорее из чувства глубокой солидарности с этими простыми людьми, число которых росло с каждым днем, с теми, кто знал о наших надеждах, наших мечтах, защищался бок о бок с нами от действительности, делил, наконец, наши тревоги. Они не были свободны, а мы были. Я думаю о тех молодых фалангистах или молодчиках, о тех старых священниках (одному из них, произнесшему неосторожные слова, пришлось выпить литр касторки под угрозой пистолета). Если бы, живя там, я сблизился с левыми, их способы протеста, вероятно, вызвали бы во мне некоторые рефлексы сочувствующего, которыми я не всегда бы смог управлять. Но разочарование, печаль, жалость, стыд связывают людей гораздо крепче, чем возмущение или ненависть. Просыпаешься утром весь разбитый, выходишь из дому и встречаешь на улице, за столиком кафе, на пороге церкви кого-то, кого до тех пор видели с карателями, а он вдруг говорит тебе, со слезами на глазах: «Нет, это слишком! Я больше не могу! Вот что они сейчас сделали…» Я думаю о том мэре маленького городка, которому жена устроила тайник в чане для дождевой воды. При

малейшей тревоге несчастный скрючивался в нише, находящейся в нескольких сантиметрах от поверхности воды… Они вытащили его оттуда, его лихорадило — на дворе стоял декабрь. Его отвели на кладбище и пустили ему пулю в живот. Но так как он не спешил умирать, палачи, распивавшие водку неподалеку оттуда, вернулись к нему. Сначала они засунули горлышко в рот умирающему, потом разбили о его голову пустую литровую бутыль. Повторяю, эти факты общеизвестны. Я не боюсь, что меня уличат во лжи. О! Атмосфера Террора — это совсем не то, что вы думаете! Сперва создается впечатление огромного недоразумения, которое перепутало, безнадежно смешало добро и зло, виноватых и безвинных, энтузиазм и жестокость. А хорошо ли я разглядел?.. А правильно ли понял?.. Вас убеждают, что все это скоро кончится, что все уже кончилось. Вздыхаешь облегченно. Вздыхаешь до следующей расправы, о которой узнаешь совершенно внезапно. А время идет, идет… Что потом? Мне нечего сказать вам. Священники, солдаты, это красно-золотистое знамя — ни золота, чтобы его купить, ни крови, чтобы его продать… Тяжко видеть, как разрушается на твоих глазах то, что мы рождены любить.

Впрочем, надо признать, что в этих обстоятельствах нас прямо-таки утешили некоторые французские газеты. Когда видишь, как с каждой неделей множится число фашистских самолетов, благословляемых архиепископом Пальмы, как некогда мирные берега ощетиниваются батареями, когда слышишь, как офицеры итальянского флота в кафе похваляются перед всеми бомбардировками Малаги, забавно читать на своем родном языке монотонные доносы прессы, засевшей на каждом вокзале вдоль пиренейской границы, приникшей к глазкам сортиров, лихорадочно заносящей пометки на бумагу этих заведений общего пользования. В продолжение семи месяцев ни разу — ни разу в продолжение семи месяцев — ни малейшего намека на неудачи итальянцев или немцев, ни разу, ни единого разу! Надо же! Вот люди, которые часто были несогласны между собой: НФП, СФП, А.Ф., ФС, ПМ, ЛФП[118]. а начиная с кампании в Абиссинии — вдруг все едины, все солидарны, солидарны с новой Империей! Цитаты из статей этих патриотов так хорошо ложатся

[118] Комментарии: 1.118

Н. Ф. П., С. Ф. П., А. Ф., Ф. С, П. М., Л. Ф. Р. - сокращенные названия следующих, находящихся на крайне правом фланге политической жизни французских партий: Народная французская партия, Социальная французская партия, Аксьон Франсез, Французская солидарность, Патриотическая молодежь, Лига французской родины.

в статьи итальянских и испанских публицистов, что можно счесть их скроенными по одной мерке, странно… А ведь нет ни одного француза, который, побывав более полугода по ту сторону Пиренеев, не знал о вековой ненависти испанских правых, особенно армии и духовенства, по отношению к нашей стране. Эта ненависть неоднократно проявлялась и в ходе войны. «Только чернь и я любим Францию», — говорил Альфонс XIII[119]. Я не знаю, чего стоит национальное пораженчество националистов внутри наших границ. Думаю, что самый озлобленный из этих господ покраснел бы от презрительных комментариев, которыми пропаганда сдабривает свою прозу… Я до сих пор слышу слова того майора, который однажды вечером в Манакоре, под канонаду республиканского крейсера «Либертад», наивно полагая, что доставит мне этим удовольствие, сказал на плохом французском, но с оттенком мужского и братского утешения: «Что поделаешь, мсье, наши страны — это две такие завзятые мерзавки!» (Сам он был каталонец.)

Я оставался на Мальорке так долго, как мог,

[119] Комментарии: 1.119

Альфонс XIII (1886–1941) — король Испании в 1902–1931 гг., передавший в 1923–1930 гг. реальную власть генералу Мигелю Примо де Ривере, низложенный, когда была провозглашена республика.

потому что там я смотрел в лицо врагам моей страны. Это смиренное свидетельство было по-своему ценным, поскольку, не имея никаких связей с местными или иными красными, известный всем как католик и роялист, я представлял (как бы мало я сам по себе ни значил!) вечную Францию, которая пережила Арманьяков и Бургиньонов[120], сторонников Лиги и гугенотов, всяческие, по-разному нелепые «фронты», ибо она обладает верным и независимым инстинктом и имеет лишь один очаг, свой дом, Дом Франции, переступив порог которого все мы становимся равными, детьми одной матери. Не в обиду будь сказано глупцам, Францию будут презирать в мире только тогда, когда она сама потеряет уважение к себе. Каждый, кто говорит не как политик, а как француз, знает, что всегда будет понят. Всем в Пальме было известно, что мой сын был лейтенантом фаланги, меня часто видели у мессы. С инсургентами, которых боялись подозреваемые, меня связывала давняя дружба. Отчего же малознакомые люди говорили со мной

[120] Комментарии: 1.120

Арманьяки и Бургиньоны — феодальные группировки во Франции первой половины XV в., боровшиеся между собой за власть в правление слабоумного короля Карла VI. Арманьяков возглавлял граф Арманьяк, бургиньонов бургундские герцоги.

вполне откровенно, хотя малейшее проявление нескромности с моей стороны могло стоить им свободы или жизни? Что ж, я отвечу, как думаю: во всем мире еще знают, что француз прислужником полиции не бывает, вот и все, что француз — свободный человек. Подпевалы генерала Франко, вероятно, никогда не задумывались об этом.

Не следует считать, что чистка в тюрьмах сразу положила конец деятельности команд по чистке на дому, она только приостановила ее. Отдаленные деревни облегченно вздохнули, основная работа велась теперь в окрестностях Пальмы. Однако цель, которую преследовали военные власти, заключавшаяся в сужении огласки, все же не была достигнута. Некогда родственникам казненных надо было сделать всего несколько шагов, чтобы опознать убитых. Теперь для этого требовалось проделать дорогостоящую поездку, совершить формальности, сделавшиеся особенно тягостными из-за большого наплыва просителей и просительниц: поскольку ведомости тюрем редко когда соответствовали записям в блокноте могильщика, возникали вопиющие недоразумения. При совершенно безнадежном положении (ведь братские могилы не выдают своих секретов) семьям оставался только один способ. Проник-

шийся к ним сочувствием чиновник предлагал им порыться в куче брошенной одежды, чтобы попробовать отыскать там рубашку или кальсоны погибшего.

Я стараюсь писать это без всякой патетики. Я ничего не добавлю ради тех, кто считает меня способным выдвигать бездоказательные или основанные на слухах факты. Я ведь не разоблачаю мафию, существование которой в той или иной степени проблематично. Эти факты общеизвестны. Подтвержденные подавляющим большинством, опровергнутые единицами, они ни у кого не вызывают сомнений. Но увы! Понадобилось бы еще много страниц на то, чтобы растолковать, почему эти факты со временем перестали вызывать негодование. Разум, честь дезавуировали их, сострадание притуплялось, пораженное оцепенением. Одинаковый фатализм связывал в едином отупении жертвы и палачей. Да, по-настоящему гражданская война напугала меня в тот день, когда я почувствовал, сам того не замечая, что незаметно для себя уже без отвращения дышу ее тусклой и кровавой атмосферой. Да сжалится бог над людьми!

Я мог бы привести много примеров подобной апатии (в самом прямом смысле этого слова).

Приведу только одно интервью, взятое у монахинь Порто-Кристо, которое появилось in extenso{30} во всех газетах Пальмы — «Эль-Диа», «Эль-Альмудайна» («Католический ежедневник», как гласит ее подзаголовок), «Ультима ора». Крошечный городок Порто-Кристо стал в августе 1936 года местом высадки каталонских сил. Впрочем, пробиться дальше им так и не удалось, и шесть недель спустя они вновь погрузились на суда. Монахини держали там пансионат, в то время, несмотря на сезон, пустовавший. Настоятельница с жаром рассказывала журналисту о приходе красных, о первой встрече своих перепуганных дочерей с милисиано из Барселоны, которые в резкой форме приказали приготовить койки для раненых. Среди всей этой суматохи вдруг появился один южноамериканец, прямо исполин, с револьвером в руке, который представился таким образом: «Сестры мои, я католик и коммунист. Я вышибу мозги каждому, кто проявит к вам неуважение». Два дня он разрывался на части, доставал еду сестрам милосердия, вместе с ними перевязывал раненых, число которых беспрестанно росло, а в короткие передышки

{30} Примечания: 2.30
Полностью (лат.).

вступал с настоятельницей в шутливую перебранку, о которой она с трогательным юмором поведала журналисту. Наконец, на третий день, когда начала заниматься заря… И монахиня так закончила свой рассказ: «Мы услыхали сильную стрельбу, раненые забеспокоились, милисиано бросились бежать, мы все попадали на колени, моля небо за наших освободителей. Крики „Viva Espana! Arriba Espana!“{31} стали долетать до наших ушей, двери поддались натиску. Что вам еще сказать? Со всех сторон стали вваливаться бравые солдаты и расправляться с ранеными. Наш южноамериканец был убит последним».

Когда спустя несколько дней я выразил свое недоумение мадридскому журналисту, автору этой статьи, он на следующий день опубликовал нечто вроде неуклюжего оправдания, из которого я приведу следующее: «Некоторые сердобольные души считают своим долгом выступить против крайностей священной войны. Но кто ведет войну, тот должен следовать ее законам. А разве первейший закон войны не гласит: „Горе побежденным!“».

Окруженные презрением и растущим вокруг

{31} Примечания: 2.31
Да здравствует Испания! Вставай, Испания! (исп.).

отвращением, которое они ощущали, при опасности возникновения недовольства фаланги, которую вдруг лишили вооружения и военачальников, военные власти предприняли третий метод чистки, еще более скрытный. Вот он во всей его простоте. Заключенные, пребывание которых в тюрьме признавалось нежелательным из-за нехватки мест, утром получали извещение об освобождении. Они подписывали бумагу об освобождении их из-под стражи, давали расписку в получении конфискованных ранее вещей, собирали свои пожитки, выполняли одну за другой все формальности, необходимые для того, чтобы освободить тюремную администрацию от дальнейшей ответственности за них. Часа в два ночи их попарно выводили наружу и они оказывались на пустынной улочке, перед грузовиком, вокруг стояли вооруженные револьверами люди: «Тихо, мы отвезем вас домой!» Их отвозили на кладбище.

Лицо, которое правила приличия заставляют меня именовать Его Преосвященство епископ мальоркский, поставило свою подпись под коллективным письмом испанского епископата. Надеюсь, перо дрогнуло в его старческой руке. Он не мог не знать об этих убийствах. Я скажу

ему это в глаза где угодно и когда угодно. Я представлю ему еще и такое свидетельство. Один из каноников его собора, которого он хорошо знает, известный проповедник, лиценциат теологии, всегда безоговорочно поддерживал военные власти. Это смирение очень беспокоило одну из исповедовавшихся у него прихожанок, однако она не осмеливалась подойти к нему с расспросами. Узнав об этих фактах, доложенных наверх, она сочла, что наступил подходящий момент, и заговорила с ним. Несчастный выслушал ее, не выказав ни малейшего удивления. «Но, в конце концов, вы же не одобряете…» — «Я ни одобряю, ни не одобряю, — ответил этот зловещий священник. — Ваша милость, к сожалению, не имеет никакого представления о тех трудностях, которые испытывает наша епархия на этом острове. На последнем общем собрании кюре под председательством монсеньора мы узнали, что в прошлом году лишь четырнадцать процентов мальоркцев справляли пасху. Столь серьезное положение оправдывает чрезвычайные меры».

И меры были приняты… За несколько дней до пасхи религиозные власти с согласия военных властей осуществили регистрацию верующих. С этой целью всем лицам, достигшим возраста ис-

полнения пасхального долга, были отправлены отпечатанные типографским способом карточки. На лицевой стороне значилось следующее:

1937 год
Г-н, г-жа или м-ль. . . . . .
Проживающий в. . улица. . . дом. . . . этаж:. . .
справляет пасху в церкви. . . . . .

На обороте:

Рекомендуется исполнить пасхальный долг в своем приходе. Каждый, кто намеревается исполнить его в другой церкви, должен принести об этом подтверждение своему приходскому священнику.

На корешке, легко отрывавшемся благодаря нанесенному пунктиру, имелось следующее указание:

Для более полного учета предлагается оторвать этот талон и по заполнении должным образом отдать его кюре прихода. Можно также опустить его в специально предназначенный для этого ящик.

Есть ли необходимость добавлять, что исповедальни отныне не пустовали? Наплыв неопытных грешников был так велик, что кюре города Террено счел своим долгом приступить к распространению нового листка. Сделав странную, но весьма своевременную ремарку, что основная трудность в акте исповедания — не столько сознаться в своих грехах, сколько знать, что именно надо говорить (en no saber que confesar o сото expresarse), он на пятнадцать строк дал образчик этого экзамена совести, чрезвычайно упрощенного. Листок имел постскриптум:

> N.B. No olvides colocar tu billete del cumplimiento en el cajon del cancel para poder formar el censo.

(«Не забудь опустить сертификат в ящик, чтобы можно было ПРОИЗВЕСТИ УЧЕТ».)

Не найдется ни одного священника на Мальорке, который осмелился бы отрицать, что подобная мера, предпринятая в разгар Террора, могла лишь умножить число жертв. Что сказать еще? Богу известны имена немногих не примирившихся с ним, которые считают себя его врагами, но в их жилах, независимо от их сознания, течет достаточно христианской крови, чтобы они

почувствовали оскорбление, нанесенное их совести, и ответили «нет!» этим наглым требованиям. Смогут ли они вновь обрести Христа? Смогут ли они, когда придет день, судить своих судей? [...]

Мы, французы[121]

Перевод А. В. Дубровина

[121] Комментарии: 1.121

Книга «Мы, французы» была впервые опубликована в 1939 г. издательством «Галлимар». На русском языке печатается впервые с сокращениями.

I

Сентябрь 1938 г.

Я знаю, что сейчас, когда я пишу эти строки, где-то в мире какой-нибудь молодой француз задает себе вопрос: «А стоит ли моя страна того, чтобы ее спасать? Зачем?»

Избави меня, господи, отвечать на его вопрос! Потому что как раз в этот же миг, находясь на другом конце земли, за тысячи миль, я задаю себе тот же вопрос. Я задавал его себе всегда. И именно потому, что я себе его задаю, я являюсь французом. Когда я перестану задавать его себе, я умру. Умру, вполне заслужив этот отдых.

Нечего гордиться, что ты француз, это только великие заботы и усилия, тяжкий труд. Когда заканчивается день и наступает вечер, у нас не возникает желания плясать, подобно неграм, вокруг священного огня, взывая к Великому духу тоталитаризма[122], под грохот тысячи барабанов. Общение с темной силой расы, что ж, это

---

[122] Комментарии: 1.122

…взывая к Великому духу тоталитаризма… — Здесь Бернанос имеет в виду гитлеровскую идеологию, иронически сравнивая «белокурых бестий» с неграми и подчеркивая родство тоталитаризма с примитивнейшими религиями.

выглядит весьма красиво, да только нам слишком хорошо известно, чем кончаются такого рода мессы. Ведь если несчастные располагают широким кругом средств, с помощью которых можно довести себя до нервного исступления, то, чтобы снять напряжение, у них есть только один вид спазмы, всего один, а это немного. Рано или поздно мы обнаружим всех этих людей вперемешку, распростертыми в крови и грязи, хрипящими посреди хоругвей и венков. На худой конец мы предпочтем напиться каждый у себя дома настоящим вином.

Нечего гордиться, что ты француз. Мы христианский народ, который продолжает свой путь, продолжает свою работу. Гордость — порок тех, кто думает, что достиг цели. Мы же слишком склонны сомневаться в том, что вообще сдвинулись с места. Жизнь одновременно так проста и так сложна, так легка и так тяжела. Тем лучше для молодцов с богатым воображением и коротким умом, тем лучше для тех разгоряченных голов, которые сотворяют себе из нее божество и поклоняются ему. Мы слишком ценим воду, равно как и время, и потому не будем стараться загасить их пыл. Пусть дым от всех них взмывает к милостивым небесам, до ближайшего ливня! Мы не хотим

знать иной жизни, кроме повседневной, столь же хорошо нам знакомой, как деревья на наших полях, как наши домашние животные. Жизнь эта была подругой нашей юности, и вместе с ней мы предавались безумствам. Вместе, бок о бок с ней, мы и состаримся. Умирая, мы будем смотреть на нее, старую задумчивую Мать, почтительно взяв ее за руку, чтобы постараться до конца сохранить спокойствие, чтобы не помешать чужой работе. За руку, полную тайн земли, руку-грешницу, которая с сотворения мира неустанно искупает свою вину. Именно эту огрубевшую руку держал в своих руках Христос, в углублении этой изнуренной длани благословил он людское страдание и радость, терпение и надежду, повседневные голод и жажду, хлеб и вино. Нам нечего краснеть за эту жизнь, напротив, мы испытываем к ней одно лишь почтение. Однако пусть она не вводит нас в заблуждение, ей ведомо не больше, чем нам, она не лучше нас. Она упрямей нас, она заставляет нас слишком дорого платить за обретение весьма сомнительного опыта, из которого мы извлекаем лишь малую пользу, да и та обладает свойством, устаревая, портиться, подобно недоброкачественному зерну. Если бы мы захотели выразить ей всю ту признательность, на которую она рассчи-

тывает, то этому выражению не было бы конца и мы дали бы ей повод для насмешки. Она жестока, горделива, способна за час промотать результат многодневного труда. Нас охотно обвиняют в скупости, однако не столько мы скупы, сколько она расточительна, и ее расточительность внушает нам отвращение. Горе тем, кто в этой чудовищной расточительности находит повод для ликования! Они считают ее чистой, тогда как в ней содержатся предпосылки для самых разных пороков. Горе тем, кто ее презирает! Она владеет секретом всех искуплений.

Мы не немцы и не испанцы, нам столь же неприятно оказаться в германском лесу, как и на выжженном солнцем кастильском кладбище, где бродят черные, печальные люди, пахнущие жасмином и разложением. Мы предпочитаем оставаться у себя, в своих домах. У нас жизнь являет нам свое истинное лицо, лицо бабушки, успокаивающей наших детей. На заре она вновь предстает перед нами такой же, какой мы ее оставили накануне. Нам нет дела до того, что она устремляется на пляж танцевать в лунном свете или еще дальше, в те неистовые, сверкающие города, которые всю ночь, как зверье, перекликаются и рычат друг на друга. Что мы, грешники,

можем сказать этой грешнице? Мы притворяемся, что не видим ее пустого взгляда, ее искусанных губ и остатков румян на щеках. Какое нам дело? Чтобы искупить ночную вину, до самого вечера хватит работы. Когда она умолкает, мы не тревожим ее молчания. Когда она говорит, мы хотим, чтобы это было на нашем языке и чтобы слова были испытанными, в коих мы уверены так же, как в своих рабочих инструментах. Ибо у нее на устах мед, но только мед этот вдруг превращается неизвестно во что, что ложится нам на сердце огненным грузом. Мы не станем с ней спорить. «Почему? Как? А дальше?» — таковы обычные вопросы, и, прежде чем прозвучать в устах наших сыновей и дочерей, они уже читаются в их ясных глазах. Мы задаем эти вопросы жизни, но не в надежде, что она на них ответит, а потому, что задавать их предписывает нам наше человеческое достоинство. Сам Господь Бог задает их себе, задает и отвечает на них в едином действии, и именно так мы представляем себе творение.

Фанатичные народы, страдающие желчной болезнью, обвиняют нас в том, что мы не признаем тайну. А мы вовсе не отвергаем тайну, мы только не хотим путать тайну с таинственностью, настоящую тайну с непознаваемым или же с не

поддающимся определению. Мы полагаем, что это великое несчастье — пытаться приблизиться к Богу не в поисках света, а из любви к мраку, потому что Ночь всегда в той или иной степени сообщница того, что есть в нас дурного: ведь не случайно светильники гаснут именно у неразумных дев[123]. «Почему? Как? А дальше?» — это те слова, которые жизнь не произносит никогда, и потому их произносим мы. И если они устрашающе звучат в устах глупца, то это потому, что они являются устрашающим подтверждением непостижимого, сверхъестественного достоинства глупцов перед лицом жизни. Разглагольствующий и выносящий свой суд глупец еще может смягчить ангелов, он несет вздор по милости божьей подобно тому, как младенец пачкает свои пеленки. Когда же циничный скот в экстазе с пыхтением ломится в великое Целое, то он погружает в скорбь и землю, и небо. Потому что мы, мы французы, считаем, что жизнь создана для человека, а не человек для жизни.

Нечего гордиться, что ты француз. Мы слишком хорошо знаем, сколько нам еще нужно сделать

---

[123] Комментарии: 1.123

…не случайно светильники гаснут именно у неразумных дев. — Речь идет о евангельской притче (Евангелие от Матфея, XXV, 1-13; Евангелие от Луки, XII, 35–38).

того, что мы, может быть, не сделаем никогда, за что мы еще и не брались. Или, точнее, мы знаем, что все нужно постоянно переделывать и начинать заново. Нас воспитывали слишком добрые, слишком терпеливые, слишком храбрые матери, такие работящие, такие жесткие и такие мягкие, с их нежными, доблестными, непреклонными сердцами. «Всего никогда не переделаешь!» — говорили они. Это верно: всего никогда не переделаешь. Когда дни слишком коротки для повседневного труда, гордиться нечем! Как для них, так и для нас слово порядок — простое слово, слово будничное, а не праздничное. Оно не будит воображения и не предстает перед нами в виде спустившегося с небес на землю божества, которое чествуют сборищами и песнями. Мы ощущаем это слово своими руками и плечами вместе с усталостью, накопленной предками, вместе с их святым терпением. Сорняки растут и растут, и если человек однажды прервет свою работу, то вся земля зарастет ими. Мы не испытываем ненависти к сорнякам и не мечтаем их

истребить[124]. Нам достаточно отличать их от полезных растений, кроме того, так приятно поглядеть на них перед тем, как, поплевав на руки, взяться за лопату. Как мне однажды сказала старая крестьянка, избитая своим сожителем, пьянчугой и бездельником: «Что же, мсье, в этом мире нужны всякие». Нужны всякие, даже глупцы и бездельники, даже расточители. Мы смотрим этим людям в глаза, как на какую-то диковинку, и они вызывают у нас еще большее желание трудиться. Порядок не в том, чтобы они исчезли, а в том, чтобы то, что должно быть сделано, было сделано, несмотря на них. В конечном счете они являются лишь небольшой, почти не имеющей значения частью враждебных сил, которая наряду с ветром, дождем, градом, заморозками постепенно уничтожает созданное нашими руками. Мы не позволим Реформаторам

[124] Комментарии: 1.124

Мы не испытываем ненависти к сорнякам и не мечтаем их истребить. Бернанос ссылается здесь на притчу о добром семени и о плевелах (Евангелие от Матфея, XIII, 24–30), осовременивая ее смысл. Если в теологии она толкуется как предписание бороться со злом, не надеясь победить его окончательно простыми человеческими средствами, то Бернанос ее использует, чтобы осудить стремление тоталитарных государств уничтожать всех неблагонадежных и противников режима.

мира, Новым Учителям[125] уничтожить их с помощью рациональных методов социальной хирургии: «Кто не работает, тот не ест». Это наша аксиома, созданная для нас, для успокоения совести каждого из нас. Однажды произнеся ее, мы больше о ней не думаем. Мы слишком уважаем труд, мы знаем, что труд, который выполняется не добровольно, — обесчещенный труд. По существу, мы ничего не имеем против того, чтобы паразиты жили за наш счет; нам хватит и того, что они скажут спасибо, молча усевшись в конце стола. А вот чего мы уж никак не можем допустить, так это чтобы они считали себя лучше нас, потому что подобная претензия противоречит справедливости. Короче, мы примем все, что хотите, но только не безделье, возведенное в почет. Достаточно уже и того, что французы, некогда внезапно оторванные от вековых традиций профессиональных либо генеалогических иерархий, были вынуждены во имя науки и прогресса больше столетия терпеть апофеоз уничтоженного в настоящее время социального типа — короля-рантье, священника-рантье, бога-рантье, типа еще больше устаревшего сегодня, чем тип фео-

[125] Комментарии: 1.125

Новые Учителя — Бернанос здесь имеет в виду в первую очередь Муссолини и Гитлера.

дального вельможи.

Нечего гордиться, что ты француз. Мы склонны тешить свое тщеславие многими вещами, которые совсем не ценим и единственное преимущество которых состоит в том, что они сбивают с толку дураков, а главное, огорчают лицемеров, потому что Фарисей, по-видимому, является единственной разновидностью живых существ, которую мы можем по-настоящему ненавидеть. Лицемерие не только больно ранит наше сознание. Оно также сильно действует нам на нервы, так как порождает в нас презрение, мы же задыхаемся от презрения, оно отравляет нас. Мы не принадлежим к презирающей расе. От презрения мы заболеваем желтухой. А ведь гордость — всего лишь одна из форм лицемерия или, точнее, разветвленная, как при раке, форма, когда ложь подчиняет себе самые высокие человеческие качества — способность к суждению и волю. Народы, провозглашающие себя добродетельными, находятся на самой первой ступени лицемерия. А лицемерие величия является симптомом такого затвердения тканей, от которого уже нет лекарства. Вот почему тоталитарные государства внушают нам сложное чувство, которое нас парализует и которое они принимают

за ужас. Они должны бы вызывать у нас смех, но мы не в состоянии больше смеяться, потому что признаем за ними нечто вроде могильного величия. Сказать, что они бесчеловечны, — значит не все сказать. Они непомерны, к ним не подобрать мерку, слишком велики для той крошечной частицы человечности, которая в них содержится и которая уменьшается с каждым днем. С людьми или же с гигантскими насекомыми придется нам иметь дело завтра? Когда-то, в эпоху Столетней войны, наши предки ужасались, заслышав чудовищное «Ур-р-ра!» англичан, которых они, кстати, звали «годонами». При этом громовом, троекратно повторенном, скандируемом тысячей глоток крике бедняги, привыкшие воевать так же, как занимаются любовью, парами, лицом к лицу, спрашивали себя, не являются ли все эти сплотившиеся воедино черти одним-единственным чудовищем... А потом Спасительница Франции, маленькая мудрая пастушка из-под Грё[126], столь «доблестная видом своим и речами», в своей позолоченного сукна хуге поверх белых доспехов, с неустрашимым взглядом, пер-

[126] Комментарии: 1.126

Пастушка из-под Грё — Жанна д'Арк. Грё — деревушка рядом с родной деревней Жанны д'Арк, причем два прихода составляли единое целое и назывались вместе «край Грё».

вая поразила чудовище. Эти крики «Ур-р-ра!» ее совершенно не смущали. Во все века Францию будут спасать дети.

Нечего гордиться, что ты француз. В основе всякой гордости лежит старинная закваска идолопоклонства. А мы не являемся нацией идолопоклонников. Мы наименее идолопоклонствующий народ в мире. Поэтому-то идолопоклонники нас обвиняют в том, что мы нерелигиозный народ. В нас отсутствует склонность обожествлять что бы то ни было. Мы оказались единственным народом, что в самый разгар человекоубийственного исступления в качестве трагического свидетельства собственного безумия воздвиг не против Бога, а против самого себя алтарь Всеобщего Разума[127]. Обожествление Разума, возможно, и не является актом идолопоклонства. Лучше обожествлять Разум, чем Природу или Расу; лучше обожествлять Разум, чем самого себя. Мы не являемся народом-гордецом. Мы не хотим, чтобы нас боялись. Чужой страх не вызывает у нас ни

[127] Комментарии: 1.127

Алтарь Всеобщего Разума — в борьбе с христианской религией некоторые руководители Французской буржуазной революции предложили создать культ Разума. На площади Бастилии была сооружена огромная статуя богини Разума и был организован 10 августа 1793 г. праздник в ее честь, а 10 ноября праздник состоялся также в Соборе Парижской Богоматери.

чувства безопасности, ни чувства превосходства. В любую минуту страх, так же как и мужество, может разгореться и, превратившись в панику, привести к большему безумию, чем самая безумная храбрость. Чужой страх отравил бы воздух, которым мы дышим, и хлеб, который мы едим. Нам кажется, что народы, черпающие свои силы в ужасе, который они внушают другим, терзаемы теми же демонами страха. Они подобны старым девам, что, храня добродетель, вечно суют нос в чужие постели и грязное белье.

Двумя самыми мощными двигателями имперского величия были жадность и страх. Каждая покоренная нация, добавляя свою долю страха к страху других, будила защитный рефлекс до тех пор, пока все поры огромного прогнившего тела с разжиженным мозгом не начинали извергать кровь и золото. Женоподобные типчики из националистической прессы, которых вот уже столько веков воодушевляет мускусный запах волосатых мужчин, захотят убедить меня в несправедливом отношении к римской истории. Проявление великой скудости ума — считать, что сила народа зиждется на добродетелях, которыми измеряется благородство человека. Величие и мощь Римской империи не служат оправданием самого рим-

лянина. Даже болванам стоит задуматься над тем, что национальным развлечением народа, наследника — хотя и недостойного — самой гуманной цивилизации, был цирк с его дикими празднествами. Никому не придет в голову отрицать, что изучение английских видов спорта поможет будущим историкам в какой-то мере лучше понять психологию англосаксов. И если чуждый бескорыстному занятию каким-либо видом спорта римский гражданин, проводивший досуг за столом или в бане, стремился как можно чаще попасть в амфитеатр цирка, где развлекался, глядя на всякую мерзость, то для меня уже не имеет значения, что он строил мосты, дороги, акведуки; мы знаем, что он скотина. Только в воспаленном мозгу могла возникнуть идея посадить молодую девушку в сеть для того, чтобы было удобней видеть, как бык поднимет ее на рога.

Я говорю это не для того, чтобы как-то задеть преподавателей гуманитарных наук, а потому, что мне, точно так же как и им, Римская империя представляется завершенным типом определенной ступени мирского величия. Ни боги настоящего, ни боги будущего не добьются лучшего. Без толку утверждать, что подобный уровень величия, несмотря на всю школьную

пропаганду, не внушает никакого уважения французской молодежи. Римская история наводит скуку на молодых французов. Среди бесчисленных книг, написанных с целью позабавить или взбудоражить молодых французов, нет ни одной, в которой рассказывалось бы о приключениях потомков Ромула[128]. Этот факт можно по-прежнему не принимать во внимание, так как большинство бумагомарателей, которые в глазах иностранцев считаются выразителями национального общественного мнения, являются бывшими «сильными учениками по предмету», гордящимися тем, что окончили среднюю школу. Бедняги! Из ста, из тысячи французских детей нам не найти ни одного, который не молился бы за Ганнибала и слона Гетула[129], не принимал

[128] Комментарии: 1.128

Потомки Ромула — римляне. По преданию, Рим был основан Ромулом и его братом-близнецом Ремом в VIII в. до н. э., причем Ромул стал его царем.

[129] Комментарии: 1.129

Гетул — имя этого легендарного слона упоминается в «Римской истории» историка Тита Ливия, а французам оно хорошо известно еще и благодаря тому, что фигурирует в одном хрестоматийном стихотворении поэта-парнасца Жозе Мария де Эредия.

бы с Митридатом[130] противоядие, не смеялся бы вместе с галлами в лицо лысым сенаторам[131]. Словом, «Рим» немедленно вызывает в памяти грузную фигуру Нерона[132], гладкие ляжки Гелиогабала или лошадь Калигулы[133]. Это предвзятое отношение не столь абсурдно, как может показаться. Маленький француз с хорошими задатками инстинктивно тянется не к социальным институтам, а к человеку, он судит о цивилизации по человеку, которого она сформировала. Он не терпит в ней диспропорции между заслугами и престижем. И разве столь важно, способен или нет маленький француз высказать такое суждение, которое, впрочем, принадлежит не ему, а его предкам и является своего рода наследственным рефлексом. Разве столь важно, что он не знает

---

[130] Комментарии: 1.130

Митридат VI Евпатор (132-63 до н. э.) — царь Понта. Вел войны со скифами и подчинил все побережье Черного моря. Римлянам, боровшимся за гегемонию в Малой Азии, удалось его победить лишь благодаря многолетней войне, после чего он покончил с собой. Известен тем, что все попытки его отравить кончались неудачей.

[131] Комментарии: 1.131

…не смеялся бы вместе с галлами в лицо лысым сенаторам. — Очевидно, Бернанос имеет в виду упоминание у Тита Ливия об «удивлении» галлов, попавших в Рим после победы над римскими войсками в 390 г.

[132] Комментарии: 1.132

Нерон (37–68) — правивший с 54 по 68 год римский император из династии Юлиев-Клавдиев. Согласно источникам, жестокий, самовлюбленный, развратный. Репрессиями и конфискациями восстановил

против себя различные слои общества и в конечном счете вынужден был покончить жизнь самоубийством.

[133] Комментарии: 1.133

Калигула (12–41) — правивший с 37 по 41 год римский император из династии Юлиев-Клавдиев. Стремление Калигулы к неограниченной власти и требование почестей себе как богу вызывали недовольство сената и преторианцев. Известен эпизод, когда он приказал привести лошадь заседать в сенате. В конечном счете был убит преторианцами.

основного различия между силой и славой; главное, чтобы он опасался одного и всем сердцем стремился к другому.

Нечего гордиться, что ты француз. Мы слишком любим славу. За неимением славы мы, увы! довольствуемся спокойной и приятной жизнью, осененной благожелательностью, точно так же как наши пейзажи осенены мягким небом, расчерченным серебряными нитями дождя. «Французы любят славу», — говорил Бонапарт, но нет уверенности, что этот корсиканец генуэзского происхождения, больше политик, чем солдат, вкладывал в это слово тот же смысл, что и его гренадеры. Как все представители его расы, он презирал людей. Тот, кто презирает людей, не может полюбить славу, так как славу дают нам люди и в конечном счете она стоит того, чего стоят они сами. Нет славы без преклонения, нет истинного преклонения без любви или любви без свободы. Та форма величия, которую называют имперской, не нуждается ни в преклонении, ни в любви. Мы никогда не были и, слава богу, никогда не будем имперским народом. Когда француз пишет подобные, на первый взгляд столь банальные, вещи, он может отложить перо и молча задуматься на минуту. Хотелось

бы выразить его мысли несколькими немного тривиальными фразами, так как именно таким образом мы привыкли выражать между нами то, что должно оставаться недоступным для людей равнодушных или посторонних. Наше представление о славе, если мы сможем каким-то невероятным образом втиснуть его в рамки одного из логических определений, которые нам так хорошо удаются, оправдало бы нас перед всеми, ознакомило бы всех с тайной нашего мирского призвания, тайной божьих помыслов в отношении нашего народа. Но французы не любят произносить слово славы без улыбки; оно возлагает на них слишком серьезную ответственность, слишком настойчиво напоминает им о нашем долге и о том, ради чего мы рождены. Французы предпочитают говорить о славе, как о любви, с — увы! — немного озорной ухмылкой, которая приводит в замешательство ханжей. Когда мы говорим о славе, у выскочки-иностранца, коронованного мужлана, раба, вооруженного до зубов раба, немедленно возникают ассоциации: Могущество, Богатство, Господство. И тут же люди, верящие в Бога, призывают нас презирать всю эту суету. Что ответить на это? Нам хорошо известно, что слава, о которой мы думаем, не

является ни суетой, ни ложью. Нам известно, но, к сожалению, это не та убежденность, которую любой француз может аргументировать перед лицом теологов, моралистов, политиков или философов. Стоит ему произнести это святое слово, как он оказывается в родовом святилище, под укрытием высоких сводов, и, увы, порой сам того не ведая, этот мужественный человек попирает ногами каменные плиты, под которыми покоятся его предки. Пусть ему там хорошо и он чувствует себя как дома, но он немного скучает, мнет в руках кепку, стыдится показать эти старые камни иностранцам, которые строят такие современные комфортабельные здания… О нет, конечно же, нет! Нечего гордиться, что ты француз.

Как ни один другой народ, мы связаны с прошлым крепкими и тесными узами, но они остаются для нас невидимыми. Народы-консерваторы считают себя более верными прошлому, чем мы, потому что они, как достойные уважения достопримечательности, семейные безделушки, парик лорда-мэра или парик бургомистра, передают из поколения в поколение традиции, которые никто не оспаривает. Зачем их оспаривать? Кому они мешают? Верно, у нас нет такого чувства прошлого, которое, впрочем, в Англии путают

с чувством юмора. Мы не склонны верить, что подобными знаками почтения, которыми обмениваются светские люди, или фамильярностью мы примиримся с умершими. Мы не Думаем, что рассчитались с прошлым только потому, что с покровительственной снисходительностью называем его «старым добрым временем». И если порой и клевещем на него, то делаем это подобно тому, как кощунствует христианин. Это прошлое слишком напоминает нашу собственную совесть, это сама наша совесть.

Милостью божьей чреда революций и усилия политиков волей-неволей превратили наш патриотизм в религию без обрядов, в голый культ, в котором доля привычки доведена до крайности. Честь Франции существует, мы это знаем, но она больше не воздействует ни на наши социальные институты, ни на наши законы; она больше не имеет мирской формы, мы храним в себе ее традиции не столько для того, чтобы по-прежнему следовать ее правилам, сколько для того, чтобы вывести из нее большинство наших высказываний о людях, ибо она является как бы критерием нашего морального суждения. Мы не обольщаемся по поводу цены этой чести, мы неохотно клянемся ею, выступая против других. В этом за-

ключается весьма примечательная черта нашей психологии: хотя мы сознаем наши различия, нам претит принимать их во внимание, как будто они обязательно должны послужить свидетельством против нас. Как мы охотно из вежливости повторяем, что «один человек стоит другого», мы точно так же говорим, что наша честь стоит чести других. Вот почему пишущие на французском языке итальянские журналисты, которые задают тон в нашей прессе, могут безнаказанно заявлять, что нет различий между колониальными войнами, что завоевание Эфиопии[134] точно так же делает честь осуществившей его вырождающейся нации, как нашей — завоевание Конго Саворньяном де Бразза[135], вооруженным лишь врачебной сумкой, или покорение Марокко Лиоте, последним из великих французских вельмож.

Вот моралисты и ханжи без стеснения и проповедуют нам безразличие к славе. Зачем нужна этим глупцам наша слава! «Зачем человеку покорять мир, если при этом он теряет душу».

---

[134] Комментарии: 1.134

Завоевание Эфиопии — в результате итало-эфиопской войны в 1935–1936 гг. Эфиопия была захвачена Италией.

[135] Комментарии: 1.135

Бразза Пьер Саворньян де (1852–1905) — французский путешественник. Его экспедиции в Африку (1875–1897) положили начало колонизации области, позднее получившей название Французского Конго.

Можно сколько угодно твердить себе, что все дороги, ведущие к богу, хороши, но как не улыбнуться при мысли, что подобная бесконечно повторяемая фраза могла превратить офицера, участвовавшего в осаде Памплоны, в святого. Кто из нас, шутников, мечтает о покорении мира? Что за странное представление о славе! Нетрудно и без помощи божьей благодати представить себе, какого рода прием устроил бы кастильский дворянин, сухой, как виноградная лоза, желтый, как жёлчь, преследуемый видением смерти и ада, Жанне д'Арк, если бы несчастная пастушка родилась много позднее и поведала ему свои смелые планы. Освободить Орлеан, ввести дофина в Реймс, сбросить годонов в море — суета сует! Противостоять лекарям, дерзко отвечать церковной инквизиции, «скорее отдать себя в руки богу, чем церковникам», сдержать данное слово, вершить суд в вопросе о законности прав наследников престола, в то время как сам Святейший Престол поостерегся встать на чью-либо сторону, — какая кощунственная самонадеянность! Это наша самонадеянность. Не церковникам была вверена французская честь. Если бы мы когда-нибудь подумали сделать из французской чести одну из евангельских добродетелей, духовенство оказа-

лось бы в выгодном положении по сравнению с нами, и не без оснований. Но ни честь, ни земля Франции не были отданы на попечение церковникам, наша земля и наша честь составляют единое целое. Так пусть же это достояние будет нашим! Мы охотно признаем, что оно преходяще. Что нам до того? Что нам до того, что оно преходяще, раз бог и нас создал смертными, и только от нас будет зависеть, уйдем ли мы из жизни раньше этого достояния.

Ни почета, ни мелкого тщеславия в том, что ты француз, нет. И позвольте мне еще раз высказаться в том же духе: быть христианином — это также не честь. У нас не было выбора. «Я — христианин, почитайте меня», — наперебой кричат Князья церкви, Книжники и Фарисеи. А надо бы со смирением сказать: «Я христианин, молитесь за меня!» У нас не было выбора. Когда и так очень нелегко быть французом, малейшее самолюбование, самый беглый взгляд, брошенный в глубь веков, со всех сторон отделяющих нас от предков, может вызвать у нас головокружение. Как, мы уже так далеки от них, так одиноки? Они уже не смогут услышать нас, и, вздумай мы бросить им тревожный зов, он мгновенно замер бы у нас на устах. Ну что ж! Не будем звать их, стиснем зубы.

Остережемся измерять ширину дороги. То, что мы пытаемся сделать сегодня, другие уже делали в свое время, на своем месте, а они знали не больше нас. Рождение и жизнь нации — это всего лишь чудо, сотворенное Богом, прекрасное чудо. Мы участвуем в этом великом промысле только потому, что нам это предначертано божьей волей. В глубине души мы, вероятно, предпочли бы, чтобы нас оставили в покое, чтобы не было никогда в нашем детстве дня, того обычного, ничем не выделяющегося дня, когда мы смутно ждали какого-то чуда и вдруг услышали такой простой, с такой смиренной, такой будничной интонацией голос, говорящий на языке нашей родной провинции и едва отличимый от других знакомых голосов: «Ты француз. Теперь ступай, малыш, иди вперед, не останавливайся. Я все тебе объясню потом. Ты встретишь меня в час смерти. И тогда посмотри мне прямо в глаза: я тебе не изменю, мой мальчик…»

II

Несколько недель тому назад я отправился в Парагвай, тот самый Парагвай, который словарь Ларусса в один голос со справочником Боттэна нарекает земным раем. Земного рая я там не нашел, но чувствую, что мои поиски не закончены: я буду всегда искать его, я буду всегда искать эту потерянную, стершуюся из памяти людей дорогу. Вероятно, я от рождения отношусь к терпеливым, к породе никогда не отчаивающихся, для которых слово «отчаяние» лишено смысла и аналогично слову «небытие». И правы именно мы! Когда мне было десять лет, очень умные и, как правило, награжденные орденами дяди испытывали потребность дышать мне в лицо сигарным перегаром, делая вид, что их умиляют милые детские иллюзии. Ну что ж! Пришел черед и мне умиляться их иллюзиям. Я вижу сотворенный ими мир, я пожил в нем, я все еще в нем живу, и единственное несчастье, с которым я не примирюсь, это — умереть в нем. Но, возможно, он умрет раньше меня.

Из-за подобных речей, когда их понимают неправильно, меня часто принимают за бунтаря.

Но я никоим образом не являюсь бунтарем. Я твердо верю, что как в личной, так и в общественной жизни человек, достойный этого имени, прежде всего должен честно, по-мужски принимать те особые условия, которые ему предписывают его среда и его эпоха. Простой катехизис, к которому следует всегда прибегать, когда хочешь вернуться к здравому смыслу и избавиться от доктринеров того или иного направления, болванов от морали и болванов от статистики, подсказывает нам, что христианин, независимо от того, где он находится по воле бога, должен думать о своем спасении. Думать о своем спасении, спасать себя. Увы, всегда найдутся такие христиане, которые вкладывают в это выражение смысл: «Спасайся, кто может!», «Рванем отсюда что есть духу!». Но христианин не спасается один, лишь спасая других, он спасает себя. Я знавал одного старика, военного в отставке, которого потянуло к Богу, как старого осеннего шмеля к горшочку с медом. Обратившись к религии слишком поздно, для того чтобы легко смириться с обязательным изучением ее элементарных основ, приученный своей бывшей профессией решать проблемы, исходя из чрезвычайно конкретной точки зрения, он начал каждый вечер заносить в специальный

журнал количество индульгенций, заработанных за день: тридцать здесь, пятьсот там. Несколько месяцев спустя он достиг впечатляющей цифры, тем более что его опыт позволял ему, избегая потери времени и пренебрегая мелкими выгодами, выбирать наиболее удачные комбинации. К счастью, ему пришла идея попросить одного священника, которого я тоже хорошо знаю, проверить свою бухгалтерию, и тот, мягко пожурив его, бросил его бухгалтерскую книгу в огонь.

Снова буду говорить, что, рассказывая эту историю, я наношу вред истинным верующим. То же самое говорили еще во времена Мольера[136]. Настоящие христиане обладают очень эффективным средством, позволяющим им выделяться среди других, им достаточно проявить милосердие, идущее от сердца, единственное, на которое не способен Тартюф, так как если он и способен читать проповеди, то уж любить-то он не умеет. Самопожертвование является весьма убедительным свидетельством истины, на служение которой претендуют. И потом, пусть лучше сто

[136] Комментарии: 1.136

То же самое говорили во времена Мольера. — Бернанос намекает на комедию знаменитого французского драматурга (наст. имя Жан-Батист Поклен, 1622–1673) «Тартюф», в которой в сатирическом ключе изображен тип лицемерного святоши и которую некоторое время запрещали ставить на сцене.

верующих сойдут за Тартюфов, чем один Тартюф за верующего! Ибо в первом случае в результате ошибки будет скомпрометирована честь только ста христиан, в то время как самозванство только одного Тартюфа ставит под сомнение честь самого Христа.

Повторяю, что, излагая столь очевидные, всем доступные истины, я никоим образом не считаю себя бунтарем. Понятие бунта содержит в себе идею ненависти или презрения к людям. Боюсь, что бунтарь не способен дать столько же любви тем, кого он любит, сколько ненависти тем, кого он ненавидит. Подлинные враги общества не те, кого оно эксплуатирует или тиранит, а те, кого оно унижает. Вот почему в рядах революционных партий так много безработных бакалавров. У меня нет никаких причин для личной неприязни к обществу, и если я и хочу, чтобы оно изменилось или чтобы оно погибло, то желание это вполне бескорыстно. По правде говоря, общество не обмануло моих надежд, поскольку мне не пришло в голову просить у него то, чего оно мне дать не в состоянии: честь и счастье. Общество раздает награды и членство в Академии, я не хочу ни того и ни другого. Что касается состояния, то не будем о нем говорить: я совершенно неспособен

обогатиться ни при каком режиме. Поэтому я считаю, что я следовал правилам игры. Я настолько странен, что воспитываю шестерых детей в период, когда отцы семейств как никогда заслуживают необычного титула, данного им Пеги: «эти величайшие авантюристы нашего времени»[137]. Разве не смешно слышать, как серьезные люди называют меня опасным возмутителем спокойствия, как будто мне самому нечего защищать? Они говорят об обществе как о своей собственности только потому, что они отдали ему на сохранение свои бумажные деньги, курс которых определяется спекуляцией. А то, что я отдаю на хранение обществу или по меньшей мере то, что постепенно, к моей тревоге, тает у него в руках, заключается в духовных ценностях, которые, слава богу, не имеют курса на банковском рынке, но зато являются залогом всех других ценностей, без них и преисполненные важности глупцы, что критикуют меня, были бы полным ничтожеством.

Слово «порядок» не сходит у них с уст. Какой порядок? Существует христианский порядок.

---

[137] Комментарии: 1.137

«Эти величайшие авантюристы нашего времени». — Это выражение фигурирует в книге Шарля Пеги (1873–1914) «Кино, диалог истории языческой души» (1917).

Наш порядок — это правопорядок. Прошу недоверчивых принять сейчас во внимание только сам принцип этого порядка и забыть о постоянных срывах в его мировом осуществлении. Этот порядок — порядок Христа, и католицизм сохранил его основные определения. Что касается его мирского осуществления, то не теологи, не казуисты и не доктора, а мы, христиане, должны о нем позаботиться. Однако большинство христиан, по-видимому, начисто забыли об этой элементарной истине. Они думают, что царство божье наступит само по себе при условии, что они будут соблюдать нормы морали, которые, кстати, являются общими для всех порядочных людей, не будут работать по воскресеньям (если только от этого не слишком пострадают дела), а будут в этот день ходить на простую мессу и сверх того — уважать духовных лиц, то есть следовать советам проявлять осторожность, на которые духовенство щедро от природы, и, наконец, стараться игнорировать или даже бесстыдно отрицать то, что могло бы «играть на руку противнику». Это — все равно, что говорить, что во время войны армия отвечает надеждам нации, если ее солдаты в парадных мундирах маршируют под музыку и безупречно отдают честь офицерам.

Я вновь и вновь говорю, я не устану заявлять, что состояние, в котором в настоящее время находится мир, является позором для христиан. Разве они были посвящены в таинство крещения только для того, чтобы иметь возможность с высокомерным презрением судить несчастных неверующих людей, которые за неимением лучшего заняты абсурдным делом — тщетно пытаются своими собственными силами установить царство Справедливости без Справедливости, христианство без Христа? Неустанно, со слезами бессилия, лености и гордости на глазах мы повторяем, что мир дехристианизируется. Но не мир принял Христа[138] — non pro mundo rogo{32}, - Христос вошел в нас, а не в мир, это из наших сердец уходит бог, и это мы, несчастные, дехристианизируемся! Я знаю, что подобные речи вновь вызовут злобу некоторых достопочтенных людей. Мне все равно! Если бы я двенадцать лет писал романы, в которых, по примеру тех

[138] Комментарии: 1.138

Но не мир принял Христа… — Бернанос резюмирует выражение (Евангелие от Иоанна, I, 10–12) и ставит знак равенства со следующим далее в тексте выражением на латыни (Евангелие от Иоанна, XVII, 9), чтобы сделать вывод о том, что христиане больше уже не являются христианами.

{32} Примечания: 2.32

Не о всем мире молю (лат.).

или иных авторов, тщательно отмерял бы дозу адюльтера, мои цензоры наверняка относились бы ко мне с почтением, и вскоре под аплодисменты Благонамеренных я мог бы занять кресло во Французской академии между каким-нибудь Маршалом и Кардиналом[139]. Благонамеренные продолжают повторять, что от них требуют добродетелей, недоступных простым людям, тогда как их просят всего лишь признать то, чем они являются — посредственностями, каких много или отличающимися от других лишь абсурдной, кощунственной претензией на принадлежность к избранной, привилегированной части человеческого рода, в то время как каждая страница Евангелия гласит о бесполезности веры без дел[140] и о всеобщем оправдании людей доброй воли. Именно эту претензию мир ненавидит в нас. Нет больше избранного народа, в том смысле как его понимали Иудеи, считавшие, что плохой Иудей лучше хорошего необрезанного Гоя.

---

[139] Комментарии: 1.139

…между каким-нибудь Маршалом и Кардиналом. — То есть как Моррас, который, будучи избранным во Французскую академию, занял кресло между маршалом Петеном и кардиналом Бодрийяром.

[140] Комментарии: 1.140

…как каждая страница Евангелия гласит о бесполезности веры без дел… — Наиболее отчетливо об этом говорится в Послании Иакова (II, 14–26).

Посредственный христианин достоин большего презрения, чем любой другой посредственный человек, и падение его глубже, ибо происходит под огромной тяжестью снизошедшей на него благодати. К тому же неверные Иудеи принимали наказание более смиренно, чем вы. Они вполне соглашались с тем, что Навуходоносор[141] является орудием гнева господнего, в то время как вы принимаете своих преследователей за простых приспешников Сатаны, а преследования — за непреложное доказательство ваших заслуг и добродетелей. Кровь мучеников вызывает у вас ощущение собственной важности, как будто она была пролита за вас, тогда как она слишком часто проливается из-за вас. Если бы завтра свершилось невозможное и совершенство ваших методов, рвение вашей спортивной милиции, дисциплина ваших провоенных формирований и, конечно же, поддержка увы, небескорыстная — всех полиций мира остановили это непостижимое кровопролитие, обеспечив вам как беспрепятственное поль-

[141] Комментарии: 1.141

Навуходоносор II — царь Вавилонии в 605–561 гг. до н. э. В 605 г. захватил территорию Сирии и Палестины, в 598 г. совершил поход в Северную Аравию. В 597, а затем в 587 гг. разрушил восставший Иерусалим, ликвидировал Иудейское царство и увел в плен большое число жителей Иудеи. При нем были сооружены так называемая Вавилонская башня и висячие сады.

зование благами мира, так и мирное, ставшее безопасным существование посредственности, то само слово «христианин» приобрело бы скоро лишь историческое значение.

Я не презираю силу. Я даже нахожу смешными философов, для которых это слово мгновенно ассоциируется с образом военного. Эти господа не отказались бы объективно рассмотреть, к примеру, случай еврейского ростовщика, лавка которого в центре какой-нибудь русской или мавританской деревни кажется мне не менее смертоносной, чем пулемет. Если ростовщика убьют его голодные должники, будет сказано, что он пал жертвой силы. Но русский мужик, повесившийся после того, как его имущество было продано для уплаты долгов ростовщику, также является жертвой силы, так как в бесконечном деле истребления слабых — которых, впрочем, уничтожить невозможно, — деле, которое тянется из тысячелетия в тысячелетие, бесспорно, наиболее эффективной формой силы является хитрость. Будучи далек от какого-либо презрения к тому виду могущества, олицетворением которого является меч, я могу сказать в лицо некоторым церковникам, которые когда-то с пренебрежением относились к мечу в руках законных

властителей, а сегодня преклоняются перед мечом в руках галисийского авантюриста[142], дважды клятвопреступника, что я уважаю меч. Он никоим образом не является символом грубой силы, по меньшей мере для западного мира. Он является символом рыцарства, знаком рыцарской чести, и нет никакого парадокса в том, чтобы писать: подобный дух не имеет ничего общего с Макиавелли и латинским реализмом. Во времена, когда закованные в доспехи рыцари верхом на лошадях представляли грозную силу, а пешими становились беспомощными, как черепахи, заключенные в свой панцирь, любой военный-реалист убил бы прежде всего лошадь. Почему же такой столь соответствующий духу практицизма поступок считался в те време-

[142] Комментарии: 1.142

Галисийский авантюрист — Франсиско Франко Баамонде (1892 — 1975), глава испанского государства в 1939–1975 гг. В 1936 г. возглавил военно-фашистский мятеж против Испанской республики. Родом из исторической области Галисия. Он оказался вдвойне изменником потому, что предал в 1931 г. короля Альфонса XIII, а в 1936 г. — республику.

на неблагородным? Когда тамплиер[143] давал клятву не отступать перед менее чем тремя противниками, он не просто уравнивал свои шансы с противником, он добровольно утраивал риск для себя, как будто бы закон меча, отнюдь не являющийся ни законом грубой силы, действующим с максимальной эффективностью, ни правилом простой fair play{33}, находил свое завершение только в более высоком законе возвышения победы над натурой, что является нормой любого духовного героизма. Я не хочу сказать, что рыцари Ордена тамплиеров всегда рассуждали так, как я сейчас; я просто утверждаю, что ни один честный человек не назовет одним и тем же именем столь разных людей, как западный рыцарь и римский наемник, святой Людовик[144]

---

[143] Комментарии: 1.143

Тамплиеры — члены католического духовно-рыцарского ордена, основанного в Иерусалиме в 1119 г. Распространились во многих европейских государствах. Захватив огромные богатства, они стали банкирами папы и многих правителей. В конце XIII века обосновались во Франции. Король Филипп Красивый, желая завладеть имуществом ордена и сломить его силу, организовал против него инквизиционный процесс (1307–1314), в результате которого многие из его членов погибли на костре. А в 1312 г. по настоянию короля Франции папа Климент V упразднил орден.

{33} Примечания: 2.33

Честной игры (англ.).

[144] Комментарии: 1.144

Людовик IX Святой (1214–1270) — французский король (1226–1270).

Провел реформы по централизации государственной власти, заложив основы парламентаризма. Возглавил 7-й (1248) и 8-й (1270) крестовые походы. Поскольку он обладал репутацией очень добропорядочного человека, то его многократно призывали быть арбитром в различных конфликтах.

и Юлий Цезарь, Коллеони[145] и Жанна д'Арк. Того факта, что на заре современной истории умирающее древнее воинствующее христианство в последний раз узнало себя в Байяре[146], должно быть достаточно, чтобы заткнуть рот педантам, которые, отказываясь сделать необходимые различия, принимают тень от палки на стене за меч архангела. Вот я и проведу эти различия без них.

Когда мне говорят, что где-то в мире церковь для своей защиты обращается за помощью к солдатам, я и как солдат, и как христианин имею полное право заявить о своей заинтересованности этим важным событием. Церковь редко обращается к армии с призывом о помощи. То, что этот призыв является законным с точки зрения теологов, меня ничуть не касается, поскольку я не теолог. В конечном счете церковь не может пренебрегать помощью людей, и мне кажется, что обращение к солдату по меньшей мере столь же естественно, что и обращение к банкиру. В последнем случае осторожность требует убе-

[145] Комментарии: 1.145
Коллеони Бартоломео (1400–1475) — итальянский кондотьер, который оказывал свои услуги и Венеции, и Милану.

[146] Комментарии: 1.146
Байяр Пьер Террай де (1475–1524) — французский военачальник, прославившийся многочисленными подвигами и получивший прозвище «рыцаря без страха и упрека».

диться в платежеспособности банкира. Не менее необходимо заранее осведомиться о характере той войны, которую намереваются благословить. У меня нет никаких полномочий, чтобы судить о манифесте испанских епископов, да я и не позволю себе быть втянутым в контроверзы, мелочность которых неприятно напоминает споры раввинов. Те же самые доктора, которые в прошлом считали слишком снисходительными запреты на дуэли, с легкостью называли убийцей несчастного человека, который наивно верил, что защищает в честном поединке свое достоинство, сегодня освистывают любого, кто выступает против насилия, и с грубым смехом отправляют его в ближайшую клинику, с тем чтобы он подлечил там нервы. Но я не доставлю им таких хлопот. Я не отказчик по мотивам совести, не демократ, не пацифист и даже не вегетарианец. Я хотел бы изложить здесь всего лишь несколько простых соображений. На протяжении веков в мире было совершено немало жестокой несправедливости, однако духовенство издавна не одобряло торжественно насилие. И раз уж оно решилось теперь благословить войну, я могу лишь сожалеть о том, что это благословение пало именно на новую и весьма подозрительную форму войны. И впрямь,

современная тотальная война с ее методами уничтожения вскоре может поставить серьезную проблему морального плана перед солдатом. Если в прошлом ни один начальник никогда не требовал от своего подчиненного выполнения во имя дисциплины роли шпиона, отводившейся добровольцам, будет ли завтра повиновение достаточным, чтобы оправдать убийство женщин и детей методами, о которых и думать-то страшно и которые даже у ученых вызывают отвращение? В своем желании поскорее прийти на помощь генералу Франко испанские епископы, по-видимому, не придали большого значения этой точке зрения. Не странно ли, что церковники сработали так быстро, в то время как сами солдаты все еще колеблются? Оказалась ли осторожность церкви менее щепетильной, чем честь военных?

Эти слова сочтут неосторожными. Они менее неосторожны, чем молчание. Что касается меня, то я устал слушать, как меня обзывают пацифистом по той причине, что я отказываюсь пренебречь военными традициями моей страны и признать пронунсьяменто. Действительно, французское общественное мнение сегодня все еще, похоже, разделено по испанскому вопросу (хотя и намного меньше, чем вчера). Когда

порожденная страхом социальная ненависть наконец успокоится, станет ясно, что этот раскол был скорее кажущимся, чем реальным. Любой мальчишка в моей стране, к счастью еще не ведающий, что такое политическая ненависть, откажется назвать солдатом генерала, который имел несчастье предать два правительства и во главе банд своих сторонников, полудиких наемников и иностранцев вот уже двадцать пять месяцев опустошает свою собственную родину. Тщетными будут попытки квалифицировать «вызывающими сожаление эксцессами» уничтожение пленных, убийство раненых, сотрудничество войск и полиции в проведении операций по чистке в тылу; мы-то знаем, что эксцессы, совершаемые армией, носят совершенно иной характер, что армия, у которой появляются такие симптомы, в действительности армией не является, каким бы ни было личное мужество тех, из кого она состоит. Я считаю не бесполезным для Франции с присущим ей красноречием и чувством напомнить миру эти элементарные истины, значение которых не смогут умалить все теологи и болваны от морали, вместе взятые. Эти истины гуманны. Они могут быть выражены только на человеческом языке.

И этого достаточно для того, чтобы они привели в отчаяние тех, кто вложил свои надежды в некий бесчеловечный порядок, превосходящий мерку человека. Но мы-то знаем, что Христос явился в мир спасти человека, а не сверхчеловека.

Когда я называю себя роялистом, я прекрасно понимаю, что это заявление не представляет ни малейшего интереса для милых аргентинцев, которые видят в нем только утверждение политических пристрастий, имеющее для них такое же значение, как, скажем, признание в увлечении охотой или верховой ездой. Забывается, что представляют для нас монархические традиции. Ведь моя страна прожила тысячу лет под этим режимом! Но в действительности она не просто жила под этим режимом: режим и страна родились вместе[147]. Страна создавалась вместе с ним; таким образом, история режима является ее собственной историей — историей социальных институтов, законов, нравов прежней Франции (кстати, ее совершенно несправедливо называют «старой Францией»), которая почти нетронутой

[147] Комментарии: 1.147

…режим и страна родились вместе. — Идея, согласно которой «короли создали Францию», разделялась и членами «Аксьон Франсез», а вот развиваемая дальше идея преемственности старой Франции и Франции послереволюционной восходит к таким демократически настроенным мыслителям, как Мишле и Пеги.

сохранилась в современной Франции. Способ чувствования во Франции сложился задолго до 1789 года, и сто пятьдесят лет внешней отрицательной реакции на прошлое недостаточны для глубокого изменения наших моральных рефлексов и присущей нам концепции долга, любви, чести. Таким образом, глубинный ритм нашей внутренней жизни ничем не отличается от ритма жизни современников Людовика XVI. В этом смысле можно сказать, что все французы являются, как и я, монархистами. Сами того не зная. А я — знаю.

Более всего я убедился в этом в Испании. Несомненно, что эмоциональность этого великого народа весьма отличается от нашей. Там, где мы пытаемся убедить, с тем чтобы уговорить, его первым и, возможно, единственным побуждением является принудить. Когда же он применяет это принуждение к себе, подвергая себя опасности самоуничтожения, я не могу не осудить его. Каждый раз, когда меня пытаются силой убедить в чем-либо, заставить разделить трагическую мечту об обретенном или вновь обретенном огнем и мечом религиозном единстве, я восстаю. Как и вы все, я почитаю испанских святых, ставших жертвой столь странного раскола. Но пусть они

остаются там, где находятся. Я не хочу их видеть во французской церкви. У каждого из нас свой бог, но Евангелие является общим для нас. Пусть эта священная книга, единственное достояние людей, их единственное подлинное наследие в этом мире, будет залита только кровью мучеников! Мы не хотим видеть черную кровь казненных на белых, незапятнанных страницах Книги Блаженств[148].

[148] Комментарии: 1.148

Книга Блаженств — изложением свода так называемых Блаженств считается в христианской религии Нагорная проповедь (Евангелие от Матфея, V). Земным мучениям там противопоставляются ожидающие человека на том свете небесные услады, причем те и другие предстают в тесной взаимосвязи, как бы экстраполируя друг друга.

III

Март 1939 г.

Сейчас нам яснее причины кампании, ведущейся вот уже столько месяцев против масонской Чехословакии[149]. Теперь, когда мое любопытство удовлетворено или скорее — пресыщено, я могу решительно распрощаться с некоторыми бывшими друзьями, имена которых я постараюсь отныне забыть. И пусть они поостерегутся в будущем напоминать мне о себе.

Впервые я сожалею о своей безвестности и бедности. Я хотел бы иметь возможность обратиться к моей стране, не боясь при этом показаться смешным, обратиться к ней от чужого, не своего имени. «Французы!..» — сказал бы я. Но, едва написав это прекрасное слово, я не смог не посмеяться над самим собой. Чтобы обратиться к Франции, мне надо по крайней мере умереть.

Боюсь, как бы моя страна не позволила отравить себя стыдом, нет ничего более ядовитого, чем стыд, стыд не рассасывается; его надо вытолк-

---

[149] Комментарии: 1.149

Масонская Чехословакия — Эдуард Бенеш (1884–1948), являвшийся в то время президентом Чехословакии, был масоном.

нуть, надо изрыгнуть. Пусть каждый француз засунет два пальца в рот! Существует немало способов привыкнуть к стыду, лучший из них — постоянно думать о нем, жевать и пережевывать его. Вы говорите: «Нас предали». Что ж, если вы не в состоянии казнить предателей, нечего постоянно твердить об их предательстве. Их предательство — это ничто. Наша честь — вот что нам надо восстанавливать. Нам надо восстанавливать нашу честь. Удачный бросок костей не вернет нам нашу честь. «Но мы же не обесчещены!» Какая вам разница? Честь Франции не есть лишь результат сложения чести всех живых французов. Надо восстановить честь Франции. Это не получится без труда, без терпения, а также смирения. Не выставляйте напоказ миру вашу заживо ободранную, гримасничающую своими обнаженными мышцами гордость с ее вытаращенными, лишенными век глазами — вы станете посмешищем! Когда сын добропорядочной матери становится соучастником грязного дела, ему приходится все начинать сызнова, вступать в

иностранный легион[150]. Это самый короткий путь. Вашу гордость вам не залечить никакими мазями и примочками. Ждите в страданиях и унижениях, пока у вас не вырастет другая, новая честь.

Цель Гитлера, очевидно, заключается в том, чтобы унизить нас не в глазах всего мира, а в наших собственных, отвратить нас от самих себя. Вот почему после Мюнхена он не дает нам перевести дыхания, не дает времени пережить наш позор: он удваивает свои усилия, проявляет настойчивость. Он прекрасно знает, что мы не боимся его, не боимся его ударов. Он просто ждет, когда мы достаточно размякнем в некоем соку и уже не будем чувствовать себя в состоянии сражаться. Этот человек нас хорошо знает, когда-то в наших Арденнах, в нашей Фландрии он смотрел нам в лицо[151]. Когда мы отреклись от нашей подписи, он не отвернулся скромно, чтобы дать нам уйти: «Дружище, вы ничего не забыли на

---

[150] Комментарии: 1.150

Иностранный легион — название наемного военного формирования Франции, существующего с 1831 г. Состояло оно обычно главным образом из деклассированных и преступных иностранных элементов и использовалось для подавления национально-освободительных движений в колониях и революционных выступлений в метрополии.

[151] Комментарии: 1.151

...он смотрел нам в лицо. — Гитлер был участником первой мировой войны.

столе?» — «Что именно?» — «Ваше честное слово. Будьте любезны, заберите его и не забудьте дать мне расписку. Auf wieder sehen!»{34} Кажется, что с этим режимом англичане приобретают большее значение. У нас же он вызывает желание убить себя, а не убивать других.

(Впрочем, следуя именно такому же духу, переодетый в генерала подручный из галисийской бойни в течение двух недель заставляет томиться в ожидании маршала Петена. Когда от бывшего главнокомандующего французских вооруженных сил останется лишь небольшая кучка, которую легко можно будет собрать в кепи этого вояки, мы будем снова готовы, мы созреем.)

Мы переживаем наш позор, вместо того чтобы мужественно принять унижение. Оно для нас непоправимо. И для нас было бы совершенно бесполезно взывать к Франции прошлого или будущего, как будто у нас есть какие-то права на прошлое или будущее. Мы представляем сегодняшнюю Францию, и именно с этой Францией диктаторы обращаются, как со шлюхой. Я повторяю, это бесчестье непоправимо только для нас. Мы все понесем за него ответственность перед

{34} Примечания: 2.34
До свидания (нем.).

историей. Наши стоны не обезоружат историю, как, впрочем, и наши проклятья. Так зачем же пытаться исподтишка поменять местами роли? Не мы приходим в отчаяние от Франции, это Франция приходит в отчаяние от нас.

Для Франции мюнхенский диктат стал поражением. Он стал позором только для нас. Для любой страны, какой бы благородной она ни казалась, существует опасность рано или поздно под давлением силы быть вынужденной сдаться, приняв условия победителя. На этот раз сдалась страна, мы же отдались. 30 сентября на Елисейских полях мы услышали то, чего не слышали никогда, чего никогда больше не услышим у нас: «Te Deum» в исполнении трусов перекрывал все Марсельезы[152]. Горе младенцам-французам, зачатым в ту ночь…

Величайшим несчастьем является то, что во Франции больше нет короля. Но в сто раз хуже, то, что, поменяв свое христианское имя, данное ей при крещении, для жизни на имя Нация, заимствованное из жаргона интеллектуалов, она

---

[152] Комментарии: 1.152

«Te Deum» в исполнении трусов перекрывал все Марсельезы. — 30 сентября 1938 г. президент Франции Даладье, возвращавшийся из Мюнхена с ощущением, что он только что подписал позорный договор и ожидавший самого негостеприимного приема со стороны толпы, был удивлен, когда его встретили почти как победителя.

стала принадлежать националистам. Родина для патриотов — это все равно, что церковь для ханжей, это должно было кончиться катастрофой. Не имеет никакого значения то, что эти патриоты — хорошие люди; на мой взгляд, Родина хороших людей равнозначна выражению «бог хороших людей» — то есть ничто, меньше чем ничто, нелепость. А разве во имя нелепости можно страдать и умирать? Перед средним патриотишкой, зачисленным в ряды националистов, открылись головокружительные горизонты политических наук. Достоинством той разновидности Родины, которую он наивно отождествлял со своей собственной персоной, было по крайней мере то, что она на него походила. У него же отняли эту пасторальную картинку, и та Франция, которую ему предлагают, настолько сложна, что он в ней ничего больше не понимает и даже не пытается понять.

Перед войной я, как и все, присутствовал на ревю мюзик-холла, которые заканчивались апофеозом патриотизму: двести девушек в красных штанишках, размахивающие жестяными саблями вокруг одетой в черное фигуры, олицетворяющей Эльзас и Лотарингию. Ясное дело, гордиться было нечем. Зато, уж поверьте мне,

вам не удалось бы затащить в Мюнхен патриотишку, который субботним вечером заявился со своей дамой в «Ба-та-Клан», чтобы насладиться там вишней в водке. Вишневая косточка застряла бы у него в глотке. Представляемая им Франция была такой же средненькой, как он сам, но он бы ей не позволил то, что запрещал себе, он бы не захотел, чтобы подписанный ею договор имел значение необеспеченного чека. Сегодня этот самый патриотишка, ставший националистом, покраснел бы за свою сентиментальность. Он читал Морраса[153] так же, как его дедушка читал Вольтера, и, будучи неспособным подняться до уровня возвышенных научных спекуляций, он ждет, что Моррас урегулирует его отношения с родиной, как Вольтер урегулировал отношения его деда с богом философов. Именно так понемногу осуществляется умственная операция, которую психоаналитики называют превращением. Именно на Морраса полагаются Бувар и

[153] Комментарии: 1.153

Он читал Морраса… — Шарль Моррас (1868–1952) на протяжении по крайней мере полувека оказывал огромное влияние на политическую и литературную жизнь Франции. По выражению Андре Мальро, он был «одной из величайших интеллектуальных сил современности».

Пекюше[154], стремясь приобрести по подписной цене здравую любовь к Франции, рациональное, основанное на эксперименте знание французских интересов. К сожалению, получается так, что всегда прав Моррас, выступающий от имени вымышленной Реальной Страны[155], а не Франция, которая таким образом в глазах Бувара и Пекюше выглядит дурочкой. В течение тридцати лет каждое утро Франция, немного бледная, с зажатым под мышкой портфельчиком, карабкается по лестнице на улице Верней и робко усаживается перед этим знаменитым холостяком в стоптанных башмаках, чтобы услышать, что она не имеет понятия о своем предмете, не знает элементарных вещей. Каждое утро уже тридцать лет, уже тридцать лет каждое утро переступающую порог

---

[154] Комментарии: 1.154

Бувар и Пекюше — персонажи незаконченного и изданного в 1881 г. романа Гюстава Флобера «Бувар и Пекюше», в котором рассказывается история двух обывателей, пытающихся приобщиться к наукам, но в силу своего скудоумия приобретающих лишь прописные истины.

[155] Комментарии: 1.155

Реальная Страна — одна из категорий моррасовской социологии, обозначающая французскую интеллектуальную и духовную элиту, связываемую с такими ценностями, как традиция, раса, почва. Эта категория противопоставляется «узаконенной стране», то есть чиновникам, вознесенным к власти республиканским строем и плутократией. Бернанос, однако, убедился, что моррасовская «реальная страна» — это всего лишь сборище «благонамеренных» и что различие между двумя «странами» оказалось мнимым.

бедняжку ждет то же самое обескураживающее пожатие плечами, предвещающее дополнительные занятия в воскресенье. Так пусть же однажды эта несчастная, выслушав его комментарий, ну хотя бы к государственному перевороту, крикнет наконец этому неисчерпаемому на речи старцу: «Поскольку ты не хочешь, чтобы я кому-то принадлежала, так возьми меня по крайней мере сам, ты, импотент!» На что, поправив подтяжки, профессор ответил бы: «Сударыня, мое дело — не обладать вами, а учить вас».

Я могу сколько угодно писать имя Шарля Морраса. Меня не упрекнешь в том, что я набросился на побежденного. Все знают, что прием великого писателя в Академию[156] закончится апофеозом. Еще раз попытаюсь говорить о нем, не опускаясь до низости: я думаю, он не заблуждается относительно предстоящего триумфа. Он прекрасно знает, что сложившееся со времени эфиопской кампании[157] единодушие вокруг его имени пре-

---

[156] Комментарии: 1.156

…прием великого писателя в Академию… — Моррас был избран во Французскую академию в 1938 г., официально его туда приняли в 1939 г., но в 1945 г. оттуда исключили.

[157] Комментарии: 1.157

…со времени эфиопской кампании… — Моррас поддержал агрессию фашистской Италии против Эфиопии в 1935 г. и ратовал за сближение Франции с Италией.

возносит его как личность, но при этом является горьким предательством по отношению к его судьбе. Такой человек, как он, не может строить иллюзии по поводу своего значения для людей, которые не читали и никогда не прочтут его книг, а его идеи используют в качестве алиби. Мы охотно могли бы допустить, что эти идеи служили алиби глупцам консерваторам. Но как сентябрьские, так и мартовские события[158] убеждают нас в том, что они служат алиби и трусам. Мы не перенесем этого скандала.

Всеми своими силами, всем своим влиянием, всем своим красноречием, подогреваемым личными антипатиями, прежде столь живучими, сегодня же разложившимися и полными старческого яда, Шарль Моррас попытался ввести в заблуждение совесть моей страны в тот самый момент, когда во всем мире наши друзья ждали от нас если не какого-то бунта чести, то по крайней мере явных признаков угрызения совести. Была ли Франция в состоянии сражаться или нет, я не знаю, и не мне об этом судить. Отмечу, однако,

---

[158] Комментарии: 1.158

Но как сентябрьские, так и мартовские события… — в сентябре 1938 г. было подписано Мюнхенское соглашение, в котором Франция и Великобритания выражали свое согласие на занятие Германией принадлежащей Чехословакии области Судеты, а в марте 1939 г. Германия захватила всю Чехословакию.

что мнение генералиссимуса об этих днях беды сегодня известно[159]. Я лишь обвиняю Шарля Морраса в том, что он задал тон так называемой национальной прессе, и утверждаю, что этот тон был отвратителен. Разве самые решительные пацифисты согласятся с тем, что можно предать союзника и не испытывать при этом потребности плюнуть ему в лицо? Такая позиция отвечала желаниям Гитлера. Гитлеру гораздо менее важно занять Прагу, чем превратить в ничто слово, данное Францией. «Видите, — говорил он, — эти негроиды не только отказываются от своего слова, но еще и хвастаются этим, а их молодежь при этом заливается смехом». — «Стану я корячиться ради чехов? Смерть воякам!» Как раз вчера Польша ответила этим господам: чтобы пойти навстречу пожеланиям правительств демократических стран, она заявляет о своем желании получить более существенные гарантии, нежели обоюдные подписи Франции и Англии.

От послевоенного поколения, представителям которого сейчас по тридцать с лишним лет, мы не требуем героизма. Кое-как оно выполняет

---

[159] Комментарии: 1.159

…мнение генералиссимуса об этих днях беды сегодня известно. — Звания генералиссимуса во Франции не существует. Вероятно, Бернанос имеет здесь в виду генерала Гамелена, о котором речь идет ниже.

свою задачу, то есть я хочу сказать, что оно затыкает собой дыру, дыру в истории Франции. Но нельзя требовать от всемилостивого бога, чтобы он отдал все силы изготовлению затычек. Могу я по крайней мере уважать в этом несчастном поколении поколение завтрашнее, которое я не узнаю, но пришествие которого я приветствовал в первой главе «Великого страха». Пусть вы не хотели войны. Я хочу верить, что вступать в войну было нельзя. Вопреки мнению генерала Гамелена[160] я готов согласиться с Шарлем Моррасом, что поспешное производство нескольких сотен самолетов компенсирует для нас потерю Чехословакии, закрепление итальянцев на Балеарских островах и в Испании, поглощение Румынии, завершение строительства линии Зигфрида и потерю нашего престижа. Действительно, когда мы будем связаны по рукам и ногам, нам придется заплатить очень высокую, самую высокую

[160] Комментарии: 1.160

Гамелен Морис Гюстав (1872–1958) — генерал, назначенный в 1935 г. на должность начальника Генерального штаба Армии, а в 1938 г. занявший должность начальника Генерального штаба Национальной обороны. В начале войны с сентября 1939 г. по 19 мая 1940 г. командовал объединенными франко-британскими войсками.

цену — отдать Аяччо и Тунис[161] — за нейтралитет Муссолини, и тогда национальная пресса наконец-то достигнет своей цели: она наконец-то возвратится в лоно латинского мира. Пусть она там останется и подохнет!

В глубине души мы прекрасно понимаем этих господ. Будучи слишком скомпрометированы саботажем в Женеве и саботажем санкций[162], завоеванием Абиссинии[163], победой генерала Франко, они теперь нуждаются во что бы то ни стало и чего бы это нам ни стоило в успехе альянса с Италией, иначе они закончат свои дни в капонире Венсеннского замка, в Академии капониров[164]. Ну и пусть! Наша капитуляция была несчастьем, их я обвиняю в том, что они превратили ее в подлость. Что вы хотите? Им обя-

---

[161] Комментарии: 1.161

...отдать Аяччо и Тунис... — после заключения мюнхенских соглашений Муссолини обнаглел и стал требовать, чтобы Франция отдала ему Ниццу, Корсику и Тунис.

[162] Комментарии: 1.162

Саботаж санкций — «Аксьон франсез» и другие организации правых саботировали экономические санкции против Италии, предпринятые Великобританией и Францией после начала фашистской агрессии в Эфиопии.

[163] Комментарии: 1.163

Завоевание Абиссинии — Эфиопия капитулировала в мае 1936 г.

[164] Комментарии: 1.164

В капонире Венсеннского замка, в Академии капониров. — В капонире Венсеннского замка во Франции расстреливали осужденных

за государственную измену. Здесь еще и игра слов: капонир, то есть траншея, ниша — по восходящей к испанскому и итальянскому языкам этимологии означает «клетка для откармливания каплунов».

зательно надо было пощадить свое самолюбие в глазах не слишком надежной публики, которая в любой момент могла пинками сбросить их с насиженного места. Надо было, чтобы Моррас продолжал разыгрывать перед своей служанкой Суллу[165] или Молчаливого[166]. Прежде всего надо было избежать потери сторонников. И в результате Франция нигде не заявила того, что от нее ожидали: «Я совершила дурной поступок. Когда-нибудь я его исправлю. Клянусь его исправить. Возможно, я была не права, создав чешское государство, но абсолютно очевидно, что я совершила клятвопреступление. Я не поставлю на один уровень ошибку и клятвопреступление, я не буду компенсировать одно другим. Даже если случится невероятное и я в конечном итоге получу какие-то выгоды от этого мошенничества, я никоим образом не буду считать себя свободной

---

[165] Комментарии: 1.165

Луций Корнелий Сулла (138-78 до н. э.) — римский полководец и государственный деятель. В 84 г. одержал победу над Митридатом VI. Победив Г. Мария в гражданской войне, стал в 82 г. диктатором; проводил массовые репрессии. Достигнув апогея могущества, внезапно в 79 г. сложил с себя свои полномочия и удалился в провинцию.

[166] Комментарии: 1.166

Молчаливый — вероятно, Бернанос имеет в виду принца Вильгельма Оранского-Нассау, по прозвищу Молчаливый (1533–1584), голландского политического деятеля эпохи борьбы против испанского владычества, известного своим пристрастием к сложным политическим интригам.

от долгов. Ибо справедлива мысль, что политика — это наука фактов. Но я, Франция, существую для того, чтобы заявлять мерзавцам, что честь народа — это тоже факт».

Мы утверждаем (как и любой француз за границей), что наше предательство Чехословакии вызвало меньше возмущения, чем наше кривлянье. Цинизм доступен не всем, а наш цинизм отдавал поочередно педантизмом и лакейством. Вы мне скажете, что мы не могли одновременно улыбаться и дрожать от страха, сохраняя при этом непринужденный вид. Подобную улыбку можно увидеть у благопристойных старцев, когда их случайно застают выходящими из дверей публичного дома. Невероятно, что на этот раз она появилась на лицах многих молодых французов.

По поводу эфиопского и испанского дела, сентябрьских и мартовских событий французская молодежь рассуждала как нечистоплотный адвокат, ощущала себя по-лакейски и в конечном итоге повела себя как грек. Я считаю, что это ненормально. Шарль Моррас должен в глубине души придерживаться такого же мнения. Однако наши мнения расходятся в самом существенном, поскольку еще я считаю, что первый развратитель — это он.

Шарля Морраса совершенно нельзя понять, если судить о нем по его сочинениям, ибо сочинения — это еще не человек. Именно ради себя, ради собственной безопасности автор «Расследования»[167] создал эту разветвленную оборонительную систему, хозяином и пленником которой он одновременно является. Его доктрина ничуть не помогает понять его, она просто пытается его оправдать, она неустанно затыкает любую брешь, через которую мы могли бы добраться до его личности, до его глубоко и тщательно запрятанной сути, которую он, вероятно, увы, забыл и сам. Его доктрина определяет его так же, как теологи определяют бога: не по тому, чем он является, а по тому, чем он не является. Вот почему он ускользает от всех приемов противника, тут же выдвигая против него очередную формулировку из своих запасов. Его легендарный ум, поставленный на службу безжалостным задачам, безошибочно находит слабое звено в соединении настоящего и фальшивого, справедливого и несправедливого, именно в этом месте он и закрепляется с наименьшим риском, так

[167] Комментарии: 1.167

«Расследование» — речь идет о книге Морраса «Расследование по поводу монархии» (1900), составленной из статей, опубликованных в прессе.

как выбить его оттуда невозможно, не поставив под угрозу все здание. Совершенно очевидно, например, что натурализм и католицизм взаимоисключают друг друга, но политический натурализм Морраса с восхитительной проницательностью выискивает составленные на языке католической философии дефиниции, которые столь умело дозированы, что содержащийся в них зародыш ошибки может быть обнаружен лишь при очень сильном увеличении, которое Моррас тотчас клеймит как существенное искажение его мысли и злонамеренное толкование. […]

Молодая французская буржуазия не нашла спасения в национализме. Вот уже тридцать лет национализм, в частности моррасовского толка, дает ей лишь бесплодную очевидность, которая возбуждает ее гордость, тайком оправдывает ее эгоизм и расцвечивает ее патриотизм всеми оттенками морали, начиная от досады и кончая отчаянием. Вот уже тридцать лет эта молодежь, в которой мы якобы воспитываем критический дух, а на деле лишь развиваем потребность, манию, истерию критики, наблюдает за тем, как нация каждый вечер отказывается принять проверенное лекарство, которое ей каждое утро прописывает национализм. Кто же не

обозлится на столь бестолкового больного? Вот почему за границей патриотизм приверженцев национализма выражается с какой-то злобной недоброжелательностью, которая приводит в замешательство друзей моей страны. Я думаю, что французскую молодежь сознательно вводят в заблуждение, поддерживая у нее иллюзии того, что, предложив народу условия спасения, для него сделали достаточно, подобно тому как в прошлом веке резонерствующие отцы, оглушив потомство заимствованными из учебников речами, в заключение без угрызения совести говорили своим двадцатилетним блудным сыновьям: «Я тебе дал принципы. Ты им не следуешь. Вот тебе сто луидоров, отправляйся в Америку, пусть тебя там повесят!»

Если Франция должна погибнуть, ответственность за преступление и позор должна пасть равно на всех, и в первую очередь на тех, кто, предвидя их, извлек в этом мире выгоду из своей прозорливости, отказываясь признавать ее опасные последствия. Я сказал — преступление и позор. Ибо, если мы рассмотрим ту высоту, на которую Шарль Моррас сам себя вознес, ту ответственность, которую он на себя взял, ту удачу, за которой он постоянно гонится, за ко-

торой он всегда гнался с яростной ясностью ума, стремясь не только восстановить одну Францию против другой, принести в жертву Национальному Союзу союз гражданский, но и непоправимо потрясти сознание Франции, заставить ее усомниться в своих правах, унизить ее, оскорбить, опошлить вечной цензурой, цензурой безжалостной, диктатурой цензуры, которая намерена контролировать все вплоть до преданности наследникам престола, навязывает преданным монархистам фикцию, аналогичную иллюзии Реальной страны — законный Король в Брюсселе[168], французская монархия на улице Вернёй[169], - что означает, что роялисты нового поколения любят своих государей в лице Морраса, как мы любим в боге своего ближнего, — я сказал, что в его положении остается выбирать лишь между успехом и бесчестьем.

Конечно, можно сделать вывод, что мы приписываем Шарлю Моррасу историческую роль, которая не будет признана историей. Увы, это более чем верно: его мысль ничуть не подтвер-

---

[168] Комментарии: 1.168

Законный Король в Брюсселе — под Брюсселем на протяжении многих лет находилась резиденция претендентов на французский престол.

[169] Комментарии: 1.169

На улице Вернёй — на улице Вернёй в Париже жил Моррас.

ждается фактами. И именно потому, что его идеи так и не были доведены до конца, осуществлены на практике и даже ни разу не были подкреплены действием, часть из них стала разлагаться у нас на глазах, отравляя воздух. Я охотно допускаю, что другая часть может избежать тлена и покоиться в обширных склепах доктрины Морраса. Разве я не вправе написать, отдавая дань уважения второй части, что первая слишком быстро увяла, вступив в соприкосновение с людьми, их страстями и несчастьями? Эти две части идеи не согласуются друг с другом. Предположим, например, что пронунсьяменто генерала Франко произошло в 90-х годах прошлого века и что, разрушив все, этот генерал был вынужден уступить место какой-то креатуре иезуитов вроде неподражаемого Хиля-Роблеса, дав тем самым возможность свободного самовыражения духовенству — удовлетворение, которое оно само себе охотно предоставляло лишь с побежденными; тогда мы, вероятно, не преминули бы в 1926 году проиллюстрировать лозунг «всеми средствами» руководителя «Аксьон Франсез» с помощью этого примера. Разве этот руководитель тотчас не привел бы сотню неопровержимых цитат, все как одна доказывающих, что он всегда осуждал

диктатуру, вмешательство извне в гражданскую войну, режим подозреваемых, казни без суда, религиозное принуждение? И разве тридцать тысяч подписчиков «Аксьон Франсез» не призвали бы небеса в свидетели несправедливости и недобросовестности оппонентов? Очистить республиканский Прованс, испепелить Марсель с помощью авиации Бальбо[170], согнать штыками на исповедь население Мартига — таким вы себе не представляли нашего Морраса! Разве я сам не был втянут в эту игру? Конечно, раньше я не мог ожидать от человека, который так сурово отзывался о молодых вертопрахах из армии Конде[171] и многократно клеймил жестокие репрессии Тьера[172], что однажды он подвернет свои старые штаны, чтобы быстрее донести свидетельство верности французских роялистов дважды или

---

[170] Комментарии: 1.170

Бальбо Итало (1896–1940) — ветеран фашистского движения, которого Муссолини сделал министром военно-воздушных сил.

[171] Комментарии: 1.171

Луи II Бурбон Конде (1621–1686) — французский полководец. Победы, одержанные им в период Тридцатилетней войны, способствовали заключению выгодного для Франции Вестфальского мира 1648 г. В 1651 г. Конде возглавлял «Фронду принцев».

[172] Комментарии: 1.172

…клеймил жестокие репрессии Тьера… — Монархисты вообще и Моррас в частности осуждали организованный французской буржуазией во главе с Тьером разгром Парижской Коммуны.

трижды нарушившему клятву генералу, который дошел до такой мерзости, что вопреки воле населения Мадрида устроил парад итальянских войск и организовал в небе над этим оскорбленным знаменитым городом демонстрацию высшего пилотажа итальянских бомбардировщиков[173].

Но разве сейчас я должен был излагать «мысли Морраса»? Я должен был поставить дух Морраса под сомнение. Мысль Морраса несет информацию только узкому кругу читателей его книг, и, несмотря на всю серьезность искажений, которым она подвергается, знаменитый доктринер может по крайней мере как-то ее исправить. И наоборот, дух Морраса, будучи буржуазно-академической карикатурой тоталитарного духа, является как бы развитием учения Клемансо, где традиционный язык как бы призван заменить устаревший материалистический язык. Ни для кого больше не секрет, что Шарль Моррас был

[173] Комментарии: 1.173

…устроил парад итальянских войск и организовал в небе над этим оскорбленным знаменитым городом демонстрацию высшего пилотажа итальянских бомбардировщиков. — Едва 1 апреля 1939 г. было объявлено по радио об окончании военных действий, как франкисты начали готовиться к военному параду. Бернаноса особенно возмутила статья в «Аксьон франсез» от 20 мая 1939 г., в которой репортер триумфально писал: «Парад победоносной армии. Вчера в Мадриде прошли маршем 220000 человек, которых приветствовала огромная толпа. На торжествах присутствовал маршал Петен».

великим воспитателем Радикальной республики, молодого поколения радикалов, которое он избавил от иллюзий: до него оно было пленником идеализма 48-го года[174], от которого не осмеливалось открыто отказаться и публично демонстрировать свой пещерный цинизм, не выходивший за границы округа. В этом есть что-то как от идеализма 48-го года, так и от идеализма Лиги Наций. Как никто другой, Моррас способствовал тому, чтобы отвлечь от него нашу буржуазию, но он ничем его не заменил. Я говорю о душе, вере, надежде людей. Именно здесь бросается в глаза огромная диспропорция между разумом и душой. Щедро делясь разумом, Моррас ничего, кроме ненависти, не дает от своей души. Именно этим объясняется низость и вульгарность многих его учеников. Перечитывая, например, тяжеловесную диссертацию Лассер-

[174] Комментарии: 1.174

Идеализм 48-го года — 24 февраля 1848 г. во Франции была низвергнута монархия, провозглашена республика, что означало свершение буржуазно-демократической революции. В ходе этой революции были упразднены дворянские титулы, уничтожено рабство в колониях, признано всеобщее избирательное право. Завершилась эта революция государственным переворотом 2 февраля 1851 г., установившим диктатуру Луи Наполеона Бонапарта.

ра[175] о романтизме, можно лишь испытывать жалость к молодежи, несчастной не потому, что ей привили отвращение к Виктору Гюго, а потому, что это было сделано грубым невеждой. Для молодежи очень большое несчастье — быть лишенной иллюзий невеждой.

В основе большей части иллюзий французской молодежи лежит христианство, оно питает их корни. Последователи Морраса видят в этом важнейшем явлении только двусмысленность, абстрактную ошибку, и, естественно, оставаясь глухими к воплям пациента, они режут по живому. На следующий день оперированному будет наплевать на высокие слова, но будет также наплевать и на те вечные истины, которые эти высокие слова пытались, обоснованно или нет, выражать для предков. Новое поколение учеников Морраса смеется над гуманным пацифизмом, но оно будет ползти на животе до Мюнхена, чтобы преклониться там перед пацифизмом диктатора, оно будет обзывать «вояками» и «кровопийцами» генералов, которые настолько жестоки, что подвергают опасности Муссолини и

[175] Комментарии: 1.175

Лассер Пьер (1867–1930) — преподаватель философии, написавший среди прочего диссертацию «Романтизм» (1907), которая пользовалась у моррасовцев большим успехом.

столь ценные завоевания Империи. В конечном итоге эти отвратительные противоречия начинают приносить свои плоды и лозунг «всеми средствами» все больше выступает в качестве пагубного инструмента внешней политики. Лишь Моррас способен представить себе то, что его яростные призывы к инстинкту самосохранения будут забыты, как только ему вздумается вновь бросить военный клич по поводу Польши или Румынии, что можно безнаказанно клеймить немецкое варварство в 1914 году, а сегодня оправдывать бомбардировки Мадрида и Барселоны с помощью аргументов, которыми раньше пользовались немецкие теоретики глобальной войны, или можно доказывать преступную легковерность наследников престола, находящихся в трех часах езды от своей столицы, не подрывая при этом доверия, которое, вероятно, будет труднее оказывать завтра богатому и сильному королю, правящему в окружении паразитов и льстецов.

Вот почему интеллектуальная диктатура Шарля Морраса обладает всеми признаками аморальности диктатур, не имея при этом принудительных средств осуществления. Она приносит в жертву своей безмерной гордости только совесть, невидимый труп которой, увы, не воняет,

подобно другим. Впрочем, почему получается так, что Моррас, столь ловкий и сильный в искусстве убеждать, убеждает не обращая (в этимологическом смысле этого слова) или обращает только в свою веру? Почему, опровергая ложные идеи, он также выхолащивает правильные, делает их бесплодными? У этой тайны есть только одно объяснение. Дух теории Морраса абсолютно лишен какого бы то ни было милосердия, я имею в виду христианское милосердие, он обделен им, он чужд ему. Конечно, доктринер Моррас мог бы здесь привести массу цитат, ибо, верный своим правилам, он подготовил надежную аргументацию по важнейшему вопросу, стоящему в самом центре хрупкого построения, с помощью которого моральная теология не без труда увязывает милосердие со справедливостью. Пусть доктринер сам разбирается с теологом! Я говорю о духе учения Морраса. Неоднократно бывало, что идея учителя выходила из-под его контроля. «Но меня не так поняли!» — заявлял он в таких случаях. Я думаю, что мы несем ответственность не за то, как нас поняли, а за то, как нас любят.

Я пишу эти строки, находясь так далеко от моей страны! Они покажутся слишком суровыми тем, кто, находясь на чужбине, не испытал унижений

последних месяцев. Мне все равно! Я не упрекаю Морраса в поражении. Я упрекаю его в том, что из этих постоянных поражений он создал себе славу и честь. Благодаря ему, из-за него существует опасность того, что однажды, столкнувшись с катастрофой, тысячи молодых французов скажут: «Тем хуже! Франция сама этого хотела!» Я рад, что прожил достаточно долгую жизнь и поэтому могу ответить им: это неправда.

Конечно, в течение двадцати лет мы не без отвращения наблюдали за беспомощностью Республики в проведении любой политики. Как в Женеве, так и в Москве, как в Варшаве, так и в Праге, как в Берлине, так и в Мадриде коалиционное правительство начинает все и не заканчивает ничего. Таким образом, оппозиция всегда находится в благоприятных условиях, выигрывает наверняка и без риска создает себе репутацию ясновидящего пророка. С таким же успехом она могла бы гадать на кофейной гуще. Впрочем, именно поэтому сегодня под одним знаменем безмятежно объединились автор Версальского

договора[176] и его противники — всех их примирил Муссолини. Хитрость этих господ — все они в той или иной мере являются профессорами — всегда состояла в том, что они рассуждали так, как будто Франция, одна в мире сидя за партой, писала эту трагическую главу истории, как сочинение по французскому ораторскому искусству, с единственным стремлением соблюсти все правила жанра. Преподаватели же стирают, вымарывают, перечеркивают страницы синим карандашом. После того как ученик закончил работу, Моррас возвращается к своему столу и одним махом пишет сказочную историю Реальной Страны, «Путешествие юного Анахарсиса»[177] по объятой огнем Европе, а дамы восклицают: «Мы хотим, чтобы только этот учитель вел нас вперед!»

Но если Моррас не правил Францией, он по

---

[176] Комментарии: 1.176

Версальский договор — подписанный 28 июня в Версале договор, который поставил точку в первой мировой войне, но который, однако, содержал много пунктов, ставших впоследствии предпосылками для развязывания новой войны. Вокруг Версальского договора долгие годы не утихали споры. СССР, в частности, разоблачал его грабительский характер, но решительно возражал против подготовки новой войны под видом его пересмотра.

[177] Комментарии: 1.177

«Путешествие юного Анахарсиса в Грецию» — написанное в 1788 г. произведение аббата Жана-Жака Бартелеми, пытающегося в форме записок путешественника воссоздать Грецию IV в. до н. э. Моррас, разумеется, ничего подобного не писал — Бернанос иронизирует.

крайней мере руководил «Аксьон Франсез», а эта организация требует не меньше хлопот, чем Третья республика, так же, как и она, существует с помощью займов и переводов денежных средств, преисполнена бесплодных добрых намерений и, состоя из католиков и роялистов, была готова пойти на дипломатический риск — разорвать отношения со своими естественными союзниками, папой и наследниками престола. Посол в Риме! Посол в Брюсселе! Увы, ни Италия, ни Англия, ни Германия, ни даже Негус[178] не в состоянии помешать отшельнику с улицы Вернёй писать то, что он хочет. Когда Моррас провозгласил раздел Германий, он с таким же успехом мог бы провозгласить Вечный мир или продление фаз Луны. Все эти «мы можем», «мы должны» из словаря его камерной политики настолько быстро опережались событиями, что теперь они встречаются только в более знакомой форме «мы могли бы», «мы должны были бы», которыми упиваются глупцы. И сегодня представители большей части французской молодежи спрягают свою судьбу в прошедшем времени сослагательного наклонения. Так что же, высокомерно пожав плечами и

[178] Комментарии: 1.178

Негус — сокращенный титул эфиопского императора (Негус негусов — царь царей).

ухмыльнувшись, мы позволим им погибнуть на полях сражений будущей войны? Вот уже десять лет они ложатся спать со старческими разочарованиями, они не могут больше обойтись без этого мрачного гарема, они привыкли к нему. Куда пойдут они завтра? [...]

Статьи военных лет[179]

[179] Комментарии: 1.179

Статьи были написаны в 40-х гг. и опубликованы в различных бразильских периодических изданиях, а затем, в 1948 г. вышли отдельной книгой «Дорога в Круадезам» в парижском издательстве «Галлимар». На русском языке впервые публикуются отдельные статьи из этой книги.

Цинизм силы и лицемерие права

Перевод И. Ю. Истратовой

Май 1940 г.

Бесполезно и даже опасно утверждать, что нынешняя война есть война Силы против Права, ибо настоящая Сила никогда не восстанет против настоящего Права. Дело Франции свято, и только поэтому она сегодня уверена и в силе своей, и в праве. Потерпи сейчас Франция поражение, это означало бы, что она усомнилась в том или в другом, что не смогла до конца остаться сильной и правой. Но Господь не допустит поражения — или допустит лишь для того, чтобы затем спасти нас наверняка. Гибель Дюгеклена в 1380 году[180], несомненно, была национальным бедствием, ведь через тридцать с лишним лет, в 1415 году, позорный договор в Труа[181] разрубил Францию

---

[180] Комментарии: 1.180

Дюгеклен (или Дю Геклен) Бертран (1320–1380) — коннетабль Франции, то есть главнокомандующий армией, успешно руководивший многими кампаниями, в частности против испанцев и англичан.

[181] Комментарии: 1.181

…в 1415 году, позорный договор в Труа… — 25 октября 1415 г. французы потерпели поражение от англичан в битве при Азенкуре, а договор в Труа, сделавший англичан властелинами большей части Франции, был заключен в 1420 г.

пополам и лишил права наследования дофина Карла, от которого отреклась его собственная мать. Но в эту самую минуту некая чумазая девчушка уже играла с подругами на площади в местечке Домреми. Звали ее Жанной д'Арк, и когда она выросла, то удостоилась благословения одной престарелой дамы — это была вдова бывшего коннетабля Франции.

Бесполезно также противопоставлять в этой войне агрессии фашистских диктатур пацифизм стран демократии, ибо, зная, каким образом демократические государства Европы служили делу мира в Эфиопии, Австрии, Испании, в Праге или Тиране, можно вполне резонно предположить, что они гораздо меньше любили мир, чем ненавидели войну. Конечно, история рано или поздно докажет гражданам тоталитарных государств, что господа Гитлер и Муссолини их попросту одурачили. Но после итало-эфиопского конфликта история доказала и другое: сначала господа Гитлер и Муссолини одурачили народы демократических держав Европы, правда совсем по-иному и ничем не вознаградив их самолюбия; демократии пали жертвой злых чар фашизма, но не потому, что слишком верили в право, а потому, что недостаточно верили в него. Они не

верили в силу права.

Мы не собираемся вдаваться в идеологические споры, есть дела более насущные; сейчас главное для всего мира — честь. Миру не обойтись без чести. Можно бесконечно пререкаться о законности, о праве, о самом правосудии, ибо увы, не всегда легко провести границу между Буквой и Духом{35}. Но честь — это нечто непреложное. Она диктует свои законы старику и ребенку, бедняку и богачу, ученому и невежде — кажется, ею наделены даже благородные животные. Честь — это соль земли{36}. Человеку ли, народу ли, потерявшему честь, не миновать нравственного разложения, смрадное тление коснется его очень скоро. «Извергну его из уст Моих», — сказал Господь{37}

Сила умеет притворяться правосудием, она богата и нанимает разных адвокатов и крючкотворов. Но если она, ухмыляясь, давит слабых, а потом начинает говорить о чести, даже маленькие дети будут смеяться ей в лицо. Мне кажется,

---

{35} Примечания: 2.35
Ср. Рим., 2:29. — Здесь и далее прим. перев.

{36} Примечания: 2.36
Ев. от Матфея, 5, 13.

{37} Примечания: 2.37
Откр., 3: 16.

об этом стоит задуматься «реалистам» (читай: сторонникам реальной силы), которых в наши дни «серьезные люди» ценят больше «экономистов». Господа «реалисты» полагают, что честь — благопристойный предрассудок, и только. Право дается силой, охотно скажут они, им и в голову не придет заявить, что право дается честью, хотя в последнем утверждении неизмеримо больше истины. Это не пустые нравоучения: не может погибнуть нация, если она сохранила честь; честь ее и жизнь — одно целое.

Самое худшее из зол прежней жизни, от которой нас оторвала разразившаяся буря войны (а в нее вовлечены сейчас все без исключения), то, что нас оспаривали друг у друга коварство и насилие и мы были ставкой в их игре. Чума «реализма» распространилась повсюду, она не пощадила и некоторых особенно уязвимых сторон жизни духа. Наша цивилизация упивалась своей мощью и богатствами, однако все мы чувствовали, что ей угрожает страшная опасность. Мир страдал от недостатка чести, как цинготные больные от нехватки нужных организму витаминов. Мир терял честь. Сегодня же по всей Франции, от Средиземного моря до Эны, наши солдаты терпят муки, пытаясь вернуть ее, а весь мир страдает,

видя их гибель, и эти страдания — еще недорогая Цена. Потому что если они потерпят неудачу, то ни коварство, ни насилие, ни золото, ни железо не вернут миру потери и даже «реалисты» лишатся всех своих реальных, земных благ.

Монсеньор Сюар и Жанна д'Арк

Перевод И. Ю. Истратовой

Январь 1941 г.

Когда эти строки увидят свет, Пьер Лаваль, министр в отставке, возможно, снова займет свое место в правительстве Виши и монсеньор архиепископ Парижский, соблаговоливший предложить в посредники свою высокую особу, сможет вернуть этому человеку, на которого Провидение указало уже во второй раз, уважение и даже преклонение верующих. В таком смехотворном повороте событий нет ничего неожиданного, но да будет мне позволено сказать: даже если французским католикам удастся принять покорно еще и этот удар, нанесенный их совести и чести, то они его не забудут, не простят!

Если бы эти страницы чудом попались на глаза монсеньору архиепископу Парижскому, он, вероятно, пожал бы плечами и посмеялся моей наивности. Но я не столь наивен, как он изволит полагать. Мне хорошо известно, что его преосвященство действует согласно полученным инструкциям и следует им совершенно так же, как дипломат, послушно следующий инструк-

циям своего правительства. Я не дерзнул бы спорить с архиепископом Парижским об этой новейшей концепции пассивного повиновения; у нее, должно быть, есть свои преимущества, если диктаторы положили ее в основу морального кодекса тоталитарных государств. Но я уверен, что князь церкви толкует ее по-иному, чем простые обыватели, которые видят в ней удобное оправдание непостоянства взглядов и, отдав кесарю кесарево{38}, протягивают руку, чтобы получить вдесятеро больше. Если бы я был кесарем, то сказал бы этим неутомимым блюстителям евангельского завета: «Не давайте ничего, оставьте себе динарий с моим изображением, а я оставлю при себе предназначавшиеся вам милости и должности. В конечном счете это обойдется мне гораздо дешевле…»

Нет никакого сомнения в том, что, одобряя «новый порядок», французское епископство руководствуется куда более возвышенными, сверхъестественными мотивами. Однако, как бы ни были они сверхъестественны, такой союз может повлечь за собой совершенно естественные последствия, а именно поставить под угрозу наше

{38} Примечания: 2.38
Ев. от Матфея, 22, 21.

спасение (в мирском толковании понятия). Судьба Франции, должно быть, хоть сколько-нибудь дорога Всевышнему — ведь некогда он соизволил даровать нам сие спасение мощною дланью некоей святой, как раз против воли множества сеньоров и монсеньоров, ибо слишком часто, вернее, всегда забывают, что хотя сжег Жанну д'Арк на костре один клан — бургундцы, действовавшие заодно с англичанами, но другой, пусть и немногочисленный, признававший главой архиепископа Реймского, не уставал заглазно чернить Орлеанскую деву все время, пока та творила чудеса, а в конце концов совершил предательство и отрекся от нее. Если самому Господу Богу спасение моей родины здесь, в юдоли земной, было во время оно дороже престижа стольких приоров, сеньоров и монсеньоров, чьи обесчещенные имена мы произносим сегодня с отвращением, то я не посмею нанести оскорбления французскому епископству, поверив, что в таком важном деле оно могло проявить неосмотрительность. Мирская политика чревата мирской ответственностью. Мы от нее не уклоняемся, пусть не уклоняется и французское епископство. Мы нисколько не собираемся вмешиваться в решение этого щекотливого вопроса, оно останется на совести

прелатов, но родина у нас только одна. Господь вверил нам ее судьбу, время не ждет — и мы не допустим, чтобы их решение, каким бы оно ни оказалось, погубило независимость нации.

Ибо политическая независимость моей родины — также и залог ее духовной свободы. Епископы и архиепископы в XV веке могли совершенно равнодушно относиться к тому, что они — разумеется, высокомерно — именовали «простой сменой династий», они даже могли желать слияния обоих королевств, Франции и Англии. Но они вовсе не предполагали, что два столетия спустя преемники Плантагенетов[182] станут еретиками и что, овладей те Францией, она тоже, вероятно, была бы ввергнута в пучину ереси. В те времена схоласты из Сорбонны, как в наши дни их духовные наследники, мечтали принести честь нации в жертву церкви, хотя в действительности никакого противоречия тут не существовало, интересы Франции совпадали с интересами церкви, те и другие воплощала Жанна д'Арк. Именно о мою родину, возрожденную чудесами Жанны, и суждено было разбиться лютеранству, именно

[182] Комментарии: 1.182
Плантагенеты — королевская династия в Англии в 1154–1399 гг.

обращение Генриха IV[183] и спасло католицизм в Европе.

[183] Комментарии: 1.183

Генрих IV (1553–1610) — французский король (1589–1610). С 1562 г. был королем Наварры (Генрих Наваррский). Во время Религиозных войн являлся главой гугенотов. После его перехода в католицизм в 1593 г. Париж признал его в 1594 г. королем. Его политика способствовала укреплению абсолютизма.

Славные имена и пустые головы

Перевод И. Ю. Истратовой

Август 1941 г.

Я не раз обличал предательство, совершенное многими представителями высших слоев французского общества, — они слишком легко приняли сторону врага. Участие же знати в этом предательстве особенно горько разочаровало друзей нашей страны. То, что большинство аристократических салонов были центрами пораженчества и очагами нацистской или фашистской пропаганды, обычно вызывает удивление. Если бы накануне подписания перемирия в Ретонде какой-нибудь Клемансо вырвал бразды правления из рук маршала Петена и совершил настоящую национальную революцию, без суда и следствия вздернув на виселицу агентов иностранной разведки, редкая аристократическая семья не оплакивала бы сегодня одного-двух казненных из числа своих родных или свойственников… Это извращение, может быть, на руку деятелям демократии или демагогам, но я ни то, ни другое. Впрочем, будь даже так, мне все равно было бы жаль, что эти выродки порочат некогда

славные имена, которые принадлежат не столько им, сколько истории моей родины.

Напрасно думают иностранцы, что эти имена — наши идолы, реликвии. Имя само по себе — пустой звук. Оно ценно лишь тем, что тесно связано с великим прошлым, олицетворяет и символизирует его. Появиться на свет «благородным», как говорят простые люди, ничего не стоит. Главное — жить благородно. Я говорю об этом не как моралист, а как историк: жить благородно означает не просто жить честно, придерживаясь высоких принципов.

Выражение «жить благородно» в давние времена имело у нас очень четкий смысл, смысл политический и социальный. «Жить благородно» значило по первому зову предоставлять в распоряжение короля — главы французской аристократии и себя, и все свое имущество. Кроме того, «благородные» не имели права заниматься никаким приносящим барыш делом, никаким промыслом, торговлей, а тем более никаким ростовщичеством. Был Орден духовенства — и был Орден дворянства. Не скажу, что дворяне всегда соблюдали устав этого Ордена. Но могу утверждать: если знать его и нарушала, устав этот все равно формировал ее сознание, налагал особый

отпечаток на ее привычки, нравы и даже язык. Неправда, будто все дворяне при королевской власти сорили деньгами, зато им было стыдно публично проявлять к деньгам пристрастие. Не все были щедры, однако непременно старались казаться щедрыми. Сегодня их потомки устыдились бы обратного. Эти только хвалятся, что провернули выгодное дельце, или ноют о своей бедности. Они, как и буржуа, очень любят жаловаться на слуг: держать-де их так накладно, а работают они так мало! Что ж, человеку благородного происхождения всегда кажется, будто он кормит бездельников. А если денег у него нет, сам открывает двери гостям, потому что за полцены лакеев не найдешь.

Предательство людей такого сорта нисколько не пятнает чести нации. Уже два столетия, как французское дворянство не имеет никакой социальной функции, ибо у него нет ни средств, ни мужества, чтобы соблюдать условия договора о службе, связывавшего его с тогдашней монархией. Дворянство, я повторяю, было Орденом, а сегодня за отбором его членов никто не следит. В него может вступить кто угодно, при полном попустительстве остальных, они только рады дорого продать свою терпимость или скрыть

собственный мезальянс. Во времена Третьей республики число титулованных особ чрезвычайно увеличилось, титулы потеряли всю свою притягательность даже в глазах нью-йоркских миллиардеров, и сейчас в салонах Пятой авеню на зятя-герцога или маркиза смотрят столь же недоверчиво, как на бронзовую вещицу, которую выдают за работу Бенвенуто Челлини, или на картину, где красуется подпись Рафаэля.

Ибо Третья республика служила этим выродкам, которые пользуются славой пращуров, словно альфонс деньгами старухи-покровительницы, великолепным источником прибылей. Хотя бездельники притворялись, что ненавидят эту республику, на самом деле они не имели по отношению к ней никаких обязательств и преспокойно наживались за ее счет. Для мелкобуржуазных радикалов дворянин всегда оставался дворянином, будь он потомком барона XI века, откупщика или даже свежеиспеченного графа, получившего титул от папы. И наследники древних родов цинически злоупотребляли снобизмом выскочек. Унизительные знаки внимания со стороны таких господ казались им в тысячу крат милее власти истинного короля, а прибыли от сводничества и соучастия в аферах — милее

обязанностей королевских придворных. Если они и не пользовались уважением министров, то по крайней мере были уверены в их снисходительности. На процессе Устрика[184] я видел: граф де Сент-Олер, понурив голову, слушал, как председатель палаты депутатов в своей речи называл его, графа, бесчестным человеком. А пять минут спустя, стоя в кабине рядом с лифтером, вдруг снова вскинул подбородок — неотразимым движением, явно унаследованным от предка, который некогда заседал в Венском конгрессе. И будьте уверены — графу в тот день менее всего хотелось, чтобы рухнула Третья республика, столь покладистая с вельможами, и чтобы встала из руин Бастилия…

Нет, разумеется, предательство сей немощной аристократии не запятнает нашего славного прошлого. Ее вырождение ясно проявляется даже в физических признаках. Глядя в Музее гравюр на портреты реальных или предполагаемых предков современной знати, мы замечаем: почти во всех лицах есть что-то крестьянское, сегодня же

---

[184] Комментарии: 1.184

На процессе Устрика — процесс банкира Альбера Устрика, завершившийся 19 января 1933 г., явился одним из свидетельств коррумпированности государственных чиновников. В результате этого скандального дела премьер-министр Андре Тардье был вынужден расстаться со своим постом.

такие лица отнюдь не у герцогов или маркизов, а у их слуг — каких-нибудь егерей, доезжачих. Что же до герцога или маркиза, то он скорее похож на швейцара из отеля «Ритц»: так и хочется вручить ему шляпу и пальто, а не славный меч пэра Франции. Когда я думаю о парижских салонах, где герр Абец[185] нашел столько сообщников, то говорю себе: было бы жаль, если бы эти люди предстали перед судом народа. Народ отрубил бы им пустые их головы и на мгновение — пока блеснет лезвие гильотины — сделал бы изменников фигурами слишком значительными.

[185] Комментарии: 1.185

Абец Отто (1903–1958) — во время войны гитлеровский резидент («посол») во Франции. После войны был приговорен к 20 годам тюремного заключения.

Самоубийство Стефана Цвейга

Перевод А. В. Дубровина

Февраль 1942 г.

Леон Блуа[186] написал, что истиной мы обязаны умершим. С места, где теперь покоится Стефан Цвейг — locum refrigerii lucis et pacis{39} — и откуда ему отныне суждено наблюдать за миром, который для нас, смертных, является постоянной выставкой всех форм невежества и ненависти, но который — о чем нам суждено когда-либо узнать, — как песчинка в море, затерян в безграничной милости Бога, он видит истину лучше, чем мы, и я уверен, что некоторым панегирикам своему акту отчаяния он предпочел бы молчание. Возможно даже, что грубая апологетика самоубийства, поводом для которой он невольно стал, тяжелым грузом лежит на его душе и отдаляет час его примирения с Богом; возможно, он ждет от нашей дружбы последней услуги — обраще-

---

[186] Комментарии: 1.186

Блуа Леон (1846–1917) — французский писатель католической ориентации, автор романов и публицистических книг.

{39} Примечания: 2.39

Место утешения света и мира (лат.).

ния от его имени к несчастным, которых также искушает отчаяние и которые сейчас, когда я пишу эти строки, готовы по его примеру сдаться, отказаться от себя, как это сделал он… Я говорю так не только как христианин. Любой разумный человек, христианин он или нет, должен признать, что он ничего не знает о таинственной солидарности живых и мертвых. А если это так, то разве вправе мы считать, что расплатились с умершими грубой лестью, которую они уже не в состоянии отвергнуть, даже если она оскорбляет или омрачает их невидимую тень?..

К тому же самоубийство Стефана Цвейга не является частной драмой. Еще до того как последний ком земли упал на гроб знаменитого писателя, информационные агентства уже разносили эту весть по всему миру. Тысячи и тысячи людей, которые считали Цвейга учителем и почитали его как такового, оказались вправе сказать себе, что учитель отчаялся защитить их дело, что дело это обречено на провал. Жестокое разочарование этих людей гораздо больше достойно сожаления, чем смерть самого Стефана Цвейга, так как человечество может обойтись и без него и без любого другого писателя, но оно не может без боли наблюдать за тем, как сокра-

щается число безвестных, безымянных людей, которые, так и не познав почестей и приносимых славой благ, отказываются соглашаться с несправедливостью и живут единственным оставшимся у них достоянием — смиренной и страстной надеждой. И тот, кто прикасается к этому священному достоянию, кто тратит хоть частицу его, обезоруживает совесть человечества и обкрадывает обездоленных.

Я испытываю глубокое уважение к таланту Цвейга, но сейчас у писателя есть иные обязанности, нежели скрупулезное соблюдение профессиональной этики. Любой из нас должен чувствовать всю полноту своей ответственности перед простыми, благородными, несведущими душами, которых вражеская пропаганда тщетно пытается соблазнить или подкупить. Утверждая это, я следую традициям моей страны, я провозглашаю то же, что провозглашали до меня люди, столь возвысившие имя французской нации. Правда, в последние годы предпринимались большие усилия, чтобы высмеять миссию писателя. Я же наивно верю в эту миссию, как в нее

верили Гюго и Мишле[187]. Берусь утверждать, что другие не выполнят эту миссию лучше нас. Но приведу такой пример: в Европе уже не существует ничего похожего на средневековых прорицателей, которые как во Франции, так и в Италии были самим гласом народа. Церковь в настоящее время ограничивается выполнением лишь своих непосредственных обязанностей. Она учит морали, теологии, причащает, обсуждает соглашения и конкордаты. Она как можно меньше старается иметь дело с бедными грешниками, как чумы боится хоть как-то ущемить правительства. Верно, конечно, что она в высшей степени точно определяет само угнетение, но от ее безупречных определений, приводящих в восхищение философов, мало пользы угнетенным, поскольку церковь почти всегда избегает конкретно называть угнетателей. В этих условиях какой писатель, достойный этого имени, откажется говорить от имени тех, кто обречен сейчас на молчание? Именно они и лежащий на них непомерный грех являются источником на-

[187] Комментарии: 1.187
Мишле Жюль (1798–1874) — французский историк романтического направления, проповедовавший либерализм и антиклерикализм. Автор монументальных произведений «История Франции» (1833–1846) и «Истории Французской революции» (1847–1853).

шей силы, намного превосходящей — по крайней мере по масштабам — силу наших славных предшественников. Так откажемся ли мы разделить выпавшие на их долю испытания и негодование? Какое мы имеем право заявить, как это сделал Стефан Цвейг в 1914 году, а затем и в 1939 году, что останемся «над схваткой»? Возможно, мое мнение покажется грубым таким людям, которых Бенда когда-то так смешно окрестил «клерками»[188]. Увы! Знаю я этих клерков! Они равнодушны к страданиям людей, но отнюдь не к почестям и не к деньгам. Их не волнует взятие Сингапура, но малейшая критика в газете лишает их сна. Они похваляются тем, что живо интересуются всем, но не увлекаются ничем. Это означает, что они поражены своего рода интеллектуальным зудом и всю свою жизнь только и заняты тем, чтобы чесать там, где чешется. Я, конечно, остерегусь относить к числу этих маньяков выдающегося человека, умершего в Петрополисе[189], но в нем

[188] Комментарии: 1.188

…которых Бенда когда-то так смешно окрестил «клерками». — Французский писатель Жюльен Бенда (1867–1956) в 1927 г. издал книгу «Предательство клерков». Словом «клерк» Бенда обозначает интеллигентов, которые, по его мнению, должны быть хранителями духовных ценностей, не превращаться в рупоры политических идей. Бернанос полемизировал с Бендой.

[189] Комментарии: 1.189

Петрополис — город в США, где жил в эмиграции Стефан Цвейг.

они узнавали себя, и, конечно, не преминут воспеть его добровольный уход из жизни, который имеет значение полного, окончательного отказа, самоотречения. Ну что же, в этих обстоятельствах я радуюсь тому, что не принадлежу ни к одной политической партии и могу свободно высказывать свое мнение, не стесняя и не компрометируя кого бы то ни было. Что значит в период всеобщих потрясений мой одинокий голос? И все же я считаю себя вправе сказать: если перед могилой знаменитого писателя я глубоко чувствую горечь нашей утраты, я без всяких оговорок отказываюсь связывать этот траур с делом и традициями моей страны, которым служу.

Наследие Чемберлена

Перевод А. В. Дубровина

Март 1942 г.

Некоторые факты позволяют предсказать скорое признание союзниками руководства «Свободной Франции». Любой здравомыслящий человек скажет, что с этим слишком долго медлили.

Я как-то пообещал моим читателям не писать конформистским языком, поэтому постараюсь объяснить им сегодня суть моей мысли. Совершенно очевидно, что ни они, ни я не можем надеяться изменить что-либо в методах ведения войны или пропаганды, на которых никак не отражается имеющийся опыт и которые, даже наоборот, как будто все более утверждаются после каждого краха. Но каким бы сильным ни было упорство чиновников, упорство общественности восторжествует, если каждый из нас выполнит свой долг. Я считаю, что выполняю — увы, очень скромно! — свой долг, когда пишу, что в очередной раз правительства демократических стран намерены приступить к действиям в тот самый момент, когда Гитлер, максимально восполь-

зовавшись их нерешительностью, вероятно, считает больше ненужным мешать их планам. Действительно, вот уже в течение многих месяцев немецкая пропаганда, обрабатывающая французское общественное мнение, использует позицию английского правительства в отношении голлистов. Называя их «наемниками», Геббельс ни разу не упустил возможности указать на двусмысленность их положения, несколько похожего, по его мнению, на положение людей, услугами которых пользуются, не считая нужным принимать их у себя дома или приветствовать на улице. Английские чиновники совершенно не догадываются о реакции общественного мнения, столь чуткого, столь взвинченного, как наше, на эти коварные намеки, тем более что они повторялись и распространялись среди населения не немцами и даже не пронемецки настроенными людьми, а их скрытыми соучастниками, которыми враг располагает в светских, академических и религиозных кругах, — приличными людьми типа тех, которых Виши экспортирует по всему миру и которых, к счастью, остается достаточно много во Франции, для того чтобы в один прекрасный день, который, как я надеюсь, не за горами, задать побольше работы палачу.

Их роль или, точнее сказать, их работенка в том, чтобы ручаться за Маршала, за бескорыстие Маршала, за честь Маршала, за государственные и личные добродетели Маршала. Слепое повиновение Маршалу! Без Маршала нет спасения! Понятно, что эти люди приходили в восторг, так часто оказываясь заодно с «Таймс», которая еще совсем недавно призывала нас положиться на лояльность Маршала, признавая этим за роковым старцем как раз то единственное качество, в котором ему в прошлом отказывали все его командиры без исключения — Жоффр[190], Фош[191], Клемансо — и которое во Франции называют «характером». Однако Гитлер больше не нуждается для защиты своего протеже ни в статьях, публикуемых в «Таймс», ни в уважении английских консерваторов, а скоро он не будет нуждаться и в самом Петене.

---

[190] Комментарии: 1.190

Жоффр Жак (1852–1931) — маршал Франции. В 1911–1914 гг. был начальником Генерального штаба, а в первой мировой войне в 1914–1916 гг. главнокомандующим французской армией. Добился победы в Марнском сражении (1914).

[191] Комментарии: 1.191

Фош Фердинан (1851–1929) — маршал Франции. В первую мировую войну командовал армией, группой армий, в 1917–1918 гг. был начальником Генерального штаба, а с апреля 1918 г. верховным главнокомандующим союзными войсками. Один из организаторов интервенции в Советской России.

Ибо вот уже два года Англия щадит Виши из опасения, что, воспользовавшись первой же ее неосторожностью, Гитлер заставит Петена сдать флот и колонии. Но, действуя таким образом, или, вернее, не действуя таким образом, она играла на руку Гитлеру, так как Гитлер вовсе не желал в то время компрометировать престиж Петена, слишком рано требуя от него решения, которое огромное большинство французов сочло бы позорным. В то время как демократы-макиавеллисты вели дискуссии по поводу психологии Маршала, его известных и тайных пристрастий, его симпатий и антипатий, силились придать разумный смысл его старческому бормотанию, устами американского адмирала расточали ему, как малоприлежному ученику, которого преподаватели надеются «наставить на путь истинный», то хвалу, то хулу, Гитлер спокойно извлекал из этого несчастного всю возможную выгоду, то есть даже не то, что Маршал из себя представляет — если он еще что-то из себя представляет, — а то, чем он был, он до последней капли выжимал престиж, которым Маршал обладал в среде социальной, интеллектуальной и клерикальной французской элиты, он до тех пор жал своей сильной лапой этот старый лимон,

пока не выдавил из него все косточки… Ибо, как это ни парадоксально, престиж Маршала оказал услуги не союзникам, а именно Гитлеру, и спрашивается, какого черта и в Нью-Йорке, и в Лондоне проявляли о нем столько заботы? Ни престиж Маршала, ни воспоминания о Вердене[192] не остановили бегство наших дивизий, зато здорово облегчили капитуляцию и вплоть до настоящего времени поддерживали у нас некоторую видимость материального и морального порядка, которая была необходима Гитлеру для организации экономического и промышленного сотрудничества Франции с Германией, пока ей нельзя было навязать другого. Ясно, что в течение месяцев, последовавших за перемирием, победитель постоянно опасался взрыва национальной гордости или по крайней мере острого приступа отчаяния. Он весьма неловко попытался скрыть от Франции ее позор, у нас все еще звучит в ушах его лицемерная похвала в адрес наших войск, его унизительный отзыв об армии, которая, не сумев перевести дыхания, кувырком

[192] Комментарии: 1.192

Верден — город и крепость во Франции на реке Мез, где в 1916 г. происходили ожесточенные бои. 5-я германская армия пыталась прорвать фронт французских войск, но встретила упорное сопротивление, в результате чего обе стороны понесли огромные потери.

за несколько недель покатилась от Мезы до Гаронны… Если расчет Гитлера строился на том, чтобы сгладить наш позор, то наш расчет был в том, чтобы выявить этот позор. Не усыплять надо было национальное сознание, а будить во что бы то ни стало, жечь каленым железом. С Францией же предпочли поступить как с нервной, не отдающей отчета в своих действиях женщиной, не понимая, что эта снисходительность была использована немецкой пропагандой и означала презрение. Оказанные Петену почести, конечно, не обратили в иную веру ни одного англофоба, но серьезно скомпрометировали французов, оставшихся верными союзу, сделали их смешными.

Читатели «Таймс», вероятно, думают, что Маршал до сих пор отказывался сдать наш флот Германии из признательности к газете, столь обходительной по отношению к нему. Пусть они и дальше так думают! Читатели «Таймс», конечно, очень уважаемые люди, но их мнение по этому вопросу, как и по многим другим, не заслуживает внимания, поскольку их влияние в мире равно нулю. Следовательно, и не из уважения к ним я позволю себе утверждать, что если Петен все еще не подписал договора о военном сотрудничестве с Германией, то только потому,

что Германия не сочла необходимым потребовать этого. Гитлер не допустил бы того, чтобы Петен проводил политику Лаваля до тех пор, пока он не выполнит свою работу — работу, ради которой Гитлер сам поставил Петена во главе моей страны: примирить французов, особенно руководящие круги Франции, с поражением, идеей поражения, последствиями поражения: придумать даже своего рода мистическое обоснование поражения, рассматриваемого в качестве нашего искупления; объявить о нашей ответственности за 1939 год и одновременно косвенно за 1914 год; сделать невозможным любой союз национальных сил, основанный на стремлении к победе; поддерживать под надзором врага видимость двух Франций[193], присваивая себе право управлять одной и выдвигать обвинения против другой; разоружить рабочий класс; унизить разум и совесть Франции и с помощью кощунственной казуистики извратить суть всех наших традиций и моральных ценностей, с тем

[193] Комментарии: 1.193

…видимость двух Франций… — В течение некоторого времени после поражения, Франция была разделена на две части: северную, оккупированную гитлеровскими войсками, и южную, формально свободную, управляемую правительством, находящимся в городе Виши. Ситуация изменилась 11 ноября 1942 г., когда войска Германии вместе с итальянскими войсками оккупировали также и южную часть Франции.

чтобы при содействии части духовенства и почти всех клерикалов поставить их на службу врагу… Да позволено мне будет остановиться только на этих основных моментах.

Ясно, что Петен не смог бы выполнить своих обязанностей, если бы Франция не питала иллюзий относительно патриотизма и преданности Маршала. Пока эти обязанности не были выполнены, Гитлер не позволял разрушить эту иллюзию. Близок час, когда он, ничем не рискуя, сможет обесчестить человека, которого воспоминания о Вердене делают для него особенно одиозным. Таким образом, разрыв Лондона и Нью-Йорка с Виши вполне может произойти в момент, который выберет он сам. «Подождем!.. Там увидим…» — таково завещание Чемберлена его духовным наследникам, находящимся по ту и другую сторону Атлантики. К несчастью, следуя примеру своего покойного учителя, они скрупулезно соблюдают лишь первую часть заповеди: они все ждут, но ничего не видят.

Повторяю: мы не думаем, что для исправления ошибок достаточно их разоблачить. Но глубоко не права и общественность, считающая себя беспомощной перед ними и перед теми, в ком они воплощены. Ясно, что, за исключением неболь-

шого числа бесстрашных людей, чьи имена у всех на устах, большинству военачальников и государственных деятелей не хватает воображения, храбрости и веры. Имеющий хоть какое-то представление об истории и ее уроках сделает вывод, что этих качеств не хватает и нам самим, поскольку армии, как и народы, имеют руководителей по своему образу и подобию. Недостаточно пожелать нового Клемансо или Фоша. Их надобно сначала заслужить.

Не толкайте Францию к отчаянию!

Перевод О. П. Лускиной

Апрель 1942 г.

Не знаю, сколько французов во всем мире поймут весь исторический смысл триумфа Лаваля[194], действительно почувствуют себя оскорбленными им. Сомневаюсь, чтобы таких французов оказалось очень много. Говорят, что некоторые яды при слишком сильной концентрации сразу же воздействуют на кишечник, и он исторгает их, не усваивая, без ущерба для организма… Великое унижение, унижение смертельное дано испытать не многим душам.

И вот при таких обстоятельствах я хотел бы обратиться к друзьям моей страны с посланием, достойным их верности. Но я не смог бы сделать этого, не раскрыв им своего сердца, «не обнажив» его, как сказал Бодлер, — а это мне пока не позволено. Мне, вероятно, придется ждать долго, но, бог даст, и для меня пробьет час исти-

---

[194] Комментарии: 1.194

Лаваль Пьер (1883–1945) — премьер-министр Франции в 1931–1932 и 1935–1936 гг. Был сторонником «умиротворения» фашистских агрессоров. В 1942–1944 гг. был главой коллаборационистского правительства в Виши. По окончании войны казнен как изменник.

ны — абсолютной, неумолимой, беспощадной… А до той поры как мне передать, даже самым близким друзьям, переживаемое мною чувство стыда? Они должны узнать то, что мне самому приоткрылось в этой большой беде мало-помалу. Ибо затронута не только моя любовь к родине, но и мое представление о ней, ее образ, который живет в самых глубоких, самых сокровенных тайниках моей души, я хочу сказать — в тех уголках моего существа, где индивидуальная память уже неотделима от унаследованной и теряется в ней, как журчащий ручеек в глубоких темных водах… «Неужели, удивитесь вы, — этот вульгарный политикан, этот Лаваль, так много значит для вас?» Увы, именно то, что самые большие невзгоды нашей истории воплощены в человеке со всех точек зрения посредственном, и повергает нас в отчаяние… Да простят мне читатели этот дружески доверительный тон, несколько неуместный для газеты. Но они хорошо знают, что дотошный профессионализм не остановит меня, ведь я пишу для них, не для себя, им отдаю асе, что имею, иначе говоря, все, что знаю, весь мой опыт несчастья — ничем другим в этом мире я не владею. Читателям надо, читателям полезно, читателям необходимо знать про нашу тревогу, а

не обращаться по этому вопросу к свидетельству журналистов-янки: не потому, что мы сомневаемся в их доброй воле, а потому, что они говорят об этой драме французского самосознания с тем юмористическим и одновременно сентиментальным тоном, который распространился в мире благодаря Голливуду. Драма французского самосознания в 1942 году, конечно же, менее зрелищна, чем в 1940-м, но осмелюсь сказать, что она с каждым днем становится все более серьезной и острой, ибо близится развязка. Моим читателям известно, что я никогда не пытался оправдать позорное перемирие. Я называл поражение — поражением, а измену — изменой. Однако не следует думать, что я способен видеть только наши ошибки и закрываю глаза на ошибки других. Ведь ответственность за саботаж нашего союза с русскими несут прежде всего английские консерваторы и Чемберлен[195]. Это английские и американские консерваторы заставили отвернуться от Москвы французское правительство,

[195] Комментарии: 1.195

Чемберлен Невилл (1869–1940) — премьер-министр Великобритании в 1937–1940 гг. Был сторонником политики «умиротворения» фашистских государств и подписал Мюнхенское соглашение 1938 г. После начала второй мировой войны продолжал поиск путей для соглашения с фашистской Германией за счет СССР. В обстановке военных неудач Великобритании вышел в отставку.

не обладавшее, впрочем, ни характером, ни чувством собственного достоинства, вечно уступавшее то шантажу Вильгельмштрассе, то Форин офиса[196], дав нам за эту жертву лишь обещания, которые, как мы отчетливо видим сегодня, были невыполнимы либо могли быть выполнены лишь гораздо позднее. После итало-немецкой победы в Испании, разгрома Чехословакии, саботирования военных соглашений с русскими мы в самых невыгодных условиях начали войну, причем было совершенно очевидно, что мы не сможем одни в течение двух лет устоять под натиском чудовищной немецкой военной машины. Мы неизбежно проиграли бы, но проиграли бы с честью, а честь народа в тысячу раз дороже, чем его свобода, ибо нет худшего рабства, чем мнимая свобода, купленная ценой чести. Вот почему вишистские тартюфы заблуждаются, утверждая, что некоторые факты, ставшие ныне достоянием истории, могут служить оправданием перемирию в Ретонде. Перемирие в Ретонде было естественным следствием мюнхенской по-

[196] Комментарии: 1.196

…уступавшее то шантажу Вильгельмштрассе, то Форин офиса… — На улице Вильгельмштрассе в Берлине находилось министерство иностранных дел Германии, а Форин офис — название министерства иностранных дел Великобритании.

литики, а мюнхенская политика в свою очередь следствием политики как лицемеров из Виши, так и Чемберлена. В Вене и Мадриде, в Тиране и Праге все эти люди вместе предали Европу, каждый из них втайне надеялся, что только он один получит выгоду от этого предательства. Тому, кто упрекнет меня в том, что я напомнил эту бесспорную истину, я отвечу так: не от меня зависит упразднить ее. Наш народ хранит о ней горькую память, наши истинные друзья в Англии или в Америке не смогут забыть ее, если не хотят обречь себя на полное непонимание драмы французского самосознания.

Сейчас самое время дать Франции немного правды — вот что я хочу сказать. Сейчас самое время говорить с ней честно, с мужественной искренностью. Франция прекрасно знает, что она не устояла. Она не может понять, она все меньше понимает, что под лицемерным предлогом пощадить ее щадят тех, кто ее обесчестил, кто продолжает ее бесчестить. Она не может понять, она все меньше понимает, почему до сих пор, даже у англичан и американцев, пользуются доверием хорошо известные ей люди из той же породы Дарланов и Лавалей, — люди, бывшие некогда вдохновителями, пособниками

и соучастниками ее первых ошибок, ее первых клятвопреступлений. Она задается вопросом, не является ли она сегодня, как и вчера, одураченной все той же гигантской кампанией по деморализации, которая, пользуясь различными и внешне противоречащими друг другу наборами слов, повсюду способствует смешению понятий добра и зла, истины и лжи, справедливости и несправедливости, продолжает усугублять и без того невероятное интеллектуальное и духовное смятение, которое вполне можно называть реализмом, но подлинное имя которого — всеобщее пораженчество. Если после двухлетнего почитания Петена реалисты из Лондона и Нью-Йорка добьются, чтобы мы сносили отъявленного предателя Лаваля, Франция скажет, что ее хотят унизить, унизить в ее собственных глазах, вызвать отвращение к самой себе, уничтожить ее этим отвращением. Не толкайте Францию к отчаянию! Имейте мужество верить в нее, рано или поздно и она обретет храбрость спасти себя и вас.

Что такое «фашист»

Перевод И. Ю. Истратовой

Октябрь 1942 г.

Я пишу эти строки, думая о своей родине, обезоруженной и преданной десятками тысяч более или менее сознательных пособников врага, так называемыми порядочными людьми, которые считали себя умниками, добрыми христианами или даже патриотами, будучи главным образом дураками, за что их и пощадили, но им все же удалось своим числом сломить мощь Франции, подобно тому как жучки подтачивают вековое дерево, — нет и не может быть умеренного фашизма: фашизм, по сути дела, направлен против всякой умеренности, диктаторы неустанно это провозглашают.

Вы, вероятно, скажете: есть еще достаточно наивные люди, утверждающие, будто лучше самого Гитлера знают, в чем суть нового порядка. Не верьте им. Подобное заблуждение было бы объяснимо до итало-эфиопского конфликта, удивительно — после гражданской войны в Испании, но сейчас оно уже просто невозможно. Дорогие мои бразильские друзья, поверьте, я

взвешиваю свои слова. И прошу вас взвесить их вместе со мной. Вселенский кризис, по-прежнему угрожающий миру, имеет социальные и политические причины, это ясно. Однако в первую очередь это не политическое и не социальное явление, но кризис индивидуального сознания. Фашизм бахвалится тем, что создал новый тип человека, противопоставив его типу христианина. На самом деле фашизм вовсе не создал этих новых людей, наоборот, он сам всецело обязан им своим существованием или по крайней мере необычайно широким распространением. Если позволительно делать такое сравнение, Гитлер и его приспешники были творцами тоталитаризма не более, чем Ламартин и Гюго — творцами романтизма. Романтизм, как и нацизм, отразил кризис европейского сознания, но сходство тем и исчерпывается, ибо романтизм — кризис христианского сознания, а фашизм — кризис европейского сознания, лишенного христианского духа. Да, задолго до того, как Гитлер написал или даже задумал «Mein Kampf», десятки миллионов людей из всех слоев общества, всех классов, а также — стыдно сказать — всех вероисповеданий были готовы внять этому новому евангелию. Казалось, они не имели, а то и не желали иметь

ничего общего, но зато походили друг на друга в одном: они потеряли веру в справедливость и в свободу, то есть потеряли веру в человека. Слово «человек» связывалось в их сознании отнюдь не с гармоническим началом, которое породило взлет искусства древнегреческой скульптуры, а позже обратило великую пылкую душу святого Павла[197] к божественной истине, — нет, оно напоминало о варварстве решетках, тюрьмах, кострах, виселицах. Повторяю: эти люди полагали, что в том или ином взгляды их несовместимы. Глубокомысленный материалист, вероятно, представлял себе спасение мира совсем не так, как военный, врач или священник, но все они сходились в главном: мир нужно спасти помимо его воли, навязать ему спасение любой ценой.

О, разумеется, они выражали это по-разному. Пытаясь оправдать грубую силу, теолог или казуист приводят иные аргументы, нежели политик или экономист. Однако все они более или менее усвоили — иногда безотчетно следующий принцип: общество может и должно защищаться

[197] Комментарии: 1.197

Святой Павел (между 5 и 15 — ок. 64 или 67) — один из христианских апостолов, которому традиция приписывает 14 посланий, включенных в Новый завет. Согласно легенде, он был поначалу противником христиан, но обратился в христианство после того, как ему привиделся образ Христа.

теми же позорными средствами, которыми пользовались лишь те, кто хотел его погубить. Если политики высказывали свое одобрение, теологи с казуистами довольствовались лишь уточнениями и оправданиями, но в итоге получалось одно и то же. И поскольку все они более или менее откровенно признавали, что цель оправдывает средства, то рано или поздно должны были прийти к теории узаконенного убийства.

Знайте, дорогие бразильские друзья, я видел, как в моей стране рождались такие вот люди. Видел, как они плодились и размножались с ужасающей быстротой. В буржуазном обществе, чей нравственный конформизм дал французским писателям, начиная с Бальзака, сюжеты для стольких романов, вдруг вспыхнула лихорадка острейшего цинизма, оно будто покрылось струпьями, как золотушный больной, и католики заражались так же легко, как и остальные. Первым приступом была война в Эфиопии. Население целых областей истребляли распыляемым с воздуха ипритом — этот способ уже применялся, и весьма успешно, в Австралии для уничтожения грызунов, — шли жестокие репрессии, велись бомбардировки без всякого риска для летчиков, против нищего, не только

безоружного, но даже раздетого народа бросили накопленное за несколько месяцев огромное количество боевой техники, — и все это лишь подогревало иронический настрой молодых буржуа, а старые снисходительно на них поглядывали. Рабское заискивание перед сильными, истерическая ненависть к слабым так и хлынули наружу, словно гной из назревшего нарыва. Каждый раз, например, когда в Женеве несчастный негус робко упоминал о договоре с Эфиопией[198], подписанном двадцатью восемью странами, этих господ охватывало прямо-таки безудержное веселье. Сдержать слово, данное негру, казалось им верхом нелепости, и тысячи священников, вторя этим нечестивцам, отреклись от бедного народа, чуть ли не двадцать веков назад обращенного в христианство и внявшего проповеди Евангелия от святого Фомы, народа, еще в I веке давшего миру мучеников за веру. В то самое время, когда Пий XI[199] обличал политическую

[198] Комментарии: 1.198

…упоминал о договоре с Эфиопией… — После агрессии фашистской Италии, Эфиопия обращалась с жалобой в Лигу Наций.

[199] Комментарии: 1.199

Пий XI (Акилл Ратти, 1857–1939) — римский папа с 1922 по 1939 г. Вел активную политическую и дипломатическую деятельность и подписал множество конкордатов, в том числе с Италией (1929) и с Германией (1933), пытаясь одновременно осуждать фашизм и нацизм как идеологические движения.

безнравственность и бесстыдство, почти все итальянское духовенство старалось оправдать эту позорную войну при помощи весьма запутанных с виду казуистических построений, которые сводились к следующему: «Убийство негра, даже если он христианин, — совершеннейший пустяк по сравнению с убийством важного господина, украшенного орденами и имеющего счет в банке, особенно если этот негр настолько испорчен, что владеет рабами, вместо того чтобы самому быть рабом».

Я уже приводил в «Больших кладбищах под луной» весьма характерный отрывок из записок Витторио Муссолини — сына дуче, офицера итальянских военно-воздушных сил, который участвовал в эфиопской кампании. Повторяю эту цитату здесь.

«Я ни разу не видал большого пожара, — заявляет он, — хотя в детстве часто бегал поглазеть на место происшествия, вслед за пожарными машинами… Может быть, именно потому, что стал известен этот пробел в моем воспитании, самолет 14-й эскадрильи и получил приказ подвергнуть бомбардировке зажигательными бомбами территорию, прилегающую к Аддис-Абебе. Надо было… поджечь леса, поля и деревушки.

Зрелище получилось просто захватывающее… Едва коснувшись земли, бомбы взрывались в клубах белого дыма, к небу вздымалось гигантское пламя, разом вспыхивала сухая трава. А животные! Господи, ну и носились же они!.. Когда бомбоотсеки опустели, я начал швырять бомбы руками прямо из кабины… Оказалось, это интересно. Попасть в большую „заребу“, окруженную высокими деревьями, нелегко. Я целился очень тщательно, но угодил в точку лишь с третьего раза. Увидев, что крыша загорелась, бедняги выскочили из хижины и, как безумные, ринулись прочь… Четыре-пять тысяч абиссинцев очутились в огненном кольце и погибли от удушья. Жарко было, точно в преисподней: дым поднимался на немыслимую высоту, в черном небе полыхали красные отблески пламени» {40}

Да соблаговолит читатель поразмыслить над этими знаменательными записками. Прочитав их, он, быть может, поймет, почему до сих пор прекрасно информированные высшие духовные власти умалчивают о жестокостях, творимых фашистами. Поскольку Гитлер шел вслед за Муссолини, дух и методы ведения итальянскими

{40} Примечания: 2.40

Из газеты «Де Хруне Амстердаммер», приведено в «Пэ сивик». — Прим. автора.

фашистами войны в Эфиопии — войны, которую благословило высшее итальянское духовенство и одобрили католики всего мира, — целиком и полностью унаследовали немецкие фашисты.

Франция не должна больше погружаться в сон

Перевод О. П. Лускиной

Декабрь 1942 г.

Если верить последним сообщениям, высадка американцев[200] успешно продолжается. Сегодня, как и в тот, уже далекий день, когда до нас дошло известие о трагедии у Мерс-эль-Кебира[201], я хочу отвлечься от мысли о поредевших экипажах, горящих или тонущих кораблях, чьи прославленные имена воскрешают прошлое, совершенно неизвестное молодому победоносному американскому флоту. Одно лишь важно мне теперь — чтобы стерто было пятно с нашей чести, чтобы Франция так или иначе вновь вступила в войну, ибо война абсурдная и даже

---

[200] Комментарии: 1.200

Высадка американцев — речь идет о так называемой операции «Торч», совместном англо-американском десанте в Тунисе и Алжире, начатом в ноябре 1942 г.

[201] Комментарии: 1.201

Мерс-эль-Кебир — город в Алжире, где была расположена французская военно-морская база. 3 июля 1940 г. французская эскадра отказалась там подчиниться ультимативному приказу англичан продолжать войну против Германии либо разоружиться, и была обстреляна, в результате чего затонуло три крейсера из четырех и погибло 1300 французских моряков.

неправедная лучше позорного мира. Поймите же меня, дорогие бразильские друзья, постарайтесь понять меня в этот решающий час, даже если мой голос слегка дрожит от волнения. Я не хочу, чтобы вы принимали меня за простака, благоговейно внимающего, как Евангелиям, всем пропагандистским лозунгам демократий. Говоря о бесчестье моей страны, я прекрасно осознаю, что отвратительная капитуляция 1940 года в Ретонде была не более отвратительна, чем капитуляция 1938 года в Мюнхене, и если я считаю Лаваля реалистом — то есть негодяем, — то я ничуть не склонен считать идеалистом Гувера или любого другого из тех плутократов-изоляционистов, которые только что дали Рузвельту испытать на себе неблагодарность всеобщего избирательного права[202], что известна, впрочем, этому великому человеку лучше, чем мне, и к которой он, вероятно, был морально готов. Верно, что Францию начиная с 1918 года много раз предавали ее бывшие союзники. Верно, что зловещий Лаваль, являющийся сегодня агентом Германии, был во время войны в Эфиопии

[202] Комментарии: 1.202

…неблагодарность всеобщего избирательного права… — Возможно, Барнанос имеет в виду то, что Рузвельт, получивший на выборах в 1936 г. 60,8 % голосов, в 1940 г. набрал всего лишь 54,7 %.

не только агентом Муссолини, что прямо-таки напрашивается, но и своим человеком для американских сенаторов, которые, чтобы сделать недействительной санкцию на продажу нефти, поспешили проголосовать за пресловутый закон о нейтралитете, пошедший на пользу фашистской Италии[203], а также своим человеком для английских консерваторов, традиционно враждебных к средиземноморской Франции. Верно, что в самом начале гражданской войны в Испании Чемберлен поддержал генерала Франко против нас и таким образом определил нашу судьбу. Все это мне известно, мои дорогие друзья, но я знаю также, что Франция остается Францией, я ни минуты не думал, что чье-то предательство может служить оправданием нашему предательству. Изменяя своему слову, та или иная нация унижает только себя, тогда как бесчестье нашего народа отозвалось во всех сердцах. У вишистской буржуазной коалиции не было иной цели, как заставить мою несчастную страну примириться

[203] Комментарии: 1.203

…пресловутый закон о нейтралитете, пошедший на пользу фашистской Италии… — В результате переговоров Лаваля и Муссолини, состоявшихся в январе 1935 г. в Риме, фактически оказалась открыта дорога для агрессии Италии в Эфиопии. Впоследствии правительство Лаваля саботировало санкции Лиги Наций против Италии, и эта политика сыграла роль прецедента для американских законодателей, оформивших саботаж санкций официально.

с бесчестьем, и если бы она в этом преуспела, то весь мир был бы готов принять мир по-немецки, мир «нового порядка», постыдный мир. Постыдный мир! Еще несколько месяцев тому назад он угрожал нашему народу. За всю историю Гитлер — единственный из врагов моей родины, кто претендовал подчинить ее себе с помощью гнусных благодеяний, купить ее ценой чести. Если бы Германия стала господствовать в Европе, мы были бы, вероятно, самым жирным из ее рабов. Господь не допустил страшнейшего несчастья, покоренная Франция не уснула на плече своего завоевателя. Вновь льется кровь, вновь тонут и взрываются корабли. Тем лучше! Присоединятся ли африканские эскадры и войска к де Голлю или будут смяты огнем союзнических пушек, что бы там ни было — неважно! Все лучше, чем постыдный сон согласия, смирения, забвения: отныне, чего бы это ни стоило, Франция не должна больше погружаться в сон.

Франция не должна больше погружаться в сон. И не нужно доверять ее убаюкивателям. Дорогие бразильские читатели, мне странно, что в этом победном гуле вот уже несколько дней

так часто мелькают имена Петена, Дарлана[204], Вейгана[205]... Друзья, полагающие себя хорошо информированными, вот уже несколько месяцев предвещают мне скорое официальное признание генерала де Голля. Мне всегда казалась достойной уважения вера этих честных граждан в правоту и справедливость демократии, но медлительность, с которой до сих пор при столь благоприятных обстоятельствах совершается эта справедливость, побуждает меня попытаться в скором будущем высказать мои самые глубинные мысли по этому поводу или скорее просто мою мысль, ибо она достаточно ясна, чтобы можно было без труда разглядеть ее целиком. Я стараюсь принести на службу моему отечеству здравый смысл, не больше и не меньше, — здравый смысл и честь.

---

[204] Комментарии: 1.204

Дарлан Франсуа (1881–1942) — французский адмирал, главнокомандующий военно-морскими силами в 1936–1940 гг., министр в вишистском правительстве и официальный преемник Петена в 1941–1942 гг. В 1942 г. был назначен главнокомандующим вооруженными силами Виши, вступил в соглашение с союзниками, высадившимися в ноябре 1942 г. в Северной Африке и погиб в результате покушения в городе Алжире.

[205] Комментарии: 1.205

Вейган Максим (1867–1965) — французский армейский генерал. В первую мировую войну, с начала 1918 г. был начальником штаба верховного командования союзных армий, в 1920 г. помогал полякам воевать против Красной Армии, во вторую мировую войну с мая 1940 г. являлся главнокомандующим вооруженными силами и в качестве такового оказался одним из виновников капитуляции Франции.

Дарлан

Перевод И. Ю. Истратовой

Январь 1943 г.

Я никогда не спешу, как думают, или притворяются, будто думают, некоторые люди, вовсе не читавшие моих статей, поверять публике свои мысли: мне было бы слишком стыдно противоречить самому себе каждые две-три недели, подобно многим моим собратьям. Я не профессиональный журналист, обязанный по долгу службы во что бы то ни стало ежедневно информировать читателей; значит, имея возможность обдумать тему, а потом уже браться за перо, я был бы достоин презрения, если бы не считал, что несу ответственность за каждую написанную страницу.

Кое-кому из друзей угодно удивляться моему молчанию: я до сих пор ничего не сказал о гибели адмирала Дарлана. Сам факт, надо признаться, не представляется мне значительным, это всего лишь один из эпизодов (и его нетрудно было предвидеть) гигантской интриги — высадки

американцев в Северной Африке[206], интрига эта была скорее дипломатической, чем военной, и скорее политической, чем дипломатической, впрочем, нам никогда не познать ее тайну до конца, ибо тайна эта сокрыта «от глаз людских в глубоком мраке», по выражению Шекспира. Я не преподаватель этики, но даже владей я искусством ее преподавать, надеюсь, у меня хватило бы здравого смысла не подходить к такому делу с ее мерками. Подобные операции правительства официально признают только в случае благополучного исхода, хотя их подготовку и проведение всегда поручают проходимцам. История, словно огромный город, сбрасывает нечистоты в клоаку, и людям брезгливым не стоит гулять там с фонарем.

Дорогие читатели, я пытаюсь увидеть события такими, каковы они на самом деле. Естественно, вы вольны их видеть в ином свете. Вы можете, если угодно, принимать старых лис в политике

[206] Комментарии: 1.206

…гигантской интриги — высадки американцев в Северной Африке… — Судя по полученным впоследствии данным, интуиция Бернаноса не обманывала, и эти военные действия были предприняты для того, чтобы оттянуть открытие второго фронта в Европе.

— Дарлана, Ногеса[207], Буассона — за людей с чистой совестью, жертв благородных иллюзий. В нескольких словах, шедших от самого сердца, американские генералы просветили этих честных вояк, и все они, французы и американцы, упали друг другу в объятия с криком: «Да здравствует Франция!»

Вы вправе представлять себе события именно так, дорогие читатели. Вы, но не я. На родине я слишком долго наблюдал коррупцию в действии и вижу продажные души насквозь. Впрочем, вы разбирались бы в них не хуже, чем я, если бы изоляционисты, одержавшие верх над г-ном Рузвельтом только на последних выборах в США[208], пришли к власти два года назад. Тогда Англия проиграла бы войну, и вы, без сомнения, к этому времени уже узнали бы, что такое борьба за чистоту расы и каковы ее методы. Нацию очищают от нежелательных элементов на научной основе, во имя расы, отбора, закрепления

---

[207] Комментарии: 1.207

Ногес Шарль (1876–1971) — французский генерал; вначале пытался сорвать высадку союзных войск в Северной Африке, потом присоединился к Дарлану, в 1943 г. вышел в отставку.

[208] Комментарии: 1.208

…одержавшие верх над г-ном Рузвельтом только на последних выборах в США… — Имеются в виду не президентские выборы, а успех противников Рузвельта на выборах в законодательные органы.

воспроизводящего типа особей, но Гитлер давным-давно решил, что латинские народы как представители низшей расы этого недостойны. Вам пришлось бы удовольствоваться эрзацем испанской инквизиции, то есть «очищением» во имя высоких принципов, нравственности, религии. Будьте уверены, это было бы не менее эффективно, и многие из моих замечательных собратьев, достаточно наивных и умиляющихся сегодня раскаянию и прямодушию явных или тайных сторонников фашизма, которых он успел навербовать в разных странах мира, в том числе и во Франции, давным-давно покоились бы на кладбище, в обществе многих других смутьянов, получивших пулю в затылок.

Благодаря урокам антитрестовского законодательства, а также недавним урокам мобилизации американцы на собственном горьком опыте узнали, что такое коррупция. И пусть себе покупают продажные души — на то они и продажные. Но, к сожалению, сегодня в США стремятся купить не свои, а наши; вы улавливаете, в чем разница, дорогой читатель? Может быть, для вас это не столь важно, зато важно для меня. В самом деле, иметь дело с гнилыми Душонками опасно, ибо от них может заразиться множество людей.

Никто сегодня не сомневается в том, что нацистская пропаганда тяжкой гангреной поразила французскую элиту. Когда всех этих генералов, губернаторов, судей, крупных чиновников, уже однажды продавшихся, купят во второй или третий раз — даже во имя правого дела, — боюсь, что нашу жалкую элиту ждет судьба кур и уток, которых целый день щупают на рынке, а вечером выбрасывают на помойку. Стоит ли продолжать? Мне кажется, нет. Я слишком четко сознаю: мои непритязательные замечания, простые и ясные слова, слова француза-патриота, — подобно фильму о любви, втиснутому в кинопрограмму между двумя документальными лентами, — тонут в гуле умелой пропаганды, подменяющей реальные факты то вымышленными статистическими данными, то туманно-сентиментальными рассуждениями с явной целью лишить общество способности суждения и оставить ему одни примитивные проявления чувства. Найдется ли среди тех, кто прочтет эти строки, хоть сто, хоть десять, хоть один человек, у которого достанет мужества заткнуть уши, чтобы укрыться — пусть на мгновение — от рева официальных лозунгов? Сейчас, когда десятки миллионов болванов день и ночь твердят популярный призыв: «Надо вы-

играть войну любыми средствами, разбираться будем потом!» — найдется ли, повторяю, хотя бы один-единственный человек, у которого достанет мужества ответить: «Нет, простите! В 1938 году, во времена Мюнхена, вы обещали, что любыми средствами добьетесь мира, но все же разразилась война, значит, вы обесчестили нас напрасно. Ибо и в мирное, и в военное время мало не брезговать любыми средствами, нужно уметь выбрать самое подходящее, иначе говоря, главное — не быть дураками».

Генерал Жиро — американский сценарист

Перевод Е. В. Никитиной

Февраль 1943 г.

Поскольку я никогда не принадлежал к официальным организациям «Свободной Франции»[209], назвать меня с уверенностью «голлистом», пожалуй, нельзя — по крайней мере в том смысле, какой с презрением вкладывают в это слово некоторые высокопоставленные чиновники, чья плачевная ситуация сейчас, после краха Виши, похожа на положение потерянной собаки, которая ищет нового хозяина. У меня на родине потерявшихся собак отводят на живодерню, и, если никто за ними не обратится по истечении сорока восьми часов, их усыпляют осветительным газом. Следует ли говорить, что я отнюдь не желаю уничтожения оказавшихся не у дел чиновников с помощью газа! Позволю себе только заметить, что подобное, столь радикаль-

---

[209] Комментарии: 1.209

«Свободная Франция» — возглавлявшееся Шарлем де Голлем патриотическое движение за освобождение Франции от фашистской оккупации. Руководилось оно Французским национальным комитетом, находившимся в Лондоне.

ное решение должно бы понравиться бывшим коллаборационистам. Это ведь абсолютно в фашистском или нацистском стиле…

Когда я говорю, что думаю по поводу Жиро или де Голля, я выражаю свое мнение не как человек, принадлежащий к определенной партии. Каковы бы ни были мое восхищение и моя благодарность за огромную услугу, оказанную «Свободной Францией» моей стране, хотя я не могу считать партией это объединение патриотов, факт остается фактом — никакая организация не может обойтись без дисциплины, а моя профессия писателя запрещает мне подчиняться какой бы то ни было дисциплине, за исключением той, которую предполагает в области догмы либо морали религия, к которой я принадлежу. Уже из одного только уважения к тем, кто меня читает, я не могу допустить, чтобы обо мне думали как о человеке, пишущем или хранящем молчание по приказу. Нужна ли какая-либо еще гарантия моей беспристрастности? Охотно признаюсь, что африканские события мне представляются скорее как спасительное испытание, способное удалить из наших рядов некоторое число разочарованных честолюбцев, оказавшихся не у дел паразитов — политиков, журналистов, бизнесменов, показ-

ной патриотизм которых вдохновляется прежде всего жаждой реванша. Таким образом, я могу поставить вопрос, исходя из самого обыкновенного здравого смысла.

Катастрофа 1940 года имеет две стороны: это, с одной стороны, материальная, более или менее поправимая катастрофа, а с другой — крайне острый кризис национального сознания, последствия которого пока еще непредсказуемы, потому что, если нам не удастся его преодолеть, тогда, даже в случае победы, мы останемся народом побежденных. А разрешить этот кризис можем только мы. Нельзя допустить, чтобы сегодня мы позволили контролировать либо фальсифицировать наши национальные чувства людям, которые совсем не понимают специфику нашего миролюбия, нашей духовной жизни, нашего представления о чести и с легкостью размещают в одной и той же клеточке памяти Бейяра[210]

[210] Комментарии: 1.210

Бейяр Ипполит (1801–1887) — французский фотограф и изобретатель, которому первому удалось получить позитивное изображение прямо на бумаге.

и Буффало Билла[211], Линдберга[212] и Гинемера[213]. Ставя свою огромную систему пропаганды на службу вдохновленной гнусной мюнхенской моралью политике потворства предателям, эти люди не могут не знать, что они продолжают дело деморализации, начатое в 1936 году бесчисленными агентами врага. Наша судьба — я хочу сказать, жизнь или смерть Франции — зависит сегодня от поколений, которые едва вышли из детства и не были обучены казуистике трусов. Пропаганда, о которой я говорю, может породить бунт и отчаяние в этих юных умах, навязывая им мысль, что бесчестье — это выгодная карьера и что последнее слово всегда остается за подлецами.

Мы не можем допустить такого скандала.

Требуя, таким образом, права исправлять самим, по-своему и в соответствии с нашим тра-

---

[211] Комментарии: 1.211

Билл Буффало (наст. имя Уильям Фредерик Коди, 1846–1917) — американский полковник, воевавший с индейцами, впоследствии переквалифицировавшийся в директора цирка.

[212] Комментарии: 1.212

Линдберг Чарлз (1902–1974) — американский летчик, совершивший первый беспосадочный перелет через Атлантический океан, из США во Францию, пролетевший 5800 км за 33 часа 30 минут.

[213] Комментарии: 1.213

Гинемер Жорж (1894–1917) — французский летчик, герой первой мировой войны, сбивший 53 немецких самолета.

дициoнным представлением о чести ошибку, за которую наш народ сам ответит перед историей, мы считаем, что не наносим этим никакого оскорбления нашим заморским союзникам. Американское сознание, хотя и сформированное наспех, в течение столетия, и в постоянно неблагоприятной для индивидуальной внутренней жизни атмосфере, без всякого сомнения, обладает столь же добротной пробой, как и наше собственное. Если некоторые его качества нас удивляют, это значит, что мы плохо его знаем, ибо сознание народа выражается не в политических речах или газетных статьях, а на протяжении веков постепенно проявляет себя в литературе, которую оно вдохновляет. Америка же пока еще дала миру очень малое число великих произведений — разве что посчитать таковыми романы «Унесенные ветром»[214] и «Муссон»[215]. Все это делает необходимость откровенного объяснения еще более насущной.

---

[214] Комментарии: 1.214

«Унесенные ветром» — опубликованный в 1936 г. роман американской писательницы Маргарет Митчелл (1900–1949), рассказывающий о жизни Юга во время и после гражданской войны 1861–1865 гг.

[215] Комментарии: 1.215

«Муссон» — опубликованный в 1937 г. роман американского писателя Луиса Бромфилда (1896–1956), действие которого происходит в одном из княжеств Индии.

Американцы охотно считают нас легкомысленными и воображают, что мы восстаем против фактов. Это очень большое заблуждение. Мы прекрасно понимаем, что наша капитуляция в 1940 году отдала нас на милость более сильного — кем бы этот сильный ни был. Мы знаем также, что американская демократия является демократией реалистической, ибо она сама неустанно твердит об этом с 1918 года. Мы находим, таким образом, вполне естественным, что она не упустила ситуацию, благоприятную для того, чтобы сделать из Дакара свой африканский Гибралтар[216]. Мы не протестуем против фактов, мы лишь просим разрешения видеть их такими, какие они есть, независимо от тех интерпретаций, которые предлагает американская мораль. Американская политика действительно знает, чего хочет, в то время как американскому идеализму еще предстоит проясниться, к тому же существует несколько разновидностей американского идеализма… Слово «демократия» не может иметь один и тот же смысл в устах г-на Форда и в устах г-на Рузвельта. Знаю, что массам американских

[216] Комментарии: 1.216

…сделать из Дакара свой африканский Гибралтар. — То есть заполучить далеко отстоящий от метрополии форпост вроде того, каким для Великобритании является Гибралтар.

избирателей такие различия покажутся несколько излишними, но тут уж ничего не поделаешь. Моя страна побеждена и разрушена, это так, но разруха и поражение не в состоянии заставить нас думать иначе. Даже теперь, когда французский дух пал очень низко, французский ум обязан оставаться трезвым. Он продолжает выполнять свою многовековую миссию, настаивая на некоторых необходимых уточнениях, и эти уточнения остаются чрезвычайно драгоценными не только для нас, но и для всех народов, которые, не имея возможности закупить большого количества танков и самолетов, не смогут обойтись без таких качеств, как осторожность и проницательность. Если те здравомыслящие люди, для которых я пишу, захотят в этой связи одобрительно отнестись к нашему протесту против создания в Африке фашистского правительства под руководством Пейрутона[217], они посмеются над теми, кто обвиняет нас в том, что мы приносим войну в жертву нашим политическим злобствованиям. Чего бы мы не хотели, так это того, чтобы мир, будущий мир, мир с его справедливостью и достоинством, приносился в жертву комбинациям,

[217] Комментарии: 1.217

Пейрутон Марсель — администратор в Северной Африке до войны и во время войны, коллаборационист.

которые нам преподносят как временные решения, в то время как они создают опасные для всех прецеденты. Правда, в своей недавней великолепной речи президент Рузвельт с возмущением отбрасывает любую идею компромисса с Квислингами[218]. Однако эти благородные чувства президента Рузвельта ни к чему не обязывают будущий американский конгресс. Если на следующий день после перемирия фашист Пейрутон с помощью частей генерала Жиро, тщательно для этого дела экипированных, пожелает навязать изголодавшемуся и безоружному французскому населению новую «петеновщину», я думаю, в этом случае было бы неразумно надеяться, что наши американские союзники сделают не что иное, как посоветуют нам терпения. Во имя политики вмешательства поставят у власти Пейрутона, во имя политики невмешательства его там оставят.

Иногда меня спрашивают, что я думаю о генерале Жиро. Боже мой, это проще простого!.. Как и Петен — на которого он, кстати, удивительно

---

[218] Комментарии: 1.218

Квислинг Видкуп (1887–1945) — организатор (1933) и лидер фашистской партии в Норвегии. Содействовал захвату Норвегии фашистской Германией (1940). В 1942–1945 гг. был премьер-министром правительства, сотрудничавшего с оккупантами. Казнен как военный преступник. Имя Квислинга стало нарицательным для обозначения предателей своего народа.

походит внешне, — Жиро уполномочен обеспечивать защиту определенной части выродившейся, денационализировавшейся из-за жадности и страха французской буржуазии, у которой в 1940 году зародилась мечта добиться от Гитлера сохранности своих сейфов ценой отказа от родины. Однако роль Жиро при американцах еще более трудна, чем роль Петена. Ибо сегодня с его помощью коллаборационистам придется спасать не только свои сейфы, но и свои шкуры.

Позвольте Франции изъясняться по-французски

Перевод Е. В. Никитиной

Март 1943 г.

Я прекрасно понимаю, что в Северной Африке сейчас разыгрывается настоящая партия и что авгуры станут меня упрекать за легковесность суждений, непозволительную в деле таком же сложном, как шахматная партия. Однако зачем же принуждать Францию садиться за шахматную доску, если играть в шахматы она не желает? Зачем восстановление нашего национального единства, разрушенного величайшим в истории унижением, вверять специалистам и экспертам, словно речь идет об одном из тех послевоенных шедевров, которые называются планом Дауэ-

са[219] или планом Юнга[220]. Францию расколол отнюдь не спор о доходах, а спор о чести, и никакому здравомыслящему человеку не придет в голову назначить арбитрами в этом споре о чести экспертов по плану Юнга или по плану Дауэса. Мне, конечно, известно, что значительная часть американцев, к сожалению, склонна смешивать проблемы чести с проблемами самолюбия. Франция существует уже тысячу лет, за это время дала миру много героев и святых как раз затем, чтобы сделать невозможными подобного рода смешения, то есть чтобы помочь навести какой-то порядок в умах и сердцах людей. Здесь речь идет вовсе не об одной из тех трагикомедий, которыми изобилует история трестов, когда два могущественных спекулянта ожесточенно дерутся, из

---

[219] Комментарии: 1.219

План Дауэса — репарационный план для Германии, разработанный международным комитетом экспертов под руководством американского банкира Чарлза Дауэса и утвержденный 16 августа 1924 г. на Лондонской конференции держав-победительниц в первой мировой войне. Предусматривал предоставление Германии займов и кредитов для восстановления ее военно-промышленного потенциала. США, Великобритания и Франция стремились направить германскую агрессию против СССР и подчинить экономику Германии американским и английским монополиям. В 1929–1930 гг. был заменен планом Юнга.

[220] Комментарии: 1.220

План Юнга — план практического взимания репарационных платежей с Германии, разработанный в 1929–1930 гг. взамен плана Дауэса. Назван по имени американского банкира Оуэна Д. Юнга, возглавившего разработку плана. Утвержден на Гаагской конференции в январе 1930 г.;

предусматривал снижение размера годовых репарационных платежей, отмену всех форм и видов контроля над Германией, способствовал милитаризации ее экономики. С 15 июля 1931 г. фактически перестал действовать по одностороннему решению правительства Германии.

мелкого тщеславия стремясь подмять под себя рынок, которого с избытком хватило бы, чтобы обогатить их обоих. Речь вовсе не о какой-нибудь истории в духе романов плаща и шпаги, типа «Трех мушкетеров» или «Сирано де Бержерака», и не о киносценарии, написанном для Дугласа Фербенкса[221], отца либо сына. Так о чем же речь? Когда в эти последние месяцы с вершины моего холма сквозь бесконечную, непрерывную пелену дождя я созерцаю необъятное скопление надвигающихся друг на друга серых гор, растянувшихся на сотни километров, до самого побережья, окрашенного в золотистые медовые цвета, до самого далекого-далекого рая, мне случается страдать не от одиночества, а от приступа самонадеянного воображения, порожденного, вероятно, одиночеством и способного вызвать улыбку у читающих меня друзей. Да, порой я прокручиваю в своим сознании некоторое количество простых мыслей и прихожу к выводу, что эти мысли никогда не были высказаны, по крайней мере с подобающей им простотой, великим и могущественным людям. Нужно ли продолжать мою исповедь дальше?

[221] Комментарии: 1.221

Фербенкс Дуглас (1883–1939) — популярный американский киноактер. Снимался в фильмах «Знак Зорро», «Робин Гуд», «Багдадский вор», «Черный пират» и др.

Почему бы нет? Так вот, я смотрю на фотографию г-на Уинстона Черчилля, занимающую почетное место в лучшей комнате дома — я имею в виду место, укрытое от самых сильных ливней, — и воображаю, как мы, он и я, после небольшой прогулки верхом по нашим скверным дорогам спокойно сидим и курим сигары, перед тем как приняться за «кролика по-королевски» под красным вином марки «Романе-Конти». О! Наличие у меня «кролика по-королевски» и Романе-Конти показалось бы мне еще более невероятным, чем присутствие г-на Черчилля. Но ведь потерял же как-то г-н У. Черчилль — правда, в иные времена — десять минут на беседу с Андре Моруа, ловким и скромным посредником между чужими идеями, чья роль в литературе подобна роли скромного швейцара у «Максима», днем и ночью открытого навстречу всем и вся, как бордель. Я иногда себя спрашиваю, а доводилось ли г-ну Черчиллю хоть раз слышать, как говорит скромный француз вроде меня, ум которого, слава богу, не столь ослепителен, чтобы затмить логику, и который чувствует себя в состоянии говорить одним и тем же языком с бедняком и с важным сеньором, с миллиардером и с бродягой, с Черчиллем, с папой римским и даже с самим Господом Богом,

если бы тот вдруг соизволил к нему обратиться. О! Только прошу вас не делать из этого вывод, что я со всеми на «ты», как какой-нибудь квакер или санкюлот. Ничто не кажется мне более смешным, чем уравнительная надменность. Просто я хочу сказать, что чувствую себя способным естественно изъясняться на языке своего народа, как раз на том языке, на котором человек из народа почти никогда не говорит, потому что старается выражаться на напыщенном и плоском жаргоне интеллигентов, которые из него вышли и которых он втайне ненавидит, потому что со школьной скамьи их ему представляли как элиту его класса, как его покровителей и заступников, тогда как в действительности это он сам, народ, им покровительствует, защищает, продвигает в правительство, политику и даже в высший свет, всегда готовый полюбоваться на этих выскочек, лишь бы только они были погорластей. «Прежде всего я хочу послушать Дорио, Дорио прежде всего», — говорила в 1937 году одной своей близкой подруге грациозная княгиня де Грес, высадившись в Париже из Восточного экспресса после длительного путешествия.

Изъясняться на языке народа — это вовсе не значит говорить на арго или на диалекте, это

значит стараться настроить свой собственный язык таким образом, чтобы он как можно более точно и честно выражал то небольшое количество чувств, которые являются общими для всех французов, ибо народ это мы все, любая французская фамилия принадлежала народу или будет ему принадлежать завтра, поскольку если она в какой-то момент и отрывалась от него, то лишь внешне. Да, народ — это мы все, и во время великих национальных потрясений речь не идет о том, чтобы мы шли в народ, как на поиски нового материка, речь идет о том, чтобы безболезненно расстаться с тем, что держит нас вдали от народа, подобно тому как путешественник платит по счету в отеле, прежде чем вернуться домой. Именно это я и стараюсь делать в течение вот уже трех лет, и все могут попытаться сделать то же самое, при условии, что будут искренни сами с собой, так как большое несчастье современного мира состоит в том, что человек общественный в нем всегда удушает человека реального, человека внутреннего. С помощью подобного усилия искренности мы можем рассчитывать на предвидение не того или иного момента нашего национального кризиса, но на предвидение обстоятельств его развития вплоть до его будущего разрешения.

Потому что рано или поздно Франция по-своему разрешит этот кризис, согласно своему гению, и вместо того, чтобы терять время с дураками, которые называют себя информаторами лишь на том основании, что подглядывают в замочную скважину и вопят: «Я вижу!» — как раз в тот момент, когда какое-либо непредвиденное событие, словно пинок под зад, случается у них за спиной, великим и могущественным мира сего лучше бы получать информацию от некоторых истинных французов, абсолютно беспристрастных, поскольку они мертвы, — от перечитывания, скажем, произведений Виктора Гюго… Нет, дорогой господин Черчилль, я представляю вам Виктора Гюго не как человека исключительного ума, а как национального поэта, что невозможно опровергнуть, ведь даже самые образованные из нас, будь они столь же изощренны, как Жироду[222], чувствуют себя очень уютно в этих великих возвышенных стихах гениального ребенка и гуляют в них рука об руку с трактирщиком, лавочником, бывшим военным, школьным учителем и

[222] Комментарии: 1.222

Жироду Жан (1882–1944) — французский писатель. Холодной иронией и сарказмом отмечены книги Жироду о войне. Ведущая тема всего его творчества пацифизм, защита культуры, носителями которой выступают гуманные одиночки-интеллигенты.

приходским священником, в облаках пыли и под звуки фанфар, как во время фейерверков четырнадцатого июля. Рано или поздно народ кинет взгляд на сегодняшние события через призму метафор Гюго, увидит их в несколько грубоватом ракурсе, рискуя опечалить утонченные умы как в Англии, так и в иных странах… Чего же вы хотите? Ведь это наш хлеб, в нем и Мольер, пусть внешне этого и не видно, но испечен он в той же печи, а все остальное — лишь закуски и десерты, и одному лишь богу известно, какие мы специалисты по закускам и десертам. Неважно! Вспомните высказывание нашей прекрасной и неповторимой г-жи де Севинье[223] о Расине: «В Расине нет ничего великолепного, ничего, что восхищало бы. У него полное отсутствие тирад, подобных корнелевским, от которых дрожь идет по коже». Поразмыслив некоторое время над этим предвзятым и столь наивно аргументированным суждением, принадлежащим ни много ни мало самой просвещенной женщине свое-

[223] Комментарии: 1.223

Севинье Мари де Рабютен-Шанталь де (1626–1696) — французская писательница. На протяжении двадцати с лишним лет писала письма дочери, в которых рассказывала о жизни Парижа и Версаля, остроумно освещала политические события, рецензировала труды философов, писателей, описывала последние спектакли, язвительно критиковала режим абсолютной монархии, политику иезуитов, лицемерие двора.

го времени, каждый рассудительный человек сможет угадать, какое место в своей истории Франция отводит Петену.

Впрочем, как же! Она ему его не отводит, он его уже занимает. Я ошибся, написав только что, что французский народ оценит события так, как оценил бы их сегодня, будь он среди нас, Виктор Гюго, автор «Возмездий»[224]. Он не оценит, он оценивает уже сейчас. О сильные мира сего, о великий Черчилль, дело в том, что ваши информаторы и эксперты из страха утратить источник своих доходов поостерегутся сообщить вам следующее: в сущности, все мы, французы, оцениваем Петена и «петеновщину» одинаково. В сущности, говорю я, однако, вместо того чтобы пытаться докопаться до этой сущности, информаторы предпочитают ориентироваться на сведения, поставляемые опросами. А между тем опрашивать древний народ — весьма сложная задача, поскольку он сам плохо знает себя и подчиняется скорее подсказкам своего сознания, чем его приказам. Но трудность подобного мероприятия

[224] Комментарии: 1.224

«Возмездия» (1853) — сборник политических стихов Виктора Гюго (1802–1885), проникнутых пафосом возмущения против Наполеона III и преступной клики, на которую он опирался, против буржуазии, предавшей интересы демократии.

возрастает тогда, когда сознание народа переживает период тяжелого выздоровления после величайшего из всех когда-либо изведанных им унижений. В самом деле, не найдется и одного француза на тысячу, который в глубине души когда-либо сомневался относительно окончательного приговора истории Петену, но только французы не стремятся сообщить об этом вашим информаторам, о великие мира сего! Это вам надо действовать так, как если бы они об этом сказали, смело придерживаться этой истины, отказываться вступать с ними в петеновские казуистические препирательства, дать им возможность выйти из них, иными словами, не обращаться с ними с наглой снисходительностью. Будьте уверены, что, соглашаясь в свое время на перемирие, большинство этих несчастных прекрасно понимали, что они поступают как подлецы, но они смутно надеялись, что Петен навсегда, до скончания веков, запишет эту подлость на свой счет. Чего же вы хотите? Они были разочарованы в войне еще до того, как начали воевать, и в течение восьми месяцев у них было впечатление, что правительство просто насмехается над ними, поставляя им проповеди вместо людей и танков. Военная катастрофа нанесла им последний удар: они за-

хотели мира немедленно, мира во что бы то ни стало, любой ценой, они поддались коллективной одержимости миром и вступили за Петеном в постыдный мир, подобно тому как идут за проституткой в притон. Сначала им там было не по себе, но в конце концов они обосновались там вместе со своими женами и детьми. Не будете же вы от них требовать, чтобы они признались своим семьям, для чего они туда пришли: чтобы спасти свою шкуру или шкуру своих близких, подобно тому как девица позвольте мне продолжить мое сравнение — приходит в публичный дом из отвращения к работе и чтоб не сдохнуть с голоду. Только девица, когда ее расспрашивают, редко дает столь банальное объяснение, в ход идут другие: она якобы принадлежит к богатой и почтенной семье, ее отец был судьей или полковником, ее мать умерла в момент ее рождения, она была обманута женихом; все эти несчастья сделали из нее проститутку, но она знает, как вести себя с честными женщинами, смотрит им прямо в лицо и открыто отстаивает право заниматься своим ремеслом — по примеру самого Маршала — в почете и достоинстве, и так далее, и тому подобное… Обратите внимание, она и сама поверила в свою версию, подобно тому как

благонамеренные петеновцы верят в свою. «Они вовсе не трусы, отнюдь! Просто они героически согласились выдать себя за таковых, дабы спасти Францию от коммунизма». Самое печальное, увы! состоит в том, что в этом есть доля правды, эти несчастные согрешили не только из слабости — что может случиться с каждым, — они согрешили против французской веры, французской надежды и французского милосердия, они согрешили против разума.

Дорогой господин Черчилль, не знаю, было ли у вас когда-либо время обстоятельно поразмыслить над природой преступлений против разума, только опыт показывает, что те, кто совершил этот грех вместе, всегда кончают ненавистью друг к другу, смертельной ненавистью. Не сомневайтесь ни на секунду в чувствах, которые испытывают — либо испытают однажды — несчастные французы к тем адмиралам, маршалам, генералам, превосходительствам, преосвященствам, преподобиям, которые не только отягчили свою совесть преступлением, но еще и систематически деформировали эту совесть отвратительной казуистикой для того, чтобы преступлению было удобно в нем расположиться, и преуспели в этом настолько, что теперь себя спрашивают, удастся

ли ей когда-либо вновь обрести вид честной совести и не будут ли они выглядеть извергами в глазах собственных детей. Бедняги! В 1940 году они себе говорили, что после Китая, Эфиопии, Австрии, Испании добродетельным демократиям вроде бы не в чем их упрекнуть, что новое грязное пятно не заметят. Бедняги! может быть, одно лишнее клятвопреступление и не бросится в глаза на ком-то другом, только не на Франции. Признайтесь, что момент для обхаживания их превосходительств и их преподобий плохо выбран, тем более что это делается в наиболее оскорбительной для француза манере, когда за ними сохраняются те же места, на которые их усадил Гитлер. Словом, вы надеетесь использовать тех же людей, что и Гитлер. Неужели, черт подери, вы надеетесь, что французы не обратят внимания на то, что их опять собираются шантажировать, хотя и по-иному?

Вы хотите единства французов? Тогда остерегитесь требовать его от них тоном, напоминающим тон церковного шпика, а то мы можем подумать, что вся ваша деятельность свелась к переводу на американский язык жалких проповедей Маршала, выполненному каким-нибудь преподобным баптистским пастором. Затем гоните прочь всех

тех, кто извлек выгоду из несчастья Франции, будь то для себя лично или же во имя тех идей, которым, по их словам, они служили. После чего предоставьте остальным французам договориться друг с другом. Им это удастся очень быстро. Они уже сейчас имеют одинаковое мнение о многих понятиях и личностях, перечислять которые я не берусь, потому что мне не позволили бы закончить…

Фарисеи-миротворцы

Перевод Н. С. Мавлевич

Май 1943 г.

В Европе, видимо, плохо представляют себе, как энергично хлопочут сейчас фашистские диктатуры о мире — разумеется, таком мире, какой их устроит. Об этом знают разве что «осведомленные круги». Но существование таких кругов — обыкновенный миф. Если бы «осведомленные круги» существовали где-нибудь, кроме гипотетического четвертого измерения, руководители демократических держав хоть иногда заглядывали бы туда, и мы были бы избавлены от бесконечных повторений Мюнхена в разных вариантах, китайском, эфиопском, испанском, австрийском, чешском. И сами мюнхенские партнеры не обрекли бы себя сначала на осмеяние, а потом на заклание. Наконец, сегодня на наших глазах в Северной Африке[225] не вздувался бы волдырь, пока небольшой, но уж очень подозрительный:

---

[225] Комментарии: 1.225

…на наших глазах в Северной Африке. — Бернанос имеет в виду совокупность военных действий и политических интриг, последовавших за высадкой союзников в Магрибе.

нечто подобное наблюдалось году в 1935-м на Канарских островах, где все началось с такого же нарыва, который делался все больше и больше, пока не развилось заражение крови, перекинувшееся на Испанию, так что в один прекрасный день страну захлестнула инфекция, то бишь фашистский мятеж. Умудренные горьким опытом европейские демократии должны были бы хоть этот нарыв вскрыть хирургическим ланцетом, вместо того чтобы скрестись втихомолку. Но увы, вот уже десять лет, как они только и делают, что расчесывают зудящие места!

Фашистские диктатуры составили гигантский заговор, чтобы добиться выгодного для себя мира, и, как всегда бывает в таких случаях, когда долго и медленно раскручивается пружина, зато мгновенно срабатывает спусковой механизм, наибольшую опасность представляет тот фактор, на который обращают внимание слишком поздно, ибо он остается скрытым до последней минуты. Я имею в виду общественное мнение. Демократические правительства беспечно полагают, что оно у них в руках, так как под предлогом соблюдения дисциплины они сделали его инертным и пассивным. Но здесь-то и таится опасность! Когда общественное мнение держат в бездей-

ствии, оно может мало-помалу вообще перестать интересоваться войной, и тогда им без труда завладеют лазутчики из стана диктатур. Казалось бы, эту неподвижную глыбу не сдвинуть с места никакими силами, но стоит только вражеской пропаганде подрыть под ней почву, и она покатится под уклон, круша все на своем пути. Так пусть же остерегаются демократические правительства! Мы здесь, на другой стороне планеты, явственнее ощущаем опасность: мы слышим глухие удары заступа. В конце концов, не надо быть адептом «религии левых», как говаривали образованные люди начала века, чтобы чувствовать недовольство, вновь и вновь убеждаясь в том, что даже теперь, добившись от своих подданных немалых уступок, демократические государства, кажется, все так же сомневаются в своих силах и в самом принципе демократии, как и перед Мюнхеном. Нам без конца твердят о порядке, повиновении, дисциплине, запретах, распространяющихся не только на нынешнее время, но и на будущее, как будто иначе и быть не может и все с этим согласны, как будто Свобода — это бредни, мимолетное увлечение народов, которое должно пройти так же, как проходят любовные увлечения юного здравомыслящего буржуа. Постепенно

начинает казаться, что война — не героический поход навстречу превратностям судьбы, а скорее скучная служба, от которой никуда не денешься: поднимаешься со ступеньки на ступеньку, пока не дойдешь до последней, до победы — а там и на покой. Еще немного — и люди, привыкшие бояться самостоятельно мыслить и действовать, решат, что вообще неизвестно, какое из двух зол хуже: тирания или свобода.

Именно это пагубное заблуждение, пагубное тем более, что оно льстит глупцам видимостью логики, и привело элиту буржуазного общества к принятию диктатуры. По-настоящему любить Свободу — значит любить ее бескорыстно, повинуясь тому же безотчетному внутреннему чувству, в силу которого мы, вопреки здравому смыслу, готовы в критическую минуту скорее расстаться с жизнью, чем с честью. А кто принимается взвешивать, чего стоит и чего не стоит честь, тот рано или поздно откажется от нее, сочтя, что она обходится слишком дорого. Все это относится и к Свободе. За нее тоже приходится платить дорогой ценой, и миллионы людей в демократических странах склоняются к тому, что игра не стоит свеч: ведь Свобода сулит по большей части блага нематериальные, а диктатура

— вполне осязаемые, например возможность набить брюхо. Может быть, европейские читатели обвинят меня в чрезмерном пессимизме. Они просто не видят и не слышат того, что видим и слышим мы, а если бы даже видели и слышали, то, наверное, не потрудились бы проверить, во что превратились повторяемые всеми священные слова: прежде их оживляла вера и любовь, теперь же они иссохли, как старый ствол, по которому больше не струится сок, постучишь по нему — отзовется гулкой пустотой.

Я, конечно, оскорбляю чувства многих демократов, особенно американских, которые уже за сто пятьдесят лет привыкли рассматривать Свободу как грандиозное предприятие, удачнейшее из всех, какие когда-либо какой-либо страной затевались, предприятие прибыльное и обещающее в будущем дивиденды еще покрупнее прежних. Нам такое понимание Свободы чуждо. Французу при мысли о Свободе первым делом представляется заваленная трупами баррикада. О, теперь, кажется, пожмут плечами простофили, которых увлек за собой Жиро, превративший наш Национальный фронт в «Африканский фронт». Ирония по отношению к бравым рабочим Сент-Антуанского предместья покажется

им крайне неуместной. Как же, ведь эти жалкие олухи поклоняются фетишу Героического Деяния — гениальной выдумке фашистских идеологов. Любой другой героизм ничего не стоит по сравнению с этим, который они любят противопоставлять мышиной возне демократии, подобно студентам 1830 года, распевавшим песенки о пошлых лавочниках и возвышенных поэтах. Позволю себе заметить, что если оправдаются некоторые расчеты, то они очень скоро увидят Тоталитарные Империи лавочников и Демократические Империи лавочников.

Что касается меня, то я, как давно знают читатели, никогда не делал особого различия между деяниями Мандрена[226], Робера Макера[227] или же незабвенного Тартюфа. Как любой разумный человек, я видел, что мюнхенские партнеры отличались друг от друга только лексиконом да

---

[226] Комментарии: 1.226

Мандрен Луи — главарь разбойничьей шайки, колесованный в городе Балансе в 1755 г.

[227] Комментарии: 1.227

Макер Робер — персонаж трехактной мелодрамы Бенжамена Антье, Сент-Амана и Полианта «Гостиница Адрец», поставленной в одном из парижских театров и имевшей большой успех благодаря блестящей игре Фредерика Леметра, который исполнял роль Макера, вопреки замыслу авторов, в пародийном, фарсовом ключе. Впоследствии художник Оноре Домье воспользовался этой фигурой для создания образа нечестного предпринимателя.

манерами. Одни хотели продать то, что им не принадлежит, лишь бы не расставаться с тем, что имеют, а другие решительно намеревались не добром, так силой забрать себе все. Французы! Вспомните: когда я писал «Большие кладбища под луной», гнусная политика невмешательства выражалась в том, что во имя высших интересов Всемирной Демократии Мадрид и Барселона были оставлены на растерзание фашистам. Чемберлен тогда открыто похвалялся дружбой с генералом Франко, у нас же упоминание о Чехословакии вызывало улюлюканье оголтелых националистов, так что французские дипломаты говорили о ней не иначе как деланно-небрежным тоном, каким юноша из приличного общества признается перед семейным советом в неблаговидных связях. А разве не в том же духе говорили недавно в Африке о «Свободной Франции»? И разве не имею я права сказать, что так называемая Всемирная Демократия — не знаю, какое имя даст ей история, не только стоит перед угрозой извне, но уже давно поражена внутренним недугом, который, прогрессируя, привел к постыдным событиям сентября 1938 года. В суровых условиях войны его поначалу стремительное развитие как будто бы замедлилось, но он продолжает тайно

разъедать дух свободных народов. Этот недуг напоминает мне кризис, который перенесла наша церковь несколько веков тому назад и который едва не закончился ее гибелью[228]. Притязания Всемирной Демократии на роль властительницы душ еще усугубляют мюнхенский инцидент, превращая эту дипломатическую трагедию в трагедию духовную, в скандальное дело о продажности пастырей.

Итак, плетется заговор, цель его — установить мир, весьма своеобразный мир, весьма своеобразный режим, который должен совместить в себе совершенно противоположные принципы, примирив их друг с другом с помощью словесной эквилибристики. Это известно мне не из светских слухов, пересудов священников или кулуарных университетских разговоров — я не дышу воздухом американских университетов, им можно и отравиться, как это уже произошло кое с кем из нас, эмигрантов. Я живу среди простого люда, здесь заговорщики чувствуют себя вольготно и действуют открыто, без зазрения совести играя на

---

[228] Комментарии: 1.228

…кризис, который перенесла наша церковь несколько веков тому назад и который едва не закончился ее гибелью. — Бернанос имеет в виду разложение католической церкви в период, предшествующий реформации, в результате которой от нее отошла часть ее паствы, предпочтя протестантизм.

невежестве и простодушии. И я вижу, как в этом заговоре участвуют такие люди, уживаются такие идеи, которые во всех иных случаях считаются враждебными друг другу. О Французы! Кажется, нет никакого средства, чтобы вы услышали меня, а если бы и было, никто не предоставил бы его человеку вроде меня. А я ведь тоже француз, такой же, как миллионы других, только я говорю то, что думаю сам, а не повторяю лозунги, которые ежемесячно пускают в обращение международные тресты, управляющие умами и душами. Я один из тех невозможных французов, которых испокон веков честили то упрямцами, то смутьянами, пока наконец блюстители порядка не придумали окрестить их «индивидуалистами». Пусть они индивидуалисты, однако это не помешало им образовать и сохранять на протяжении тысячи лет одно из славнейших в истории человеческих сообществ. Может быть, завтра их назовут уже не индивидуалистами, а анархистами. И что же? Международная демократия, ратующая за усиление власти государства, не простит нам, если мы заявим, что анархия — то есть отсутствие порядка, естественный хаос — все же лучше, чем извращенный порядок, иначе говоря, хаотический беспорядок в тысячу раз безвреднее

хаотического порядка. О Французы, такие очевидные вещи звучат сегодня как парадоксы, и, возможно, уже недалек час так называемого примирения, которое будет настоящим торжеством фарисейства на руинах всех твердынь разума.

Ненасытные паразиты

Перевод Н. С. Мавлевич

Август 1943 г.

Прозорливые люди уже давно с тревогой наблюдают, как нарастает повсюду в мире гнусная жажда наживы, плодящая все новые и новые полчища ненасытной, всепожирающей саранчи, и задаются вопросом, не станет ли только что отвоеванная у тиранов свобода добычей новых захватчиков. Совсем недавно почти то же самое говорил человек, чья компетентность не подлежит сомнению, вице-президент Соединенных Штатов Уоллес[229].

Уж его-то слова, точно, должны были дойти если не до сердца, то до нутра железных, угольных, нефтяных магнатов и газетчиков, находящихся у них на содержании (классическим образчиком этой породы остается Хёрст). Что же касается моих слов, то они — и это также точно — оставят их совершенно равнодушными, а вернее — и вовсе не достигнут их ушей. Однако кто служит золотому тельцу, а кто и позолоченному. Есть

---

[229] Комментарии: 1.229
Уоллес Генри — вице-президент США в 1940–1944 гг.

капиталисты глобального масштаба, о которых вел речь Уоллес, а есть мелкая сошка, подбирающая за ними крохи. Я не настолько высокого мнения об этой мелюзге, чтобы думать, будто она опасна сама по себе, но она нестерпимо омерзительна и подает дурной пример. На этих шутов я и ополчаюсь. Охотно уступая Уоллесу настоящих разбойников, довольствуюсь тем, что не упускаю случая освистать мнящих себя капиталистами жуликов.

Пусть другие, более образованные, чем я, критикуют крупный капитал. Я не тщусь быть философом, экономистом или уж тем более геологом. Я простой наблюдатель, что вижу — о том и говорю. Зато говорю свободно, как и когда считаю нужным. Если у писателя есть друзья в разных концах света и если он не страшится бедности — иначе говоря, готов обходиться без автомобиля и холодильника, — он всегда сумеет опубликовать свои книги. Заткнуть ему рот не удастся, разве что убить. Итак, я говорю только о том, что вижу, ни больше и ни меньше, но мои наблюдения могут оказаться полезными для всех. Финансисты, коммерсанты и промышленники вольны, разумеется, не разделять моих убеждений. И все же они должны согласиться со мной в

том, что кишмя кишащие на теле капитализма паразиты угрожают самому его существованию: он может в короткий срок зачервиветь и сгнить, как облепленный мухами кусок мяса.

Главы великих демократических держав, прикладывающие все силы, чтобы, как сказал недавно Рузвельт, не допустить у себя внутренней коррупции, я полагаю, нисколько не заинтересованы в том, чтобы поощрять такую коррупцию у соседей. Но, к сожалению, находятся люди, делающие это, прикрываясь их именем. Мелкие финансовые, промышленные и газетные мошенники умеют только одно — продаваться, но уж этим искусством владеют в совершенстве. И я сетую не на то, что их покупают, а на то, что покупают слишком дорого. Года три-четыре назад вся эта сволочь была фашистской. Сегодня она клянется в верности демократии. На какую же пользу от такого потрепанного товара можно еще надеяться?..

И все-таки им пользуются. В частности, используют против Франции. Раньше Франции с жалостливым презрением ставили в пример немецкую силу, немецкую дисциплину и немецкую организованность. Сейчас ей указывают на американский прогресс. А цель все та же: дока-

зать ущербность моей родины.

Все дело в том, что она путает карты тех самых разбойников, о которых говорил Уоллес. Они делали ставку на Германию. Интернационал Денежного Мешка делал ставку на тоталитарную Германию — в чем, впрочем, нет ничего удивительного, ведь гитлеровская Германия сохранила в неприкосновенности свои капиталистический костяк, достаточно сказать, что Геринг и по сей день остается одним из крупнейших в мире трестовых воротил. Франции была отведена в этой игре роль жертвы, и теперь бандиты боятся остаться с трупом на руках. Если слово «изоляционизм» имело когда-нибудь конкретный смысл, то оно означало политику изоляции Франции. Францию оставили отбиваться в одиночку от Гитлера, Муссолини, Франко, ей не дали вступить в союз с русскими, ее заманили в Мюнхен и принудили отречься от единственного союзника. И вот те, кто поставил на Германию против Франции, кто обрек Францию на гибель, хотят представить дело так, будто это сама Франция сделала ставку на фашизм и пала жертвой собственной реакционности, не пожелав внять призывам таких героев-реформаторов, апостолов социального прогресса, как Гувер или Чемберлен… По окон-

чании войны Францию собираются швырнуть в одну могилу с фашистскими диктаторами, покончив с ней раз и навсегда.

Пока Франция жива, пока французский дух будет хоть чего-то стоить в глазах людей, многие задуманные махинации могут не удаться или по крайней мере из них не удастся извлечь всей выгоды. Этим и объясняется стремление уничтожить или, на худой конец, очернить этот дух. И его будут чернить любыми средствами, при каждом удобном случае. Чтобы очернить его, обливают грязью такого скромного французского писателя, как я. Прежде, в те благодатные времена, когда Бразилия еще была нейтральной страной, меня, как и Жака Маритена, обзывали коммунистом, а теперь обзывают фашистом и собираются выбросить на свалку вместе с Марсельезой и гражданским кодексом... Я вовсе не преувеличиваю. Те, кого интересует моя особа, могли собственными глазами прочитать эти лестные отзывы обо мне здесь же, на страницах газеты, где я выступаю в течение трех лет. Как ни грубо сработана эта клевета, в ней все-таки слишком много яда, чтобы я опростоволосился, поверив, будто инициатива статьи принадлежит тому, чьим именем она подписана. Видимо, этот

автор относится к разряду истеричных писак, которые утрачивают силу, еще не начав творить, не могут зачать сами ни одной мысли, зато подхватывают чужие и поспешно, точно школьник, листающий альбом с эротическими картинками, предаются постыдному, бесплодному занятию одиночек. Его напускное негодование, его ужимки, вопли, гримасы и вилянья внушают мне едва ли не сочувствие. Гораздо большее отвращение я испытываю к вдохновителям этого несчастного паяца, даже не сообщившим ему, что один из моих сыновей вернулся тяжело больным из Англии, где остались другой сын и племянник, воюющий в составе британского десанта. Но я постараюсь преодолеть отвращение, чтобы в заключение обратиться к этим людям. Они притворяются, будто всерьез считают меня противником казни Муссолини. Я ничуть не против того, чтобы Муссолини удавили и, если понадобится, сам принесу веревку. Но я бы хотел, чтобы рядом с ним повесили, и не за шею, а за ноги, как собак, упомянутых Уоллесом дельцов мирового масштаба, тех, кто едва не погубил весь род человеческий, ради того чтобы продать фашистским диктаторам лишнюю тонну своего угля, своей нефти и стали.

Дядя Сэм и Макиавелли

Перевод Е. В. Никитиной

Сентябрь 1943 г.

Похищение Муссолини[230] относится к разряду тех событий, которых люди солидные, люди серьезные никогда не предвидят и довольствуются тем, что принимают их, становясь еще более серьезными. В эпохи, подобные той, что переживаем сейчас мы, трагичность событий быстро бы стала нестерпимой, если бы серьезность серьезных людей не привносила бы в них столь необходимой нотки комизма.

Еще лишь несколько месяцев назад определенные английские и американские политические круги проявляли большое недоверие по отношению к генералу де Голлю, которого они открыто и без малейших на то оснований обвиняли в вынашивании фашистских проектов. Если верить представителям прессы, то в Алжире одно время

---

[230] Комментарии: 1.230

Похищение Муссолини — в 1943 г., когда стало ясно, что гитлеровская Германия, а вместе с ней и Италия неминуемо потерпят поражение, в итальянской фашистской партии произошел раскол, Муссолини был смещен и по приказу короля посажен в тюрьму. Однако гитлеровским агентам удалось его освободить.

даже стоял вопрос о том, чтобы арестовать его с помощью его бывшего сподвижника адмирала Мюзелье[231]. Когда вспоминаешь о таких вещах — но к счастью, для правительств публика не имеет памяти, — становится просто смешно при мысли о том, что эти же самые политики, столь подозрительные и осмотрительные в отношении стоящего выше всяких подозрений человека, имя которого будут помнить столько, сколько будет длиться история Франции, держали в своих руках или по крайней мере под своим контролем самого изобретателя фашизма, мэтра и бога всех прошлых, настоящих и будущих фашизмов, чьим учеником смиренно называет себя Гитлер, и что они позволили его похитить, как опекуны в комедии позволяют влюбленному молодому человеку похитить их воспитанницу.

Наверняка найдутся читатели, которые упрекнут меня за этот иронический тон. Пусть они меня извинят! Такая уж у нас, у французов, манера спасаться от приступов горечи, когда та переполнит наши подвергшиеся унижению сердца. Да, меня душит стыд, когда я думаю об

[231] Комментарии: 1.231

Мюзелье Пьер (1882–1965) — французский адмирал, участвовавший в Лондоне вместе с де Голлем в работе по организации «Свободной Франции».

оскорблениях и насмешках, извергаемых пропагандой диктатур, потому что эта волна грязи может захлестнуть идеи, которые я почитаю, и умирающих за них мучеников — тех неизвестных героев в Европе, которые почти каждый день выстраиваются перед нацистским карательным отрядом и которые вправе потребовать, чтобы политики не предоставляли их палачам возможность зубоскалить над их трупами, обзывая их простофилями и дураками. Я думаю также о тех итальянских антифашистах в Милане, Генуе, Болонье, о тех рабочих, о тех демонстрантах, о тех забастовщиках, которых мы подтолкнули к восстанию и которых тоже поведут на бойню под улюлюканья и плевки. Напрасно мне возразят, что наши друзья англосаксы, обладающие менее богатым, чем у французов, воображением, удивятся моему возмущению, которое уже ничего не сможет изменить в судьбе тех несчастных. Когда друзей не могут спасти, за них мстят. А пока месть еще не настигла убийц, вполне можно начать отмщение с тех бездарей, которые, вероятнее всего, представили Рузвельту и Черчиллю заведомо ложные сведения о ситуации в Италии — столь же ложные, как и те, которые в прошлом они представляли о положении в Северной Африке и

о состоянии общественного мнения французов.

Ибо всем ясно, что мы оказались обманутыми хитрыми итальянцами, имеющими опыт в combinazioni. Если позволительно напомнить об этом, то скажу, что я предвидел этот обман, но совсем не горжусь этим, так как, чтобы его предвидеть, было достаточно чуть-чуть здравого смысла. Впрочем, не стоит и приписывать большую заслугу итальянцам в успехе этого предприятия, потому что их противники оказались опасно поражены ребяческой самоуверенностью и иллюзорным представлением о Европе как о столь отсталом мире, что первый попавшийся дипломат смог бы благодаря современной технике в одно мгновение обвести сейчас вокруг пальца и Талейрана[232], и Меттерниха[233], и Кавура[234].

---

[232] Комментарии: 1.232

Талейран-Перигор Шарль Морис (1754–1838) — французский дипломат, министр иностранных дел в 1797–1807 и 1814–1815 гг. Глава французской делегации на Венском конгрессе 1814–1815 г. Один из самых ярких представителей касты дипломатов, мастер тонкой интриги, беспринципный политик.

[233] Комментарии: 1.233

Меттерних-Виннебург Клеменс (1773–1859) — министр иностранных дел и фактический глава австрийского правительства в 1809–1821 гг., канцлер в 1821–1848 гг. Противник объединения Германии; стремился помешать укреплению позиций России в Европе. Во время Венского конгресса 1814–1815 г. подписал секретный договор с представителями Великобритании и Франции против России и Пруссии. В Австрийской империи установил систему полицейских репрессий, разжигал национальную вражду.

[234] Комментарии: 1.234

Кавур Камилло Бенсо (1810–1861) — лидер умеренно-либерального крыла в итальянском национально-освободительном движении Рисорджименто, в 1852–1861 гг. (кроме 1859) премьер-министр Сардинского королевства; провел буржуазные и антиклерикальные реформы. Стремился объединить Италию вокруг Сардинского королевства путем династических и дипломатических сделок. После объединения Италии (1861) был главой итальянского правительства.

Не будем, однако, заблуждаться! Отнюдь не в этом одном таятся причины из ряда вон выходящих промахов, которые без конца «компрометируют» замечательные промышленные и военные усилия. Да, именно так, здесь нечто большее, нежели ошибочная оценка, здесь обнаруживается порочность суждения, которую невозможно объяснить иначе, как деформацией совести. По всей видимости, союзническая дипломатия пошла навстречу итальянским Дарланам и пейрутонам, в ущерб людям, которые считаются слишком опасными для крупной буржуазии, ликующей в настоящий момент в Триесте, Турине, Милане, в самом Риме, поскольку ей удалось (как и нашей буржуазии в 1940 году) снова обрести защиту немецкой бронетанковой жандармерии.

В момент, когда я пишу эти строки, пропаганда пытается исказить факты таким образом, чтобы общественное мнение, жестоко пострадавшее от разочарования, не смогло извлечь из всего этого урока на будущее. При первой же возможности оно снова начнет бесконтрольно принимать на веру такие неправдоподобные известия, как массовое превращение фашистов в демократов, как добрая воля старых лисиц вроде Бадольо, как раковая опухоль у Муссолини. А ведь теперь-то всем

должно бы быть ясно, что торги относительно бомбардировок Рима, переговоры, предшествующие перемирию (где ватиканская дипломатия, кажется, сыграла роль, которую следовало бы прояснить), в конечном счете послужили той цели, к достижению которой стремился Гитлер: выиграть время, чтобы иметь возможность укрепить свои позиции на реке По. Во всяком случае, было бы абсолютно невероятно, чтобы Италии удалось избежать своей судьбы и стать рано или поздно полем битвы. Однако она поставила свои армии и свой флот в укрытие и умело пользуется своими двумя правительствами, демократическим правительством на Сицилии и фашистским — в Кремоне[235], что даст ей возможность предавать всех и выигрывать на одной либо на другой доске или, вероятнее, на обеих сразу. Дяде Сэму еще следует многому поучиться у Макиавелли.

[235] Комментарии: 1.235

Кремона — город в Северной Италии на реке По, куда перебрались некоторые видные фашисты после высадки союзных войск на юге Италии.

Преподобный Понтий Пилат

Перевод Н. С. Мавлевич

Сентябрь 1943 г.

К тому времени, когда в 1938 году я покинул Европу, Муссолини уже совершил почти все преступления, в которых признает его виновным трибунал демократических стран, если таковой будет когда-нибудь учрежден. Тем не менее в кругу так называемых порядочных людей — Hombres Dignos, как говорят испанцы, — он пользовался неизменным уважением. Стоит ли напоминать католикам, каким буйным восторгом было встречено заключение Латеранского договора[236], подписанного Пием XI, но в немалой степени обязанного своим существованием бывшему папскому статс-секретарю, впоследствии самому ставшему папой, его преподобию кардиналу

[236] Комментарии: 1.236

Латеранский договор — Латеранские соглашения между итальянским государством и Ватиканом были подписаны 11 февраля 1929 г. Они положили конец так называемому «Римскому вопросу». Договор признал образование на территории города Рима суверенного государства Ватикан; были урегулированы финансовые отношения между двумя сторонами, а также определены права и привилегии католической церкви в Италии. Латеранские соглашения в основном действуют и поныне.

Пачелли[237], а точнее, его родне, так как текст договора был составлен юристом Пачелли, получившим по этому случаю, если мне не изменяет память, титул маркиза. Я знаю, что это событие произошло еще до начала войн в Эфиопии и в Испании, но думаю, оно обеспечило возможность этих войн, гарантировав Муссолини, которого церковная пресса превозносила, словно нового Карла Великого, не только терпимость, но и сочувствие со стороны миллионов верующих и священнослужителей. И это сочувствие Муссолини сохранялось вплоть до того дня, когда он, как обещал Гитлеру, объявил войну демократическим странам, впервые в жизни сдержав свое слово.

Прошу прощения за то, что напоминаю все эти подробности. Казалось бы, это излишне. Действительно, сегодня никому не придет в голову отрицать, что благонамеренные европейцы и американцы чрезвычайно высоко ценили этого

[237] Комментарии: 1.237

Пачелли Эуджению (1876–1958) — статс-секретарь Ватикана в 1929–1939 гг., ставший в 1939 г. папой Пием XII. До и во время второй мировой войны проводил политику уступок гитлеровцам и итальянским фашистам, но укрывал евреев, спасающихся от преследования.

бывшего марксиста[238], который был похвально откровенен и никогда не скрывал, что не верит в Бога. Но вот увидите: пройдет несколько месяцев, и все, кто слепо почитают Его Величество Свершившийся Факт, примутся громогласно клясться, будто никогда не заблуждались на счет узурпатора, так что в конце концов и сами в это поверят. Вот почему, пока еще не поздно, мы должны запечатлеть истину.

«К чему? — наверняка спросят многие читатели. — Не лучше ли, памятуя о сыновьях Ноя, прикрывших наготу отца[239], милосердно предать забвению слабости миллионов простых смертных?» Я бы и рад. И если я не молчу, то потому, что не могу допустить, чтобы честь всех христиан подло приносилась в жертву интересам немногих, пусть даже самых высокопоставленных лиц. Я должен говорить, раз никто другой

---

[238] Комментарии: 1.238

…этого бывшего марксиста… — Свою политическую карьеру главарь итальянского фашизма Бенито Муссолини (1883–1945) начинал в социалистической партии, из которой был исключен в 1914 г., а в 1919 г. основал фашистскую партию и с помощью монополий, монархии и Ватикана захватил в 1922 г. власть.

[239] Комментарии: 1.239

…памятуя о сыновьях Ноя, прикрывших наготу отца… — Имеется в виду эпизод из Ветхого завета, где рассказывается, что один из сыновей патриарха Ноя посмеялся, увидев своего пьяного отца спящего голым, а два других сына, Сим и Яфет, напротив, набросили на того покрывало.

не хочет, хотя порой мне бывает тягостно выполнять этот долг: я ведь не настолько наивен, чтобы верить в искренность многих из тех, кто аплодирует моим обличительным речам. Да, они хлопают в ладоши, но про себя досадуют на то, что, высказывая истины, которые им хотелось бы обратить против нашей веры, я не изменяю христианскому образу мыслей и не посягаю на святыни. Прежде чем упрекать меня в строптивости, надо еще подумать, не окажется ли она в конечном счете полезнее, чем слепое покорство тех, кто всегда все приемлет. Взять, к примеру, мои «Большие кладбища под луной»: в свое время эта книга вызвала ни с чем не сравнимую бурю негодования. Влиятельные прелаты, главы многих орденов ратовали за то, чтобы ее занесли в Индекс[240]. Но очень скоро, когда пробьет час и все будут призваны к ответу, они, я уверен, еще порадуются тому, что им не удалось склонить Его Святейшество Пия XI к запрещению книги. Один из приближенных папы прислал мне тогда письмо, в котором сравнивал ее с разорвавшейся бомбой и признавал, что то был целительный

[240] Комментарии: 1.240

Индекс — список книг, запрещенных католическими религиозными властями, в частности папой. Эта цензура, введенная в XVI в., была отменена в 1966 г.

взрыв. Надеюсь, когда над головной нашей Церкви грянет неотвратимая буря, может, и зачтутся в ее пользу слова скромного писателя-католика, сказанные еще несколько лет назад, посреди всеобщей ненависти и раздора, — беспристрастные слова, клеймившие лжецов из обеих партий и продиктованные лишь заботой об истине.

Теперь же я стремлюсь не только смягчить последствия уже совершенных ошибок, но и предотвратить новые. Все видят, что католические вожди позволили фашизму изрядно себя скомпрометировать. Но опрометчивость и малодушие, бросившие их вчера к ногам Цезаря, могут сегодня толкнуть их на новый неосмотрительный шаг: заставить их цинично отречься от того, чему они еще недавно поклонялись. Я призываю их думать не столько о своем пострадавшем престиже и даже не столько об идеях, которым они призваны служить, сколько о допущенной ошибке и о том, как ее исправить. Те, кто облечен властью над умами и совестью своих братьев, не имеют права ограничиться в подобном случае невнятными извинениями и все замять, положившись на то, что люди бесконечно легкомысленны, невероятно забывчивы и готовы поверить чему угодно, если говорить внушитель-

но и с умным видом. Вождей, неверно оценивших каких-то деятелей, не сумевших предугадать хода событий, можно сравнить с невезучим или неумелым проводником, который завел караван невесть куда. Сколько они ни доказывай, что отлично знают правила ориентирования и даже могут рассказать их наизусть, это вовсе их не оправдает. С другой стороны, никто не требует, чтобы они били себя в грудь и публично каялись в глупости — от этого тоже мало толку. Зато если бы они постарались как можно отчетливее объяснить, как, когда, почему, в силу какого просчета они сбились с истинного пути, то тем самым честно исправили бы ошибку, то есть помешали ей повториться. Ныне потерпел крах тот, кого так почитал Чемберлен, кого политики, подписавшие мюнхенское соглашение, пытались в первые месяцы войны представить этаким миротворцем, арбитром, не позволяя нашим войскам войти в Италию, и нужно, чтобы все поддерживавшие его своими знаниями, авторитетом, властью повернулись лицом к толпам доверившихся им людей, с чьих глаз внезапно спала пелена, и открыто сказали им: «Нас обманул призрак славы, силы и величия, но мы богаты, влиятельны, сановиты и легко переживем крушение этой иллюзии, вы

же станете еще беднее и ничтожнее, чем были прежде. И потому мы избавим вас хотя бы от последнего унижения, пусть даже это повредит нам: не станем с брезгливым равнодушием отворачиваться от авантюры, в которую мы же вас вовлекли...»

Отстаивать то, о чем я здесь пишу, — честь для писателя, если только он не продался официальной пропаганде. Берясь за перо, он заботится не о стиле и риторике, а о бедных людях, которые послушно восхищаются чем велено, до тех пор, пока вершители их судеб, сговорившись между собой, как бы похитрее вывернуться из неловкого положения, не отстранятся, оставив на их долю похмелье в чужом пиру.

Как спасать Германию

Перевод Н. С. Мавлевич

Октябрь 1943 г.

Прошу прощения за то, что уже в третий раз возвращаюсь к статье г-жи Дороти Томпсон[241], название которой говорит само за себя: «Мы должны спасти Германию». Впрочем, точно так же я мог бы озаглавить и свою. Я ведь тоже считаю, что Германию надо спасать. Спасать прежде всего от самой себя.

Читатели, удостаивающие меня своим вниманием, знают, что я не стал бы шутить на подобную тему — она не располагает к веселью. Итак, Германию надо спасать, это бесспорно. Но, на мой взгляд, Дороти Томпсон слишком примитивно представляет себе, как это сделать, предлагая обойтись с древней нацией так же, как хотела бы, чтобы в сходных обстоятельствах обошлись с ее собственной. Мы со знаменитой журналисткой расходимся лишь в нюансах. Однако в нюансах-

---

[241] Комментарии: 1.241

Томпсон Дороти — журналистка, бывшая жена американского писателя Синклера Льюиса (1885–1951), лауреата Нобелевской премии за 1930 г.

то все и дело.

Прежде всего Дороти Томпсон не желает, чтобы мы мстили Германии. И я с ней согласен. Но она считает, что если мы поступим с побежденной Германией так же, как поступала с побежденными народами сама Германия, то окажемся столь же преступными, и тут она не права. Подобными рассуждениями она потакает пребывающим в заблуждении немцам, и без того всегда готовым требовать справедливости для себя, как только лишаются возможности чинить несправедливости по отношению к другим. Г-жа Дороти Томпсон — бывшая жена Синклера Льюиса. Во всяком случае, ей, должно быть, известно, что библейский закон «око за око, зуб за зуб» никак нельзя назвать несправедливым. И Евангелие отринуло его не потому, что он несправедлив, а потому, что справедливость оно заменило милосердием.

Германии следует опасаться не только потому, что она едва не погубила весь мир, а потому, что, затеяв преступную игру, ставкой в которой была жизнь и смерть человечества, она, кажется, сожалеет только о своем проигрыше. Ах да, г-жу Дороти Томпсон раздражает, когда говорят «Германия». Она упрекает нас в том, что мы всю Германию объявляем причастной к злодеяниям

полумиллиона фашистов. Но зачем приписывать нам то, чего у нас и в мыслях не было? Если бы мы действительно считали немецкий народ ответственным за зверства нацистов, то должны были бы требовать его полного истребления, но мы вовсе не желаем, чтобы с немцами расправились так же, как сами немцы расправились с евреями. Ни уничтожать немецкий народ, ни даже мстить ему мы не хотим, единственное наше желание — это договориться с ним раз и навсегда. Нас страшат новые проявления немецкого характера, к которому, как нам кажется, следует относиться совсем иначе, чем, скажем, к стихийно-неистовому характеру какого-нибудь ковбоя из популярных кинофильмов. Немецкий характер формировался — или деформировался — веками. Немецкое неистовство отнюдь не стихийно, оно продуманно и сознательно, с ним связана целая система законов и обрядов, так что нечего и думать отучить от него немцев такими же средствами, какими пытались когда-то — да и то безуспешно — отучить американцев от спиртного.

Исходная ошибка Дороти Томпсон в том, что, по ее представлению, немецкий народ делится на две части. Одна, ничтожно малая, — это маньяки

и садисты, а другая, несравненно большая, — самые заурядные люди, ничем не отличающиеся от обыкновенных средних американцев, миллионы Бэббитов[242], которых временно нарядили солдатами, тюремщиками и палачами и которые спят и видят, как бы поскорее вернуться в свой родной городишко с кучей «сувениров» в ранце… Что ж, американские Бэббиты и вправду все одинаковы, но просто оттого, что утратили расовые и национальные особенности. Впрочем, это не совсем верно. Потому что, если бы Дороти Томпсон было позволено переселить всех Бэббитов на родину их предков, они бы у нее на глазах снова превратились в немцев, голландцев или англичан.

Дороти Томпсон считает несправедливым распространять на весь немецкий народ ответственность за преступления, совершенные фашистами. А я полагаю столь же несправедливым исключить фашистов из немецкого народа, тем самым сбрасывая со счетов смягчающие их вину обстоятельства, то есть наследственность среды, культурные и нравственные традиции.

---

[242] Комментарии: 1.242

Бэббит — герой одноименного романа Синклера Льюиса, ставший классическим типом американского дельца и обывателя, олицетворяющий бездушие «долларовой цивилизации» и «бэббитовского образа жизни».

Да, среди немцев есть маньяки и садисты. Есть, разумеется, и масса посредственностей, таких же, как везде, — полная безликость, в конце концов, стирает все различия и особенности. Но есть еще одна, самая многочисленная категория немцев, которые, хоть они не маньяки и не садисты, тем не менее смотрят на жестокость и насилие иначе, чем мы. Когда от каких-то поступков воздерживаются потому, что они запрещены божеским и человеческим законом, это одно, а когда такие поступки сами по себе внушают ужас и отвращение это совсем другое. Например, у всех англичан развито чувство жалости к животным. Среди арабов же это встречается крайне редко. Следовательно, чтобы отучить юного англичанина от дурной привычки разорять птичьи гнезда, достаточно простого внушения, а чтобы помешать юному арабу избивать своего осла, предпочтительнее задать мальчишке трепку. Почему? Да потому, что первого легко устыдить, второй же, колотя осла, ощущает то же самое, что русский мужик, колотя свою жену, — почитайте хотя бы воспоминания Горького о своем детстве, — то есть чуть ли не гордость, причем вполне невинную, и уж, во всяком случае, не испытывает ни малейшего стыда. Ведь в его глазах жестокость — признак силы.

Возможно, г-же Дороти Томпсон эти различия покажутся чересчур уж тонкими. Она гораздо яснее все поймет, если ей доведется услышать, как говорят между собой о будущем мире немцы-антифашисты. В девяти случаях из десяти они вспомнят о том, как в 1918 году Германия стала жертвой несправедливости[243]. Действительно, если исходить из принципов, изложенных в знаменитой декларации Вильсона, Германии должны были предоставить равные права с победителями. Можно оправдать досаду обманутых в своих надеждах немцев, но уж никак не возмущение и не злость. Как бы не так! Представьте себе, что Вильсон от имени всех союзников заявил бы тогда: «Господа немцы, хоть вы и проиграли, но все равно вы величайшая нация в мире. И мы примем как должное, если вы, как только представится случай, сделаете еще одну попытку осуществить свою историческую миссию, то есть завоевать и подчинить себе мир. Тогда, как велит суровый германский обычай, вы поступите с нами по закону сильнейшего. Это замечательный закон, но мы — всего лишь жалкие людишки,

[243] Комментарии: 1.243

...Германия стала жертвой несправедливости. — Имеются в виду условия Версальского договора, которые потерпевшая поражение Германия считала несправедливыми.

рожденные не повелевать, а повиноваться. Мы не дерзнем судить вас по этому закону и просим позволения применить к вам наш, основанный на идеологии, которой, правда, погнушался бы Ницше, но которая вполне подходит таким неполноценным и слабым народам, как наши». Так вот, если бы все это было высказано в не столь иронической форме, немцы сочли бы подобную позицию совершенно естественной и законной. В конце концов, разве не этой же логике следовал небезызвестный католический писатель, когда, протестуя против отчуждения монастырских земель, воззвал к духу незадолго перед тем осужденного «Силлабусом»[244] либерализма и написал достопамятную фразу: «Я требую свободы согласно вашим принципам и отказываю в ней вам согласно своим»[245]?

Мои слова продиктованы не вздорным желанием уличить противника в непоследовательности — это всегда казалось мне ребячеством. Если бы

---

[244] Комментарии: 1.244

«Силлабус» — обнародованный 8 декабря 1864 г. указ папы римского Пия IX, в котором содержалось осуждение таких главных «заблуждений» того времени, как например, либерализм, социализм, естествознание и т. д.

[245] Комментарии: 1.245

«Я требую свободы согласно вашим принципам и отказываю в ней вам согласно своим». — Возможно, эта фраза принадлежит Леону Блуа (см. коммент, к с. 354).

я считал, что передо мной обыкновенный случай классического фарисейства, когда в чужом глазу видят сучок, а в своем не замечают бревна, то вообще не стал бы ничего доказывать… Тогда можно было бы надеяться, что достаточно предъявить немцам фотографический снимок этого самого бревна — и они убедятся, что стали жертвами оптического обмана. К сожалению, все не так просто — об этом мы еще поговорим в следующий раз.

Все зачеркнуть и все начать сначала

Перевод Н. С. Мавлевич

Май 1944 г.

Несколько недель тому назад я упомянул о том, что международные плутократы собираются прибрать к рукам воздушные торговые пути. И, заговорив об этом, незаметно и почти непроизвольно впал в иронический тон — хоть мне не хуже других известно, что подобные игры всегда в конечном счете оплачиваются кровью — кровью простых людей, — я не могу заставить себя серьезно думать о миллиардерах вроде Форда или Мак-Кормика[246]. Александр Дюма-сын говаривал, что большие дела делаются чужими деньгами. Опыт мировых войн позволяет несколько изменить этот афоризм: большие дела делаются чужой кровью. И все-таки все эти короли финансов, повинные в стольких бедствиях и кичащиеся тем, что управляют миром, кажутся мне комичными. Я отношусь к ним так же, как к голливудским звездам, чья слава, похоже,

[246] Комментарии: 1.246

Мак-Кормик Сайрус (1809–1884) — американский промышленник, который изобрел много сельскохозяйственных машин.

впрочем, несколько померкла. Еще недавно миллионы дурней таскали в потайном отделении бумажника или под крышкой карманных часов фотографию одной из этих «роковых женщин», а время от времени находился недоумок, накладывавший на себя руки из-за такой красотки. Но о них столько писали в газетах, что все их чары развеялись. И теперь ни один нормальный человек, как бы ни искушал его бес сладострастия, не даст и десяти долларов за то, чтобы заключить в объятия какую-нибудь изнуренную актрису. Многим из них впору уже быть бабушками, и только при ослепительном свете юпитеров они еще имеют сносный вид, подобно тому как подаваемые в некоторых роскошных ресторанах подпорченные лангусты годятся в пищу только под майонезом, отбивающим запах тухлятины. Собственно говоря, красота этих несчастных созданий — такая же фикция, как и богатство набобов: если им верить, они руководят грандиозными предприятиями, но какого-нибудь колебания на бирже достаточно, чтобы повергнуть их в прах, загнать в ночлежку для бедных.

Да простят мне читатели это отступление. Напомню лишь, что я приводил сообщения прессы Старого и Нового света о могущественных

английских, американских и канадских компаниях, которые намерены оспаривать друг у друга монополию на авиационные перевозки, исходя из публично высказанного одним государственным деятелем положения о том, что свобода воздушного пространства чревата анархией. Я пошутил по поводу такой заботы о небесных высях — разумеется, абсолютно бескорыстной, кто смеет в этом усомниться! — а в заключение выразил надежду, что вскоре там, за облаками, состоится встреча Рузвельта с Чемберленом и будет подписан договор о стратосфере — вот только не постигла бы его та же участь, что и договор об Атлантике.

Эти невинные шутки побудили одного читателя написать мне письмо — к сожалению, без подписи, — в котором он вежливо укоряет меня в скептическом отношении к словам и делам, с помощью которых лидеры великого Интернационала Денежного Мешка хотят развить во всем мире дух братской любви, основанный на всемирной конкуренции. Замечания доброжелательного незнакомца поколебали меня — я ведь и в самом деле всегда плохо разбирался в психологии дельцов. Однако вскоре нашел подтверждение своим взглядам, прочитав в газетах

речь видного британского государственного мужа: он гораздо яснее, чем решился намекнуть я, сказал в палате общин о том, что из-за алчных притязаний отдельных стран и международных компаний монополия на воздушные пути может в ближайшее время стать поводом для новой войны.

Меня часто упрекают в пессимизме. Но я не пессимист. Я выполняю свой долг свободного человека и просто не желаю, чтобы меня водили за нос. В успокоительной лжи и в иллюзиях я не нуждаюсь, успокоительна лишь правда, если она не всегда успокаивает, то уж, во всяком случае, избавляет от рабства. Я говорю вслух неприятные вещи, в чем не было бы надобности, если бы пробудилось от пагубного сна узурпированное средствами пропаганды общественное мнение, если бы народы решились посмотреть в глаза будущему, вместо того чтобы требовать от радио и прессы того же, чего умирающий упрямо требует от врача: утешительных слов, которые он слушает не веря.

Один мой собрат по перу как-то горько сокрушался о том, что во Франции до сих пор не существует национального единства. Я не сомневаюсь в его добрых чувствах к нашей стране, но

он должен был заметить, как и я, что о национальном единстве больше всех хлопочут, больше всех ждут, торопят, требуют и собираются осуществить его как можно скорее и любой ценой те самые люди, которые со времен Мюнхена не переставали то открыто, то тайно чернить Францию. И вообще, что такое национальное единство? Национальные единства бывают разные. Если бы, например, сразу после подписания мира с Германией наша нация объединилась вокруг Петена, как того желали некоторые безумцы из английских и американских изоляционистов, Дарлан отдал бы наш флот в распоряжение Гитлера, и, возможно, ныне знамя со свастикой развевалось бы над Вестминстерским аббатством, а Америка, отрезанная от Европы, блокированная с Атлантического и Тихого океанов, снова, как во времена сухого закона, стала бы жертвой головорезов-гангстеров, неправедных судей, продажных чиновников в фашистской форме немецкого или итальянского образца, ибо диктатура всегда и везде начинается с мобилизации всякого сброда. На это можно резонно возразить, что такое национальное единство было бы не настоящим. Просто все французы подчинились бы воле захватчиков. Но разве единство, которое

нам навязывают сейчас, иного свойства? Боюсь, что нет. Мои постоянные читатели знают, что я люблю коротко и ясно излагать суть расплывчатых и высокопарных рацей политиков. И вот как я выразил бы чувства, сквозящие в словах рьяных противников наших теперешних действий: «Без конца болтают, будто французы переживают какой-то кризис общественного сознания. Но Франции пора бы понять, что она уже не так богата, чтобы позволить себе роскошь возиться с общественным сознанием. Пусть бы лучше положилась на нас — уж мы бы избавили ее от этого мучительного кризиса своими средствами, применив испытанную тактику умелых дельцов, которые, терпя одно банкротство за другим, все равно достигают полного преуспеяния: все зачеркнуть и все начать сначала.»

Все зачеркнуть и все начать сначала. Этого-то им и надо. Такова цель их политики. Пусть же будут искренни и последовательны! Они, без сомнения, уже убедились в том, что военные потрясения не смогли уничтожить союз деловых и политических кругов, плодом которого явилось в свое время Мюнхенское соглашение. Он было ос-

новательно поколебался после Пёрл-Харбора[247], но постепенно упрочился вновь. И теперь он так же силен, как прежде. Настолько силен, что готов к миру. Расчет тут на то, что этот мир-сделка, мир-компромисс будет заключен посреди полной сумятицы в умах и душах и наступит сразу, как только кончится война, и так давным-давно утратившая тот благородный и героический характер, который придали ей английские летчики незабываемым летом 1940 года. Такой мир дельцы и политики в силах установить, но они знают: нельзя, чтобы этот маневр удался лишь наполовину, все надо решить одним ударом, и в финале их ждет либо победа по всем статьям, либо полный крах.

И снова взываю я к читателям, снова прошу их напрячь ум и память. За последние десять лет было совершено немало ошибок, и только глупец не поймет, что каждая ошибка прикрывалась ложью, а каждая ложь — преступлением. Только глупец не поймет, что подведением счетов после предыдущей войны занимался целый трест из

[247] Комментарии: 1.247

Пёрл-Харбор — военно-морская база США на Гавайских островах, где 7 декабря 1941 г. японская авиация нанесла внезапный удар по основным силам американского Тихоокеанского флота и вывела их из строя, что стало началом войны между Японией и США.

политиков, дельцов и газетчиков, и этот трест год от года набирал силу, внедряя своих людей во все высшие государственные органы. Члены его так усердно проталкивали друг друга наверх, что даже не заметили, как утвердились диктаторские режимы. Когда же заметили, то испугались не за демократический строй, а за самих себя. Но сдавать позиций они не собирались и очень скоро поняли, что должны быть солидарны друг с другом во всем: во лжи, ошибках и преступлениях — и что спастись можно, только противопоставив гневу преданных ими народов единый и сплоченный фронт. Они помогли друг другу удержаться на занимаемых постах, и по сю пору ничто их существенно не потеснило. Вспомните, читатели! Вы видели вещи невообразимые, невероятные. Видели, как за две недели была раздавлена Польша, пока французские солдаты наводили блеск на свою драгоценную линию Мажино, а английские — преспокойно отдыхали на наших пляжах; как на виду у бессильного английского флота в Норвегии высадился парашютный десант и захватил ее; как были вовлечены в войну и тотчас брошены на произвол судьбы и загублены Греция и Югославия. Вы видели, что творилось в Пёрл-Харборе, на Филиппинах, в Сингапуре. Видели, как

важнейшие территории оставляли под охраной одного-двух батальонов, а крупные военные базы — без авиации и артиллерии. Словом, вы видели все что угодно, но ни разу не видели, чтобы повесили хоть одного из виновных в этих странных вещах. А если бы вы заглянули в дипломатический, административный или политический справочник за 1944 год, то нашли бы почти все те же имена, которые значились там еще во времена Мюнхена. И можете не сомневаться: будь еще жив Чемберлен, в газетах и сейчас почтительно приводилось бы мнение этого великого человека о втором фронте.

Что ж, я прекрасно понимаю, почему заправилы Всемирного Треста Изоляционизма так заинтересованы в том, чтобы у нас поскорее возродилось национальное единство, построенное на принципе, о котором я говорил: все зачеркнуть и все начать сначала. Им нужно во что бы то ни стало, и притом незамедлительно, заткнуть образовавшуюся в Северной Африке брешь, через которую рано или поздно может проложить себе путь возмездие народов. Конечно, Пюше — всего лишь рядовой член международной мафии, постепенно подменившей собой демократические учреждения, подобно пожирающей здоровый

орган раковой опухоли; тем не менее вынесенный ему в Алжире приговор заставит затрещать головы тех, кто повыше его рангом. Возмездие приближается, и его ничто не остановит.

Сохранять достоинство

Перевод О. П. Лускиной

Сентябрь 1944 г.

Вот уже больше двух недель Париж окончательно освобожден от врага. В любое время дня мысль об этом будоражит наши сердца и даже во сне не оставляет наше сознание. И все же я по-прежнему продолжаю считать, что каждому французу следовало бы избегать высказывать свою радость, я хотел бы, чтобы он держал ее в себе, хранил ее в тайниках души, ревниво берег ее до лучших дней, которые должны настать, которые настанут и к которым мы готовы. Радость забывчива, а мы не хотим забывать. Каждый человек моего поколения должен во что бы то ни стало сохранить память о бесчестии, которому четыре года подвергался его город, ведь позор пал на всех нас, все мы ответим за него перед Историей, то есть перед будущими поколениями. О! Я прекрасно знаю, что такие слова покажутся слишком суровыми тем французам, которые полагают, будто заурядность дает им право на то же преимущество, какое суд признает за детьми — отсутствие ответственности. Что значит для

нас мнение этих глупцов? Мы не считаем себя свободными от ответственности. Мы все больше соотносим с огромностью испытания, перенесенного нашей страной, величину нашего перед ней долга, те помощь и жертвы, которые она имеет право потребовать от нас завтра. Больше, чем когда бы то ни было, о нас можно сказать словами Гинемера: «Если мы не отдали ей все, мы не отдали ей ничего».

Я пишу эти слова со всей серьезностью. Я по-настоящему ощутил их грозную, непоколебимую очевидность лишь в первый день высадки в Нормандии когда передо мной вдруг открылась возможность скорого возвращения в свою страну, возможность оказаться с ней лицом к лицу. Почему бы мне не признаться сейчас во всем? Вот уже несколько недель читатели газеты не встречали на ее страницах моего имени. Они имеют право знать причины этого молчания, и я открою их с дружеской простотой. Около двух месяцев назад я был вынужден прервать работу, неожиданно мне не хватило сил продолжать те ежедневные размышления, из которых медленно рождается мой писательский труд, подобно тому как проступают из бесформенного куска глины очертания статуи. Путаница и размеры

происходящих событий угнетали меня, угнетали мое сознание, угнетали мое тело и душу. Я отнюдь не претендую на принадлежность к тому типу людей, у которых физическое и душевное состояние никогда не посягают одно на другое и взаимно уважают друг друга — совсем как законодательная и исполнительная власть при образцовой демократии, как о том пишут в наших учебниках по государственному праву. Конечно, нет ничего похвального, равно как и презренного, в том, что ты физически ощущаешь потрясение от счастливых или прискорбных событий, которые не нарушают безмятежности философа или хладнокровия политика. «Но как же так, — могут возразить здесь мои читатели, — разве теперешние события не должны как раз еще больше поднять ваши силы и дух, которые не изменяли вам в самые черные дни?» Вот на этот вопрос я и хочу ответить.

Бразильские друзья, преданные мне с самого первого часа, раз у Франции нет больше ни возможностей, ни власти заставить мир услышать свой голос, заглушить другие, более мощные голоса, то каждый из нас, как бы ничтожен он ни был, может попытаться одолжить ей свой. Я хочу попробовать высказаться от ее имени,

выразить то, что она переживает сегодня. Друзья Франции, наша страна не сможет завтра встретить победу так, как она это сделала 11 ноября 1918 года[248]. Она думает о бесчисленных обязанностях, которые на нее возлагает эта вновь обретенная свобода. Или скорее восстановленная, возвращенная нам свобода. Рискуя вызвать возмущение жалкой кучки глупцов, я снова буду писать то, что думаю. Неоценимой заслугой генерала де Голля было удержать Францию воюющей. Предательство Петена не позволило ему сохранить Францию свободной. Свобода 1944 года, как и монархия 1814 года, возвращается к нам на иностранных штыках. Не ищите в этих словах и следа горечи. Верно, что правительства, по их собственному признанию, до сих пор проводили реалистическую политику. Реализм исключает чувство. Поэтому правительства не дождутся от нас ничего похожего на сердечный порыв. Но я думаю не о правительствах. Я думаю об отважных английских, канадских, американских парнях, которые выиграли битву за Париж и могут теперь ступать победителями по мостовым нашей

[248] Комментарии: 1.248

11 ноября 1918 года. — Дата перемирия, заключенного между участниками первой мировой войны, явившаяся официальной датой ее завершения.

столицы. Они побили потрепанные немецкие войска, разметали то, что еще оставалось от легендарных дивизий, некогда в несколько гигантских прыжков пересекших Францию с севера на юг — от Мёзы до Соммы, от Соммы до Марны, от Марны до Луары и от Луары до Пиренеев. То, что Сопротивление подготовило почву для освобождения, то, что маки сделали для него все, что было в их силах, не вызывает никаких сомнений. Однако самой большой опасностью, которой может подвергнуться теперь наша страна, было бы увериться, что ее освобождение — это ее собственная, ей принадлежащая победа, плоды которой она может пожинать со спокойной совестью, как в 1918 году. Французы, живущие в Бразилии, вы, с видом победителей поднимавшие в честь освобождения Парижа шампанское, словно солнце, сверкающее над Пан-ди-Асукар, было солнцем Аустерлица, я понимаю ваш восторг: обстановка в Рио пьянила в тот день в тысячу раз сильнее, чем ваше шампанское. На несколько часов благодаря чуду сопереживания Париж стал для миллионов бразильцев их столицей. Но, дорогие соотечественники, слишком открыто присоединяясь к этой радости, не рискуем ли мы создать у наших друзей впечатление, что мы счи-

таем себя достойными без угрызений совести или даже без какой-либо задней мысли разделять ее? Весьма неприятное впечатление, будто каждому французу, бежавшему в июне 1940 года из Парижа в Ирун, из Ируна в Лиссабон, из Лиссабона в Рио, достаточно завтра проделать тот же путь в обратном порядке, чтобы считать себя в расчете со своей страной и ее друзьями! Увы! Победы Паттона[249] и Монтгомери[250] не отменяют факта позорного перемирия. Речь идет не о том, чтобы загладить этот позор по образцу Виши, когда Францию намеревались реабилитировать путем унижений и рабства. Речь идет не о том, чтобы загладить позор, а чтобы его искупить, искупить самопожертвованием и благородством. Благородством и риском. Благородством самого высокого разбора. Риском величайшим. Революция — вот этот риск. Мы ступим на стезю этого риска, как вступали когда-то, низко пригнув голову, в мерт-

---

[249] Комментарии: 1.249

Паттон Джордж (1885–1945) — американский генерал, руководивший военными действиями против гитлеровцев во время второй мировой войны.

[250] Комментарии: 1.250

Монтгомери Бернард (1887–1976) — английский маршал, победивший Роммеля в Африке, а затем руководивший военными операциями в Европе.

В. Никитин

венно-бледную стену заградительного огня или в стальную невидимую сеть, сотканную перед нами пулеметами. Мы знаем, у нас мало шансов выйти оттуда живыми, ибо в первом приступе гнева Франция — обманутая, преданная — не пощадит ничего и никого. Видно, придется своей кровью оплатить глупости, ошибки и преступления, которые мы изобличили и заклеймили. Ну так что ж! При сегодняшнем состоянии мира нам в тысячу раз предпочтительнее видеть нашу страну в ярости или даже отчаянии, нежели в апатии и самодовольстве, в пламени, нежели в грязи. Из грядущих испытаний можно выйти лишь с Богом, этого должно быть достаточно, чтобы укрепить наши сердца. Как я уже писал, новую зарю обретают на исходе ночи.